

<http://rcin.org.p>

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Супруга.—Анна на шеѣ.—Домъ съ мезониномъ.—Въ родномъ углу.—Печенѣгъ.—
Новая дача.—На подводѣ.—Мужики.—Моя жизнь.

INSTITUT
ZADAMY LITERACKICH PANI
BIBLIOTEKA
G-339 Warszawa, ul. Nowy Świat 79
Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЗДАНИЕ
АНТ. П. ПЕТХОВА

КОНДАКЪ ВЪРОДЪ

Въ 1877 г. издано въ Москвѣ въ типографіи И. П. Шувалова

Аргентическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп. № 29.

СОДЪЖАНІЕ

Содержание: 1. Описание... 2. Описание... 3. Описание... 4. Описание... 5. Описание...

24.113/11-12

СУПРУГА.

— Я просилъ васъ не уопрять у меня на столѣ,—говорилъ Николай Евграфычъ. — Послѣ вашихъ уборокъ никогда ничего не найдешь. Гдѣ телеграмма? Куда вы ее бросили? Извольте искать. Она изъ Казани, помѣчена вчерашнимъ числомъ.

Горничная, блѣдная, очень тонкая, съ равнодушнымъ лицомъ, нашла въ корзиѣ подъ столомъ нѣсколько телеграммъ и, молча, подала ихъ доктору; но все это были городскія телеграммы, отъ пациентовъ. Потомъ искали въ гостиной и въ комнатѣ Ольги Дмитріевны.

Быль уже первый часъ ночи. Николай Евграфычъ зналъ, что жена вернется домой не скоро, по крайней мѣрѣ часовъ въ пять. Онъ не вѣрилъ ей и, когда она долго не возвращалась, не спалъ, томился, и въ то же время презиралъ и жену, и ея постель, и зеркало, и ея бонбоньерки, и эти ландыши и гіацинты, которые кто-то каждый день присылалъ ей и которые распространяли по всему дому приторный запахъ цвѣточной лавки. Въ такія ночи онъ становился мелочень, капризенъ, придирчивъ, и теперь ему казалось, что ему очень нужна телеграмма, полученная вчера отъ брата, хотя эта телеграмма не содержала въ себѣ ничего, кромѣ поздравленія съ праздникомъ.

Въ комнатѣ жены на столѣ подъ коробкой съ почтовой бумагой, онъ нашелъ какую-то телеграмму и взглянулъ на нее мелькомъ. Она была адресована на имя тещи, для передачи Ольгѣ Дмитріевнѣ, изъ Монте-Карло, подпись: Michel... Изъ текста докторъ не понялъ ни одного слова, такъ

какъ это былъ какой-то иностранный, повидимому, англійскій языкъ.

— Кто этотъ Мишель? Почему изъ Монте-Карло? Почему на имя тещи?

За время семилѣтней супружеской жизни онъ привыкъ подозрѣвать, угадывать, разбираться въ уликахъ, и ему не разъ приходило въ голову, что, благодаря этой домашней практикѣ, изъ него могъ бы выйти теперь отличный сыщикъ. Придя въ кабинетъ и начавши соображать, онъ тотчасъ же вспомнилъ, какъ года полтора назадъ онъ былъ съ женой въ Петербургъ и завтракалъ у Кюба съ однимъ своимъ школьнымъ товарищемъ, инженеромъ путей сообщенія, и какъ этотъ инженеръ представилъ ему и его женѣ молодого человѣка лѣтъ 22—23, котораго звали Михаиломъ Ивановичемъ; фамилія была короткая, немножко странная: Рисъ. Спустя два мѣсяца, докторъ видѣлъ въ альбомѣ жены фотографію этого молодого человѣка съ надписью по-французски: «на память о настоящемъ и въ надеждѣ на будущее»; потомъ онъ два раза встрѣчалъ его самого у своей тещи... И какъ разъ это было то время, когда жена стала часто отлучаться и возвращалась домой въ четыре и пять часовъ утра, и все просила у него заграничнаго паспорта, а онъ отказывалъ ей, и у нихъ въ домѣ по цѣлымъ днямъ происходила такая война, что отъ прислуги было совѣстно.

Полгода назадъ товарищи врачи рѣшили, что у него начинается чахотка, и посоветовали ему бросить все и уѣхать въ Крымъ. Узнавши объ этомъ, Ольга Дмитриевна сдѣлала видъ, что это ее очень испугало; она стала ласкаться къ мужу и все увѣряла, что въ Крыму холодно и скучно, а лучше бы въ Ниццу, и что она поѣдетъ вмѣстѣ и будетъ тамъ ухаживать за нимъ, беречь его, поконить...

И теперь онъ понималъ, почему женѣ такъ хочется именно въ Ниццу: ея Michel живетъ въ Монте-Карло.

Онъ взялъ англійско-русскій словарь и, переводя слова и угадывая ихъ значеніе, мало-по-малу составилъ такую фразу: «Пью здоровье моею дорогой возлюбленной, тысячу разъ цѣлую маленькую ножку. Петербургливо жду пріѣзда». Онъ представилъ себѣ, какую бы смѣшную, жалкую роль онъ игралъ, если бы согласился поѣхать съ женой въ Ниццу, едва не заплакалъ отъ чувства обиды и въ силь-

номъ волненіи сталъ ходить по всѣмъ комнатамъ. Въ немъ возмущилась его гордость, его плебейская брезгливость. Сжимаемая кулаки и морщась отъ отвращенія, онъ спрашивалъ себя, какъ это онъ, сынъ деревенскаго попа, бурсакъ по воспитанію, прямой, грубый чловѣкъ, по профессіи хирургъ — какъ это онъ могъ отдаться въ рабство, такъ позорно подчинить себя этому слабому, ничтожному, продажному, низкому созданію.

— Маленькая ножка!—бормоталъ онъ, комкая телеграмму.—Маленькая ножка!

Отъ того времени, когда онъ влюбился и сдѣлалъ предложеніе, и потому жилъ семь лѣтъ, осталось воспоминаніе только о длинныхъ душистыхъ волосахъ, массѣ мягкихъ кружевъ и о маленькой ножкѣ, въ самомъ дѣлѣ, очень маленькой и красивой; и теперь еще, казалось, отъ прежнихъ объятій сохранилось на рукахъ и лицѣ ощущеніе шелка и кружевъ — и больше ничего. Ничего больше, если не считать истерикъ, визга, попрековъ, угрозъ и лжи, наглої, измѣннической лжи... Онъ помнилъ, какъ у отца въ деревнѣ, бывало, со двора въ домъ нечаянно влетала птица и начинала неистово биться о стекла и опрокидывать вещи, такъ и эта женщина, изъ совершенно чуждой ему среды, влетѣла въ его жизнь и произвела въ ней настоящій разгромъ. Лучшіе годы жизни протекли, какъ въ аду, надежды на счастье разбиты и осмѣяны, здоровья нѣтъ, въ комнатахъ его пошлая кокоточная обстановка, а изъ десяти тысячъ, которыя онъ зарабатываетъ ежегодно, онъ никакъ не соберется послать своей матери — попадѣ хотя бы десять рублей, и уже долженъ по векселямъ тысячу пятнадцать. Казалось, если бы въ его квартирѣ жила шайка разбойниковъ, то и тогда бы жизнь его не была такъ безнадежно, непоправимо разрушена, какъ при этой женщинѣ.

Онъ сталъ кашлять и задыхаться. Надо было бы лечь въ постель и согрѣться, но онъ не могъ, а все ходилъ по комнатамъ, или садился за столъ и нервно водилъ карандашомъ по бумагѣ, и писалъ манифально:

«Проба пера... Маленькая ножка»...

Къ пяти часамъ онъ ослабѣлъ и уже обвинялъ во всемъ одного себя, ему казалось теперь, что если бы Ольга Дмитриевна вышла за другого, который могъ бы имѣть на нее

доброе вліяніє, то—кто знаетъ?—въ концѣ-концовѣ, быть-можетъ, она стала бы доброй, честной женщиной; онъ же плохой психологъ и не знаетъ женской души, къ тому же неинтересенъ, грубъ...

«Миѣ уже осталось немного жить,—думалъ онъ:—я трущъ и не долженъ мѣшать живымъ. Теперь въ сущности было бы странно и глупо отстаивать какія-то свои права. Я объяснюсь съ ней; пусть она уходитъ къ любимому человеку... Дамъ ей разводъ, приму вину на себя...

Ольга Дмитриевна пріѣхала наконецъ и, какъ была, въ бѣлой ротондѣ, шапкѣ и въ калошахъ, вошла въ кабинетъ и упала въ кресло.

— Противный, толстый мальчишка,—сказала она, тяжело дыша, и всхлинула. — Это даже не честно, это гадко. — Она топнула ногой.—Я не могу, не могу, не могу!

— Что такое? — спросилъ Николай Евграфычъ, подходя къ ней.

— Меня провожалъ сейчасъ студентъ Азарбековъ и потерялъ мою сумку, а въ сумкѣ пятнадцать рублей. Я у мамы взяла.

Она плакала самымъ серьезнымъ образомъ, какъ дѣвочка, и не только платокъ, но даже перчатки у нея были мокры отъ слезъ.

— Что жъ дѣлать!—вздыхнулъ докторъ.—Потерялъ, такъ и потерялъ, ну и Богъ съ нимъ. Успокойся, миѣ нужно поговорить съ тобой.

— Я не миллионерша, чтобы такъ маскировать деньгами. Онъ говоритъ, что отдастъ, но я не вѣрю, онъ бѣдный...

Мужъ просилъ ее успокоиться и выслушать его, а она говорила все о студентѣ и о своихъ потерянныхъ пятнадцати рубляхъ.

— Ахъ, я дамъ тебѣ завтра двадцать пять, только замолчи, пожалуйста!—сказалъ онъ съ раздраженіемъ.

— Миѣ надо переодѣться!—заплакала она. — Не могу же я серьезно говорить, если я въ шубѣ! Какъ странно!

Онъ снялъ съ нея шубу и калоши, и въ это время ощутилъ запахъ бѣлаго вина, того самаго, которымъ она любила запивать устрицъ (несмотря на свою воздушность, она очень много ѣла и много пила). Она пошла къ себѣ и, немного погодя, вернулась переодѣтая, напудренная, съ заплаканными глазами, съѣла и вся ушла въ свой легкій съ

кружевами калотъ, и въ массѣ розовыхъ волнъ мужъ различалъ только ея распущенные волосы и маленькую ножку въ туфлѣ.

— Ты о чемъ хочешь говорить?—спросила она, покачиваясь въ креслѣ.

— Я нечаянно увидѣлъ вотъ это... — сказалъ докторъ и подалъ ей телеграмму.

Она прочла и пожала плечами.

— Что жъ?—сказала она, раскачиваясь сильнѣе. — Это обыкновенное поздравленіе съ новымъ годомъ и больше ничего. Тутъ нѣтъ секретовъ.

— Ты расчитываешь на то, что я не знаю англійскаго языка. Да, я не знаю, но у меня есть словарь. Это телеграмма отъ Риса, онъ пьетъ здоровье своей возлюбленной и тысячу разъ цѣлуетъ тебя. Но оставимъ, оставимъ это... — продолжалъ докторъ торопливо. — Я вовсе не хочу упрекать тебя, или дѣлать сцену. Довольно уже было и сценъ, и попрековъ, пора кончить... Вотъ что я тебѣ хочу сказать: ты свободна и можешь жить, какъ хочешь.

Помолчали. Она стала тихо плакать.

— Я освобождаю тебя отъ необходимости притворяться и лгать, — продолжалъ Николай Евграфычъ. — Если любишь этого молодого человѣка, то люби; если хочешь ѣхать къ нему за границу, поѣзжай. Ты молода, здорова, а я уже калѣка, жить мнѣ осталось недолго. Однимъ словомъ... ты меня понимаешь.

Она была взволнованъ и не могъ продолжать. Ольга Дмитриевна, плача и голосомъ, какимъ говорятъ, когда жаліуютъ себя, созналась, что она любитъ Риса и ѣздилъ съ нимъ кататься за городъ, бывала у него въ номерѣ, и, въ самомъ дѣлѣ, ей очень хочется теперь поѣхать за границу.

— Видишь, я ничего не скрываю, — сказала она со вздохомъ. — Вся душа моя нараспашку. И я опять умоляю тебя, будь великодушентъ, дай мнѣ паспортъ!

— Повторяю: ты свободна.

Она пересѣла на другое мѣсто, поближе къ нему, чтобы взглянуть на выраженіе его лица. Она не вѣрила ему и хотѣла теперь понять его тайныя мысли. Она никогда никому не вѣрила, и какъ бы благородны ни были намѣренія, она всегда подозрѣвала въ нихъ мелкія, или низмен-

ныя побужденія и эгонистическія цѣли. И когда она нѣтливо засматривала ему въ лицо, ему показалось, что у нея въ глазахъ, какъ у кошки, блеснулъ зеленый огонекъ.

— Когда же я получу паспортъ?—спросила она тихо.

Ему вдругъ захотѣлось сказать «никогда», но онъ сдержалъ себя и сказалъ:

— Когда хочешь.

— Я поѣду только на мѣсяцъ.

— Ты поѣдешь къ Рису навсегда. Я дамъ тебѣ разводъ, приму вину на себя, и Рису можно будетъ жениться на тебѣ.

— Но я вовсе не хочу развода! — живо сказала Ольга Дмитриевна, дѣлая удивленное лицо. — Я не прошу у тебя развода! Дай мнѣ паспортъ, вотъ и все.

— Но почему же ты не хочешь развода? — спросилъ докторъ, начиная раздражаться. — Ты странная женщина. Какая ты странная! Если ты серьезно увлеклась и онъ тоже любитъ тебя, то въ нашемъ положеніи вы оба ничего не придумаете лучше брака. И неужели ты еще станешь выбирать между бракомъ и адюльтеромъ.

— Я понимаю васъ,—сказала она, отходя отъ него, и лицо ея приняло злое, мстительное выраженіе. — Я отлично понимаю васъ. Я надѣла вамъ, и вы просто хотите избавиться отъ меня, навязать этотъ разводъ. Благодарю васъ, я не такая дура, какъ вы думаете. Развода я не приму и отъ васъ не уйду, не уйду, не уйду! Во-первыхъ, я не желаю терять общественнаго положенія, — продолжала она быстро, какъ бы боясь, что ей помѣшаютъ говорить:— во-вторыхъ, мнѣ уже 27 лѣтъ, а Рису 23; черезъ годъ я ему надѣмъ и онъ меня броситъ. И, въ-третьихъ, если хотите знать, я не ручаюсь, что это мое увлеченіе можетъ продолжаться долго... Вотъ вамъ! Не уйду я отъ васъ.

— Такъ я тебя выгоню изъ дому! — крикнулъ Николай Евграфычъ и затопалъ ногами. — Выгоню вонъ, низкая, гнусная женщина!

— Увидимъ-съ!—сказала она и вышла.

Уже давно разсвѣло на дворѣ, а докторъ все сидѣлъ у стола, водилъ карандашомъ по бумагѣ, и писалъ машинально:

«Милостивый государь... Маленькая ножка»...

Или же онъ ходилъ и останавливался въ гостиной пе-

редь фотографіей, снятой семь лѣтъ назадъ, вскорѣ послѣ свадьбы, и долго смотрѣлъ на нее. Это была семейная группа: тесть, теща, его жена Ольга Дмитріевна, когда ей было двадцать лѣтъ, и онъ самъ въ качествѣ молодого, счастливаго мужа. Тесть, бритый, пухлый, водяночный тайный совѣтникъ, хитрый и жадный до денегъ, теща — полная дама съ мелкими и хищными чертами, какъ у хорька, безумно любящая свою дочь и во всемъ помогающая ей; если бы дочь душила человѣка, то мать не сказала бы ей ни слова и только заслонила бы ее своимъ подоломъ. У Ольги Дмитріевны тоже мелкія и хищныя черты лица, но болѣе выразительныя и смѣлыя, чѣмъ у матери; это ужъ не хорекъ, а звѣрь покрупнѣе! А самъ Николай Евграфычъ глядитъ на этой фотографіи такимъ простакомъ, добрымъ малымъ, человѣкомъ - рубахой; добродушная семинарская улыбка расплылась по его лицу, и онъ наивно вѣритъ, что эта компанія хищниковъ, въ которую случайно втокнула его судьба, дастъ ему и поэзію, и счастье, и все то, о чемъ онъ мечталъ, когда еще студентомъ пѣлъ пѣсню: «Не любить—погубить значитъ жизнь молодую»...

И опять, съ недоумѣніемъ, спрашивалъ себя, какъ это онъ, сынъ деревенскаго попа, по воспитанію бурсакъ, простой, грубый и прямой человѣкъ, могъ такъ безпомощно отдаться въ руки этого ничтожнаго, лживаго, пошлаго, мелкаго, по натурѣ совершенно чуждаго ему существа.

Когда въ одиннадцатъ часовъ онъ надѣвалъ сюртукъ, чтобы ѣхать въ больницу, въ кабинетъ вошла горничная.

— Что вамъ?—спросилъ онъ.

— Барыня встала, и просятъ двадцать пять рублей, что вы давеча обѣщали.

АННА НА ШЕѢ.

I.

Послѣ вѣнчанія не было даже легкой закуски; молодые выпили по бокалу, переодѣлись и поѣхали на вокзалъ. вмѣсто веселаго свадебнаго бала и ужина, вмѣсто музыки и танцевъ— поѣздка на богомолье за двѣсти верстъ. Многіе одобряли это, говоря, что Модестъ Алексѣичъ уже въ чинахъ и не молодъ, и шумная свадьба могла бы, пожалуй, показаться не совѣмъ приличной; да и скучно слушать музыку, когда чиновникъ 52 лѣтъ женится на дѣвушкѣ, которой едва минуло 18. Говорили также, что эту поѣздку въ монастырь Модестъ Алексѣичъ, какъ человекъ съ правилами, затѣялъ собственно для того, чтобы дать понять своей молодой женѣ, что и въ бракѣ онъ отдастъ первое мѣсто религіи и нравственности.

Молодыхъ провожали. Толпа сослуживцевъ и родныхъ стояла съ бокалами и ждала, когда поидетъ поѣздъ, чтобы крикнуть ура, и Петръ Леонтьичъ, отецъ, въ цилиндрѣ, въ учительскомъ фракѣ, уже пьяный и уже очень блѣдный, все тянулся къ окну со своимъ бокаломъ и говорилъ умоляюще:

— Анюта! Аня! Аня, на одно слово!

Аня наклонялась къ нему изъ окна, и онъ шепталъ ей что-то, обдавая ее запахомъ виннаго перегара, дулъ въ ухо, — ничего нельзя было понять, — и крестилъ ей лицо, грудь, руки: при этомъ дыханіе у него дрожало и на глазахъ блеснули слезы. А братья Ави, Петя и Андруша,

гимназисты, дергали его сзади за фракъ и шептали сконфуженно:

— Папочка, будетъ... Папочка, не надо...

Когда поѣздъ тронулся, Аня видѣла, какъ ся отецъ побжаль немножко за вагономъ, пошатываясь и расплескивая свое вино, и какое у него было жалкое, доброе, виноватое лицо.

— Ура-а-а!—кричалъ онъ.

Молодые остались одни. Модестъ Алексѣвичъ осмотрѣлся въ куна, разложилъ вещи по полкамъ и сѣлъ противъ своей молодой жены, улыбаясь. Это былъ чиновникъ средняго роста, довольно полный, пухлый, очень сытый, съ длинными бакенами и безъ усовъ, и его бритый, круглый, рѣзко очерченный подбородокъ походилъ на пятку. Самое характерное въ его лицѣ было отсутствіе усовъ, это свѣже выбритое, голое мѣсто, которое постепенно переходило въ жирныя, дрожащія, какъ желе, щеки. Держался онъ солидно, движенія у него были не быстрыя, манеры мягкія.

— Не могу не припомнить теперь одного обстоятельства,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Пять лѣтъ назадъ, когда Косоротовъ получилъ орденъ святаго Анны второй степени и пришелъ благодарить, то его сіятельство выразился такъ: «Значить, у васъ теперь три Анны: одна въ петлицѣ, двѣ на шеѣ». А надо сказать, что въ то время къ Косоротову только-что вернулась его жена, особа сварливая и легкомысленная, которую звали Анной. Надѣюсь, что когда я получу Анну второй степени, то его сіятельство не будетъ имѣть повода сказать мнѣ то же самое.

Онъ улыбался своими маленькими глазками. И она тоже улыбалась, волнуясь отъ мысли, что этотъ человѣкъ можетъ каждую минуту поцѣловать ее своими полными, влажными губами и что она уже не имѣетъ права отказать ему въ этомъ. Мягкія движенія его пухлаго тѣла пугали ее, ей было и страшно, и гадко. Онъ всталъ, не сибша снялъ съ шеи орденъ, снялъ фракъ и жилетъ и надѣлъ халатъ.

— Вотъ такъ,—сказалъ онъ, садясь рядомъ съ Аней.

Она вспоминала, какъ мучительно было вѣщаніе, когда казалось ей, что и священникъ, и гости, и всѣ въ церкви глядѣли на нее печально: зачѣмъ, зачѣмъ она, такая милая, хорошая, выходитъ за этого пожилого, неинтереснаго господина? Еще утромъ сегодня она была въ восторгѣ, что все

такъ хорошо устроилось, во время же вѣнчанія и теперь въ вагонѣ чувствовала себя виноватой, обманутой и смѣшной. Вотъ она вышла за богатаго, а денегъ у нея все-таки не было, вѣнчальное платье шили въ долгъ и, когда сегодня ее провожали отецъ и братья, она по ихъ лицамъ видѣла, что у нихъ не было ни копейки. Будутъ ли они сегодня ужинать? А завтра? И ей почему-то казалось, что отецъ и мальчики сидятъ теперь безъ нея голодные и испытываютъ точно такую же тоску, какая была въ первый вечеръ послѣ похоронъ матери.

«О, какъ я несчастна!—думала она.—Зачѣмъ я такъ несчастна?»

Съ неловкостью человѣка солиднаго, непривычнаго обращаться съ женщинами, Модестъ Алексѣичъ трогалъ ее за талию и похлопывалъ по плечу, а она думала о деньгахъ, о матери, объ ея смерти. Когда умерла мать, отецъ, Петръ Леонтыичъ, учитель чистописанія и рисованія въ гимназiи, запыль, наступила нужда; у мальчиковъ не было сапогъ и калошъ, отца таскали къ мировому, приходилъ судебный приставъ и описывалъ мебель... Какой стыдъ! Аня должна была ухаживать за пьянымъ отцомъ, штонать братьямъ чулки, ходить на рынокъ и, когда хвалили ея красоту, молодость и изящныя манеры, ей казалось, что весь свѣтъ видитъ ея дешевую шляпку и дырочки на ботинкахъ, замазанныя чернилами. А по ночамъ слезы и неотвязчивая, безпокойная мысль, что скоро-скоро отца уволятъ изъ гимназiи за слабость и что онъ не перенесетъ этого и тоже умретъ, какъ мать. Но вотъ знакомыя дамы засуетились и стали искать для Ани хорошаго человѣка. Скоро нашелся вотъ этотъ самый Модестъ Алексѣичъ, не молодой и не красивый, но съ деньгами. У него въ банкѣ тысячь сто и есть родовое имѣнiе, которое онъ отдастъ въ аренду. Это человѣкъ съ правилами и на хорошемъ счету у его сiятельства; ему ничего не стоить, какъ говорили Ани, взять у его сiятельства записочку къ директору гимназiи и даже къ попечителю, чтобы Петра Леонтыича не увольняли...

Пока она вспоминала эти подробности, послышалась вдругъ музыка, ворвавшаяся въ окно вмѣстѣ съ шумомъ голосовъ. Это поѣздъ остановился на полустанкѣ. За платформой въ толпѣ бойко играли на гармоникѣ и на дешевой взгляливой скрипкѣ, а изъ-за высокихъ березъ и тополей,

изъ-за дачъ, залитыхъ луннымъ свѣтомъ, доносились звуки военнаго оркестра: должно-быть, на дачахъ былъ танцевальный вечеръ. На платформѣ гуляли дачники и горожане, прїѣзжавшіе сюда въ хорошую погоду подышать чистымъ воздухомъ. Былъ тутъ и Артыновъ, владѣлецъ всего этого дачнаго мѣста, богачъ, высокій, полный брюнетъ, похожіи лицомъ на армянина, съ глазами на выкатѣ и въ странномъ костюмѣ. На немъ была рубаха, разстегнутая на груди, и высокіе сапоги со шнорами, и съ плечъ спускался чернѣйшій плащъ, тащившійся по землѣ, какъ шлейфъ. За нимъ, опустивъ свои острые морды, ходили двѣ борзья.

У Ани еще блестяли на глазахъ слезы, но она уже не помнила ни о матери, ни о деньгахъ, ни о своей свадьбѣ, а пожимала руки знакомымъ гимназистамъ и офицерамъ, весело смѣялась и говорила быстро:

— Здравствуйте! Какъ поживаете?

Она вышла на площадку, подъ лунный свѣтъ, и стала такъ, чтобы видѣли ее всю въ новомъ великолѣнномъ платьѣ и въ шляпкѣ.

— Зачѣмъ мы здѣсь стоимъ?—спросила она.

— Здѣсь разъѣздъ,—отвѣтили ей:—ожидаютъ почтоваго поѣзда.

Замѣтивъ, что на нее смотритъ Артыновъ, она кокетливо прищурила глаза и заговорила громко по-французски, и оттого, что ея собственный голосъ звучалъ такъ прекрасно и, что слышалась музыка и луна отражалась въ прудѣ, и оттого, что на нее жадно и съ любопытствомъ смотрѣлъ Артыновъ, этотъ извѣстный донъ-жуанъ и баловникъ, и оттого, что всѣмъ было весело, она вдругъ почувствовала радость и, когда поѣздъ тронулся и знакомые офицеры на прощанье сдѣлали ей подъ козырекъ, она уже напѣвала польку, звуки которой посылали ей вдогонку военный оркестръ, гремѣвшій гдѣ-то тамъ за деревьями; и вернулась она въ свое купѣ съ такимъ чувствомъ, какъ будто на полустанкѣ ее убѣдили, что она будетъ счастлива непременно, несмотря ни на что.

Молодые пробыли въ монастырѣ два дня, потомъ вернулись въ городъ. Жили они на казенной квартирѣ. Когда Модестъ Алексѣичъ уходилъ на службу, Аня играла на роялѣ, или плакала отъ скуки, или ложилась на кушетку и читала романы, и разсматривала модный журналъ. За обѣ-

домъ Модестъ Алексѣичъ былъ очень много и говорилъ о политикѣ, о назначеніяхъ, переводахъ и наградахъ, о томъ, что надо трудиться, что семейная жизнь есть не удовольствіе, а долгъ, что копейка рубль бережетъ и что выше всего на свѣтѣ онъ ставитъ религію и нравственность. И, держа ножъ въ кулакѣ, какъ мечъ, онъ говорилъ:

— Каждый человѣкъ долженъ имѣть свои обязанности!

А Аня слушала его, боялась и не могла есть, и обыкновенно вставала изъ-за стола голодной. Послѣ обѣда мужъ отдыхалъ и громко храпѣлъ, а она уходила къ своимъ. Отецъ и мальчики посматривали на нее какъ-то особенно, какъ будто только-что до нея прихода осуждали ее за то, что она вышла изъ-за денегъ, за нелюбимаго, нуднаго, скучнаго человѣка; ея шуршащее платье, браслетки и вообще дамскій видъ стѣсняли, оскорбляли ихъ; въ ея присутствіи они немножко конфузились и не знали, о чемъ говорить съ ней; но все же любили они ее попрежнему и еще не привыкли обѣдать безъ нея. Она садилась и кушала съ ними щи, кашу и картошку, жареную на бараньемъ салтѣ, отъ котораго пахло свѣчкой. Петръ Леонтычъ дрожавшей рукой наливалъ изъ графинчика и выпивалъ быстро, съ жадностью, съ отвращеніемъ, потомъ выпивалъ другую рюмку, потомъ третью... Петя и Андрюша, худенькіе, блѣдные мальчики съ большими глазами, брали графинчикъ и говорили растерянно:

— Не надо, папочка... Довольно, папочка...

И Аня тоже тревожилась и умоляла его больше не пить, а онъ вдругъ всныхивалъ и стучалъ кулакомъ по столу.

— Я никому не позволю надзирать за мной! — кричалъ онъ. — Мальчишки! Дѣвчонка! Я васъ всѣхъ выгоню вонъ!

Но въ голосъ его слышались слабость, доброта, и никто его не боялся. Послѣ обѣда обыкновенно онъ нарядился; блѣдный, съ порѣзаннымъ отъ бритья подбородкомъ, вытягивая тощую шею, онъ цѣлыхъ полчаса стоялъ передъ зеркаломъ и прихорашивался, то причесываясь, то закручивая свои черные усы, пряскался духами, завязывалъ бантомъ галстукъ, потомъ надѣвалъ перчатки, цилиндръ и уходилъ на частные уроки. А если былъ праздникъ, то онъ оставался дома и писалъ красками, или игралъ на фисгармоніи, которая шипѣла и рычала; онъ старался выдать изъ нея

стройные, гармоничные звуки и подпѣвалъ, или же сердился на мальчиковъ:

— Мерзавцы! Негодяи! Испортили инструментъ!

По вечерамъ мужъ Ани игралъ въ карты со своими сослуживцами, жившими съ нимъ подъ одной крышей въ казенномъ домѣ. Сходились во время картъ жены чиновниковъ, некрасивыя, безвкусно наряженныя, грубыя, какъ кухарки, и въ квартирѣ начинались сплетни, такія же некрасивыя и безвкусныя, какъ сами чиновницы. Случалось, что Модестъ Алексѣичъ ходилъ съ Аней въ театръ. Въ антрактахъ онъ не отпускалъ ее отъ себя ни на шагъ, а ходилъ съ ней подъ руку по коридорамъ и по фойэ. Раскланявшійся съ кѣмъ-нибудь, онъ тотчасъ уже шепталъ Анѣ:— «Статскій совѣтникъ... принять у его сѣятельства...» или: «Со средствами... имѣеть свой домъ...» Когда проходили мимо буфета, Анѣ очень хотѣлось чего-нибудь сладкаго; она любила шоколадъ и яблочное пирожное, но денегъ у нея не было, а спросить у мужа она стѣнялась. Онъ бралъ грушу, мялъ ее пальцами и спрашивалъ нерѣшительно:

— Сколько стоитъ?

— Двадцать пять копеекъ.

— Однако!—говорилъ онъ и клалъ грушу на мѣсто; но такъ какъ было неловко отойти отъ буфета, ничего не купивши, то онъ требовалъ сельтерской воды и вышивалъ одинъ всю бутылку, и слезы выступали у него на глазахъ, и Аня ненавидѣла его въ это время.

Или онъ, вдругъ весь покраснѣвъ, говорилъ ей быстро:

— Поклонись этой старой дамѣ!

— Но я съ ней незнакома.

— Все равно. Это супруга управляющаго казенной палатой! Поклонись же, тебѣ говорю!—ворчалъ онъ настойчиво.— Голова у тебя не отвалится.

Аня кланялась и голова у нея въ самомъ дѣлѣ не отваливалась, но было мучительно. Она дѣлала все, что хотѣлъ мужъ, и злилась на себя за то, что онъ обманулъ ее, какъ послѣднюю дурочку. Выходила она за него только изъ-за денегъ, а между тѣмъ денегъ у нея теперь было меньше, чѣмъ до замужества. Прежде хоть отецъ давалъ двугривенныя, а теперь—ни гроша. Братъ тайно или просить она не могла, она боялась мужа, трепетала его. Ей казалось, что страхъ къ этому человеку она носить въ своей душѣ

уже давно. Когда-то въ дѣтствѣ самой внушительной и страшной силой, надвигающеюся какъ туча или локомотивъ, готовый задавить, ей всегда представлялся директоръ гимназіи, другой такую же силой, о которой въ семьѣ всегда говорили и которую почему-то боялись, былъ его сѣятельство: и былъ еще десятокъ силъ помельче, и между ними учителя гимназіи съ бритыми усами, строгіе, неумолимые и, теперь вотъ, наконецъ, Модестъ Алексѣичъ, человѣкъ съ правилами, который даже лицомъ походилъ на директора. И въ воображеніи Ани всѣ эти силы сливались въ одно и въ видѣ одного страшнаго громаднаго бѣлаго медвѣдя надвигались на слабыхъ и виноватыхъ, такихъ, какъ ее отецъ, и она боялась сказать что-нибудь противъ, и натянуто улыбалась и выражала притворное удовольствіе, когда ее грубо ласкали и оскверняли объятіями, наводившими на нее ужасъ.

Только одинъ разъ Петръ Леонтычъ осмѣлился попросить у него пятьдесятъ рублей взаймы, чтобы заплатить какой-то очень непріятный долгъ, но какое это было страданіе!

— Хорошо, я вамъ дамъ,—сказала Модестъ Алексѣичъ, подумавъ:—но предупреждаю, что больше уже не буду помогать вамъ, пока вы не бросите пить. Для человѣка, состоящаго на государственной службѣ, постыдна такая слабость. Не могу не напомнить вамъ общезвѣстнаго факта, что многихъ способныхъ людей погубила эта страсть, между тѣмъ какъ при воздержаніи они, быть-можетъ, могли бы со временемъ сдѣлаться высокопоставленными людьми.

И потянулись длинныя періоды: «по мѣрѣ того»... «исходя изъ того положенія»... «въ виду только-что сказаннаго». а бѣдный Петръ Леонтычъ страдалъ отъ униженія и испытывалъ сильное желаніе выинуть.

И мальчики, приходившіе къ Анѣ въ гости, обыкновенно въ рваныхъ сапогахъ и въ поношенныхъ брюкахъ, тоже должны были выслушивать наставленія.

— Каждый человѣкъ долженъ имѣть свои обязанности!— говорилъ имъ Модестъ Алексѣичъ.

А денегъ не давалъ. Но зато онъ дарилъ Анѣ кольца, браслеты и броши, говоря, что эти вещи хорошо имѣть про черный день. И часто онъ отпиралъ ея комодъ и дѣлалъ ревизію: всѣ ли вещи цѣлы.

II.

Наступила между тѣмъ зима. Еще задолго до Рождества въ мѣстной газетѣ было объявлено, что 29-го декабря въ дворянскомъ собраніи «имѣеть быть» обычный зимній балъ. Каждый вечеръ послѣ каргъ, Модестъ Алексѣичъ, взволнованный, шептался съ чиновниками, озабоченно поглядывая на Аню, и потомъ долго ходилъ изъ угла въ уголь, о чемъ-то думая. Наконецъ, какъ-то поздно вечеромъ онъ остановился передъ Аней и сказалъ:

— Ты должна сшить себѣ бальное платье. Понимаешь? Только, пожалуйста, посоветуйся съ Марьей Григорьевной и съ Натальей Кузьминичной.

И далъ ей сто рублей. Она взяла; но заказывая бальное платье, ни съ кѣмъ не совѣтовалась, а поговорила только съ отцомъ и постаралась вообразить себѣ, какъ бы одѣлась на балъ ея мать. Ея покойная мать сама одѣвалась всегда по послѣдней модѣ и всегда возилась съ Аней и одѣвала ее изящно, какъ куклу, и научила ее говорить по-французски и превосходно танцевать мазурку (до замужества она няя лѣтъ прослужила въ старому платья сдѣлать новое, мыть въ бензинѣ перчатки, брать на прокатъ *bijoux* и такъ же, какъ мать, умѣла щурить глаза, картавить, принимать красивыя позы, приходилъ, когда нужно, въ восторгъ, глядѣть печально и загадочно. А отъ отца она унаслѣдовала темный цвѣтъ волосъ и глазъ, нервность и эту манеру всегда прихорашиваться.

Когда за полчаса до отъѣзда на балъ Модестъ Алексѣичъ вошелъ къ ней безъ сюртука, чтобы передъ ея трюмо надѣть себѣ на шею орденъ, то, очарованный ея красотой и блескомъ ея свѣжаго, воздушнаго наряда, самодовольно расчесалъ себѣ бакены и сказалъ:

— Вотъ ты у меня какая... вотъ ты какая! Анята!— продолжалъ онъ, вдругъ впадая въ торжественный тонъ.— Я тебя осчастливилъ, а сегодня ты можешь осчастливить меня. Прошу тебя, представься супругѣ его сіятельства! Ради Бога! Черезъ нее я могу получить старшаго докладчика!

Поѣхали на балъ. Вотъ и дворянское собраніе, и подъѣздъ со швейцаромъ. Передняя съ вѣшалками, шубы,

снующіе лакеи и декольтированныя дамы, закрывающіяся вѣерами отъ сквозного вѣтра; пахнетъ свѣтильнымъ газомъ и солдатами. Когда Аня, идя вверхъ по лѣстницѣ подьруку съ мужемъ, услышала музыку и увидала въ громадномъ зеркалѣ всю себя, освѣщенную множествомъ огней, то въ душѣ ея проснулась радость и то самое предчувствіе счастья, какое испытала она въ лунный вечеръ на полустанкѣ. Она шла гордая, самоувѣренная, въ первый разъ чувствуя себя не дѣвочкой, а дамой, и невольно походкою и манерами подражая своей покойной матери. И въ первый разъ въ жизни она чувствовала себя богатой и свободной. Даже присутствіе мужа не стѣсняло ея, такъ какъ, перейдя порогъ собранія, она уже угадала инстинктомъ, что близость стараго мужа нисколько не унижаетъ ее, а наоборотъ, кладетъ на нее печать пикантной таинственности, которая такъ нравится мужчинамъ. Въ большой залѣ уже гремѣлъ оркестръ и начались танцы. Послѣ казенной квартиры, охваченная впечатлѣніями свѣта, пестроты, музыки, шума. Аня окинула взглядомъ залу и подумала:—«Ахъ, какъ хорошо!» и сразу отличила въ толпѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ, всѣхъ, кого она раньше встрѣчала на вечерахъ или на гуляньяхъ, всѣхъ этихъ офицеровъ, учителей, адвокатовъ, чиновниковъ, помѣщиковъ, его сіятельство, Артынова и дамъ высшаго общества, разодѣтыхъ, сильно декольтированныхъ, красивыхъ и безобразныхъ, которыя уже занимали свои позиціи въ избушкахъ и навильонахъ благотворительнаго базара, чтобы начать торговлю въ пользу бѣдныхъ. Громадный офицеръ въ эполетахъ—она познакомилась съ нимъ на Старо-Кіевской улицѣ, когда была гимназисткой, а теперь не помнила его фамиліи—точно изъ-подъ земли выросъ и пригласилъ на вальсъ, и она отлетѣла отъ мужа, и ей ужъ казалось, будто она плыла на парусной лодкѣ, въ сильную бурю, а мужъ остался далеко на берегу... Она танцевала страстно, съ увлеченіемъ и вальсъ, и польку, и кадрили, переходя съ рукъ на руки, угорая отъ музыки и шума, мѣшая русскій языкъ съ французскимъ, картавя, смѣясь и не думая ни о мужѣ, ни о комъ и ни о чемъ. Она имѣла успѣхъ у мужчинъ, это было ясно, да иначе и быть не могло, она задыхалась отъ волненія, судорожно тискала въ рукахъ вѣеръ и хотѣла пить. Отецъ. Петръ. Леонтычъ, въ помятомъ фракѣ, отъ котораго пахло бензи-

номъ, подошелъ къ ней, протягивая блюдечко съ краснымъ мороженымъ.

— Ты очаровательна сегодня,—говорилъ онъ, глядя на нее съ восторгомъ:—и никогда еще я такъ не жалѣлъ, что ты поспѣшила замужъ... Зачѣмъ? Я знаю, ты сдѣлала это ради насъ, но...—онъ дрожащими руками вытаскилъ пачечку денегъ и сказалъ:—Я сегодня получилъ съ урока и могу отдать долгъ твоему мужу.

Она сунула ему въ руки блюдечко и, подхваченная кѣмъ-то, унеслась далеко и мелькомъ, черезъ плечо своего кавалера, видѣла, какъ отецъ, скользя по паркету, обнялъ даму и понесся съ ней по залу.

— Какъ онъ милъ, когда трезвъ!—думала она.

Мазурку она танцевала съ тѣмъ же громаднымъ офицеромъ; онъ важно и тяжело, словно туша въ мундирѣ, ходилъ, поводилъ плечами и грудью, притоптывалъ ногами еле-еле—ему странно не хотѣлось танцевать, а она порхала около, дразня его своей красотой, своей открытой шеей; глаза ея горѣли загоромъ, движенія были страстныя, а онъ становился все равнодушнѣе и протягивалъ къ ней руки милостиво, какъ король.

— Bravo, bravo!..—говорили въ публикѣ.

Но мало-по-малу и громаднаго офицера прорвало: онъ оживился, заволновался и, уже подавшись очарованью, вошелъ въ азартъ и двигался легко, молодо, а она только поводила плечами и глядѣла лукаво, точно она уже была королева, а онъ рабъ, и въ это время ей казалось, что на нихъ смотритъ вся зала, что всѣ эти люди млѣютъ и завидуютъ имъ. Едва громадный офицеръ успѣлъ поблагодарить ее, какъ публика вдругъ разступилась и мужчины вытянулись какъ-то странно, опустили руки... Это шель къ ней его сятельство, во фракѣ съ двумя звѣздами. Да, его сятельство шель именно къ ней, потому что глядѣлъ прямо на нее въ упоръ и слащаво улыбался, и при этомъ жевалъ губами, что дѣлалъ онъ всегда, когда видѣлъ хорошенькихъ женщинъ.

— Очень радъ, очень радъ...—началъ онъ. — А я прикажу посадить вашего мужа на гауптвахту за то, что онъ до сихъ поръ скрываетъ отъ насъ такое сокровище. Я къ вамъ съ порученіемъ отъ жены,—продолжалъ онъ, подавая ей руку.—Вы должны помочь намъ... М-да... Нужно назна-

чить вамъ премію за красоту... какъ въ Америкѣ... М-да... Американцы... Моя жена ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ.

Онъ привелъ ее въ избушку, къ пожилой дамѣ, у которой нижняя часть лица была несоразмѣрно велика, такъ, что казалось, будто она во рту держала большой камень.

— Помогите намъ,—сказала она въ носъ, нараспѣвъ.— Всѣ хорошенькія женщины работаютъ на благотворительномъ базарѣ, и только одна вы почему-то гуляете. Отчего вы не хотите намъ помочь?

Она ушла, и Аня заняла ея мѣсто около серебрянаго самовара съ чашками. Тотчасъ же началась бойкая торговля. За чашку чаю Аня брала не меньше рубля, а громаднаго офицера заставила выпить три чашки. Подошелъ Артыповъ, богачъ, съ выпуклыми глазами, страдающій одышкой, но уже не въ томъ странномъ костюмѣ, въ какомъ видѣла его Аня лѣтомъ, а во фракѣ, какъ всѣ. Не отрывая глазъ съ Ани, онъ выпилъ бокаль шампанскаго и заплатилъ сто рублей, потомъ выпилъ чаю и далъ еще сто— и все это молча, страдая астмой... Аня зазывала покупателей и брала съ нихъ деньги, уже глубоко убѣжденная, что ея улыбки и взгляды не доставляютъ этимъ людямъ ничего, кромѣ большого удовольствія. Она уже поняла, что она создана исключительно для этой шумной, блестящей, смѣющейся жизни съ музыкой, танцами, поклонниками, и давнишній страхъ ея передъ силой, которая надвигается и грозитъ задавить, казался ей смѣшнымъ; никого она уже не боялась, и только жалѣла, что нѣтъ матери, которая порадовалась бы теперь вмѣстѣ съ ней ея успѣхамъ.

Петръ Леонтычъ, уже блѣдный, но еще крѣпко держась на ногахъ, подошелъ къ избушкѣ и попросилъ рюмку копыяку. Аня покраснѣла, ожидая, что онъ скажетъ что-нибудь не подобающее (ей уже было стыдно, что у нея такой бѣдный, такой обыкновенный отецъ), но онъ выпилъ, выбросилъ изъ своей пачечки десять рублей и важно отошелъ, не сказавъ ни слова. Немного погодя, она видѣла, какъ онъ шелъ въ парѣ въ grand rond и въ этотъ разъ онъ уже пошатывался и что-то выкрикивалъ, къ великому конфузу своей дамы, и Аня вспомнила, какъ года три назадъ на балу онъ такъ же вотъ пошатывался и выкрикивалъ—и кончилось тѣмъ, что околоточный увезъ его домой

спать, а на другой день директоръ грозилъ уволить ее службы. Какъ некстати было это воспоминаніе!

Когда въ избушкахъ потухли самовары и утомленные благотворительницы сдали выручку пожилой дамѣ съ камнемъ во рту, Артыновъ повелъ Аню подъ-руку въ залу, гдѣ былъ сервированъ ужинъ для всѣхъ участвовавшихъ въ благотворительномъ базарѣ. Ужинало человѣкъ двадцать, не больше, но было очень шумно. Его сіятельство провозгласилъ тостъ: «Въ этой роскошной столовой будетъ умѣстно выпить за процвѣтаніе дешевыхъ столовыхъ, служившихъ предметомъ сегодняшняго базара». Бригадный генералъ предложилъ выпить «за силу, передъ которой пассуетъ даже артиллерія», и всѣ потянулись чокаться съ дамами. Было очень, очень весело!

Когда Аню провожали домой, то уже свѣтало и кухарки шли на рынокъ. Радостная, пьяная, полная новыхъ впечатлѣній, замученная, она раздѣлась, повалилась въ постель и тотчасъ же уснула...

Во второмъ часу дня ее разбудила горничная и доложила, что пріѣхалъ господинъ Артыновъ съ визитомъ. Она быстро одѣлась и пошла въ гостиную. Вскорѣ послѣ Артынова пріѣзжалъ его сіятельство благодарить за участіе въ благотворительномъ базарѣ. Онъ, глядя на нее слащаво и жуя, поцѣловалъ ей ручку и попросилъ позволенія бывать еще и уѣхалъ, а она стояла среди гостиной, изумленная, очарованная, не вѣря, что переимѣна въ ея жизни, удивительная переимѣна, произошла такъ скоро; и въ это самое время вошелъ ея мужъ, Модестъ Алексѣичъ... И передъ ней также стоялъ онъ теперь съ тѣмъ же занскивающимъ, сладкимъ, холопски-почтительнымъ выраженіемъ, какое она привыкла видѣть у него въ присутствіи сильныхъ и знатныхъ; и съ восторгомъ, съ негодованіемъ, съ презрѣніемъ, уже увѣренная, что ей за это ничего не будетъ, она сказала, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Подите прочь, болванъ!

Послѣ этого у Ани не было уже ни одного свободнаго дня, такъ какъ она принимала участіе то въ пикникѣ, то въ прогулкѣ, то въ спектаклѣ. Возвращалась она домой каждый день подъ утро и ложилась въ гостиной на полу, и потомъ рассказывала всѣмъ трогательно, какъ она спитъ подъ цвѣтами. Денегъ нужно было очень много, но она уже

не боялась Модеста Алексѣвича и тратила его деньги, какъ свои; и она не просила, не требовала, а только посылала ему счета, или записки: «выдать подателю сего 200 р.», или: «немедленно уплатить 100 р.».

На Пасхѣ Модестъ Алексѣвичъ получилъ Анну второй степени. Когда онъ пришелъ благодарить, его сіятельство отложилъ въ сторону газету и сѣлъ поглубже въ кресло.

— Значить, у васъ теперь три Анны, — сказалъ онъ, осматривая свои бѣлые руки съ розовыми ногтями:—одна въ петлицѣ, двѣ на шеѣ.

Модестъ Алексѣвичъ приложилъ два пальца къ губамъ изъ осторожности, чтобы не разсмѣяться громко, и сказалъ:

— Теперь остается ожидать появленія на свѣтъ маленькаго Владиміра. Осмѣлюсь просить ваше сіятельство въ воспріемники.

Онъ намекалъ на Владиміра IV степени и уже воображалъ, какъ онъ будетъ всюду рассказывать объ этомъ своемъ каламбурѣ, удачномъ по находчивости и смѣлости, и хотѣлъ сказать еще что-нибудь такое же удачное, но его сіятельство вновь углубился въ газету и кивнулъ головой...

А Аня все каталась на тройкахъ, ѣздила съ Артыновымъ на охоту, играла въ одноактныхъ пьесахъ, ужинала, и все рѣже и рѣже бывала у своихъ. Они обѣдали уже одни. Петръ Леонтычъ запивалъ сѣльиѣе прежняго, денегъ не было и фисгармонію давно уже продали за долгъ. Мальчики теперь не отпускали его одного на улицу и все слѣдили за нимъ, чтобы онъ не упалъ; и когда во время катанья на Старо-Кіевской имъ встрѣчалась Аня на парѣ съ пристяжной на отлетѣ и съ Артыновымъ на козлахъ вмѣсто кучера, Петръ Леонтычъ снималъ цилиндръ и собирался что-то крикнуть, а Петя и Андрюша брали его подъ-руки и говорили умоляюще:

— Не надо, папочка... Будетъ, папочка...

ДОМЪ СЪ МЕЗОНИНОМЪ.

(Разсказъ художника.)

I.

Это было 6—7 лѣтъ тому назадъ, когда я жилъ въ одномъ изъ уѣздовъ Т—ой губерніи, въ имѣніи помѣщика Бѣлокурова, молодого человѣка, который вставалъ очень рано, ходилъ въ поддевкѣ, по вечерамъ пилъ пиво и все жаловался мнѣ, что онъ нигдѣ и ни въ комъ не встрѣчаетъ сочувствія. Онъ жилъ въ саду во флигелѣ, а я въ старомъ барскомъ домѣ, въ громадной залѣ съ колоннами, гдѣ не было никакой мебели, кромѣ широкаго дивана, на которомъ я спалъ, да еще стола, на которомъ я раскладывалъ пасьянсъ. Тутъ всегда, даже въ тихую погоду, что-то гудѣло въ старыхъ амосовскихъ печахъ, а во время грозы весь домъ дрожалъ и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда всѣ десять большихъ оконъ вдругъ освѣщались молніей.

Обреченный судьбой на постоянную праздность, я не дѣлалъ рѣшительно ничего. По цѣлымъ часамъ я смотрѣлъ въ свои окна на небо, на птицъ, на аллен, читалъ все, что привозили мнѣ съ почты, спалъ. Иногда я уходилъ изъ дому и до поздняго вечера бродилъ гдѣ-нибудь.

Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрелъ въ какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на двѣгущей ржи растянулись вечернія тѣни. Два ряда старыхъ, тѣсно посаженныхъ, очень высокихъ елей стояли, какъ двѣ сплошныя стѣны, образуя мрачную, красивую

аллею. Я легко перелѣзъ черезъ изгородь и пошелъ по этой аллеѣ, скользя по еловымъ игламъ, которыя тутъ на вершокъ покрывали землю. Было тихо, темно и только высоко на вершинахъ кое-гдѣ дрожалъ яркій золотой свѣтъ и переливалъ радугой въ сѣтяхъ паука. Сильно, до духоты пахло хвоемъ. Потомъ я повернулъ на длинную липовую аллею. И тутъ тоже заустѣние и старость; прошлогодняя лпства печально шелестѣла подъ ногами и въ сумеркахъ между деревьями прятались тѣни. Направо, въ старомъ фруктовомъ саду, нехотя, слабымъ голосомъ пѣла иволга, должно-быть, тоже старушка. Но вотъ и липы кончились; я прошелъ мимо бѣлаго дома съ террасой и съ мезониномъ, и передо мною неожиданно развернулся видъ на барскій дворъ и на широкій прудъ съ купальней, съ толпой зеленыхъ ивъ, съ деревяней на томъ берегу, съ высокой, узкой колокольной, на которой горѣлъ крестъ, отражая въ себѣ заходившее солнце. На мигъ на меня повѣяло очарованіемъ чего-то родного, очень знакомаго, будто я уже видѣлъ эту самую панораму когда-то въ дѣтствѣ.

А у бѣлыхъ каменныхъ воротъ, которыя вели со двора въ поле, у старинныхъ крѣпкихъ воротъ со львами, стояли двѣ дѣвушки. Одна изъ нихъ, постарше, тонкая, блѣдная, очень красивая, съ цѣлой копной каштановыхъ волосъ на головѣ, съ маленькимъ упрямымъ ртомъ, имѣла строгое выраженіе и на меня едва обратила вниманіе; другая же, совсѣмъ еще молоденькая—ей было 17—18 лѣтъ, не больше—тоже тонкая и блѣдная, съ большимъ ртомъ и съ большими глазами, съ удивленіемъ посмотрѣла на меня, когда я проходилъ мимо, сказала что-то по-англійски и сконфузилась, и мнѣ показалось, что и эти два милыхъ лица мнѣ давно уже знакомы. И я вернулся домой съ такимъ чувствомъ, какъ будто видѣлъ хорошій сонъ.

Вскорѣ послѣ этого, какъ-то въ полдень, когда я и Бѣлокуровъ гуляли около дома, неожиданно, шурша по травѣ, вѣхала во дворъ рессорная коляска, въ которой сидѣла одна изъ тѣхъ дѣвушекъ. Это была старшая. Она пріѣхала съ подписнымъ листомъ просить на погорѣльцевъ. Не глядя на насъ, она очень серьезно и обстоятельно рассказала намъ, сколько сгорѣло домовъ въ селѣ Сіяновѣ, сколько мужчинъ, женщинъ и дѣтей осталось безъ крова и что намъ брѣнь предпринять на первыхъ порахъ погорѣльческой

комитетъ, членомъ котораго она теперь была. Давши намъ подписаться, она спрятала листъ и тотчасъ же стала прощаться.

— Вы совсѣмъ забыли насъ, Петръ Петровичъ,—сказала она Бѣлокурову, подавая ему руку. — Прїѣзжайте, и если monsieur N. (она назвала мою фамилію) захочетъ взглянуть, какъ живутъ почитатели его таланта, и пожалуетъ къ намъ, то мама и я будемъ очень рады.

Я поклонился.

Когда она уѣхала, Петръ Петровичъ сталъ рассказывать. Эта дѣвушка, по его словамъ, была изъ хорошей семьи и звали ее Лидіей Волчаниновой, а имѣніе, въ которомъ она жила съ матерью и сестрой, также какъ и село на другомъ берегу пруда, называлось Шелковкой. Отецъ ея когда-то занималъ видное мѣсто въ Москвѣ и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника. Несмотря на хорошія средства, Волчаниновы жили въ деревнѣ безвыѣздно, лѣто и зиму, и Лидія была учительницей въ земской школѣ у себя въ Шелковкѣ и получала 25 рублей въ мѣсяць. Она тратила на себя только эти деньги и гордилась, что живетъ на собственный счетъ.

— Интересная семья, — сказалъ Бѣлокуровъ. — Пожалуй, сходимъ къ нимъ какъ-нибудь. Онѣ будутъ вамъ очень рады.

Какъ-то послѣ обѣда, въ одинъ изъ праздниковъ, мы вспомнили про Волчаниновыхъ и отправились къ нимъ въ Шелковку. Онѣ, мать и обѣ дочери, были дома. Мать, Екатерина Павловна, когда-то, повидимому, красивая, теперь же сырая не по лѣтамъ, больная одышкой, грустная, разсѣянная, старалась занять меня разговоромъ о живописи. Узнавъ отъ дочери, что я, быть-можетъ, прїѣду въ Шелковку, она торопливо припомнила два-три моихъ пейзажа, какіе видѣла на выставкахъ въ Москвѣ, и теперь спрашивала, что я хотѣлъ въ нихъ выразить. Лидія, или, какъ ее звали дома, Лида говорила больше съ Бѣлокуровымъ, чѣмъ со мной. Серьезная, не улыбаясь, она спрашивала его, почему онъ не служить въ земствѣ и почему до сихъ поръ не былъ ни на одномъ земскомъ собраніи.

— Не хорошо, Петръ Петровичъ, — говорила она укоризненно.— Не хорошо. Стыдно.

— Правда, Лида, правда, — соглашалась мать. — Не хорошо.

— Весь нашъ уѣздъ находится въ рукахъ Балагина. — продолжала Лида, обращаясь ко мнѣ. — Самъ онъ предсѣдатель управы, и всѣ должности въ уѣздѣ роздалъ своимъ племянникамъ и зятьямъ и дѣлаетъ, что хочетъ. Надо бороться. Молодежь должна составить изъ себя сильную партію, но вы видите, какая у насъ молодежь. Стыдно, Петръ Петровичъ!

Младшая сестра, Женя, пока говорили о земствѣ, молчала. Она не принимала участія въ серьезныхъ разговорахъ, ее въ семьѣ еще не считали взрослой и, какъ маленькую, называли Мисюсю, потому что въ дѣтствѣ она называла такъ *мисъ*, свою гувернантку. Все время она смотрѣла на меня съ любопытствомъ и, когда я осматривалъ въ альбомѣ фотографіи, объясняла мнѣ: «Это дядя... Это крестный папа», и водила пальчикомъ по портретамъ, и въ это время по-дѣтски касалась меня своимъ плечомъ, и я близко видѣлъ ея слабую, неразвитую грудь, тонкія плечи, косу и худенькое тѣло, туго стянутое поясомъ.

Мы играли въ крокетъ и lawn-tennis, гуляли по саду, пили чай, потомъ долго ужинали. Послѣ громадной пустой залы съ колоннами мнѣ было какъ-то по себѣ въ этомъ небольшомъ уютномъ домѣ, въ которомъ не было на стѣнахъ олеографій и прислугѣ говорили вы, и все мнѣ казалось молодымъ и чистымъ, благодаря присутствію Лиды и Мисюсю, и все дышало порядочностью. За ужиномъ Лида опять говорила съ Бѣлокуровымъ о земствѣ, о Балагинѣ, о школьныхъ библіотекахъ. Это была живая, искренняя, убѣжденная дѣвушка, и слушать ее было интересно, хотя говорила она много и громко—быть-можетъ, оттого, что привыкла говорить въ школѣ. Зато мой Петръ Петровичъ, у котораго еще со студенчества осталась манера всякій разговоръ сводить на споръ, говорилъ скучно, вяло и длинно, съ явнымъ желаніемъ казаться умнымъ и передовымъ человекомъ. Жестикулируя, онъ опрокинулъ рукавомъ соусникъ, и на скатерти образовалась большая лужа, но кромѣ меня, казалось, никто не замѣтилъ этого.

Когда мы возвращались домой, было темно и тихо.

— Хорошее воспитаніе не въ томъ, что ты не прольешь соуса на скатерть, а въ томъ, что ты не замѣтишь, если это сдѣлаетъ кто-нибудь другой, — сказалъ Бѣлокуровъ и вздохнулъ. — Да, прекрасная, интеллигентная семья. Отсталъ

я отъ хорошихъ людей, ахъ какъ отсталъ! А все дѣла, дѣла! Дѣла!

Онъ говорилъ о томъ, какъ много приходится работать, когда хочешь стать образцовымъ сельскимъ хозяиномъ. А я думалъ: какой это тяжелый и лѣнивый малый! Онъ, когда говорилъ о чемъ-нибудь серьезно, то съ напряженіемъ тянулъ «э-э-э-э», и работалъ такъ же, какъ говорилъ,—медленно, всегда опаздывая, пропуская сроки. Въ его дѣловитость я плохо вѣрилъ уже потому, что письма, которыя я поручалъ ему отправлять на почту, онъ по цѣлымъ недѣлямъ таскалъ у себя въ карманѣ.

— Тяжелѣ всего,—бормоталъ онъ, идя рядомъ со мной:—тяжелѣ всего, что работаешь и ни въ комъ не встрѣчаешь сочувствія. Никакого сочувствія!

II.

Я сталъ бывать у Волчаниновыхъ. Обыкновенно я сидѣлъ на нижней ступени террасы; меня томило недовольство собой, было жалѣ своей жизни, которая протекала такъ быстро и неинтересно, и я все думалъ о томъ, какъ хорошо было бы вырвать изъ своей груди сердце, которое стало у меня такимъ тяжелымъ. А въ это время на террасѣ говорили, слышался шорохъ платьевъ, перелистывали книгу. Я скоро привыкъ къ тому, что днемъ Лида принимала больныхъ, раздавала книжки и часто уходила въ деревню съ непокрытой головой, подъ зонтикомъ, а вечеромъ громко говорила о земствѣ, о школахъ. Эта тонкая, красивая, неизмѣнно строгая дѣвушка съ маленькимъ, изящно очерченнымъ ртомъ, всякій разъ, когда начинался дѣловой разговоръ, говорила мнѣ сухо:

— Это для васъ не интересно.

Я былъ ей не симпатиченъ. Она не любила меня за то, что я пейзажистъ и въ своихъ картинахъ не изображаю народныхъ нуждъ и что я, какъ ей казалось, былъ равнодушненькъ къ тому, во что она такъ крѣпко вѣрила. Помнится, когда я ѣхалъ по берегу Байкала, мнѣ встрѣтилась дѣвушка-бурятка, въ рубахѣ и въ штанахъ изъ синей дабы, верхомъ на лошади; я спросилъ у нея, не продасть ли она мнѣ свою трубку и, пока мы говорили, она съ презрѣніемъ смотрѣла на мое европейское лицо и на мою шляпу, и въ одну минуту ей надоѣло говорить со мной, она гикнула и

поскакала прочь. И Лида точно такъ же презирала во мнѣ чужого. Внѣшнимъ образомъ она никакъ не выражала своего нерасположенія ко мнѣ, но я чувствовалъ его и, сидя на нижней ступени террасы, испытывалъ раздраженіе и говорилъ, что лѣчить мужиковъ, не будучи врачомъ, значитъ обманывать ихъ и что легко быть благодѣтелемъ, когда имѣешь двѣ тысячи десятинъ.

А ея сестра, Мисюсъ, не имѣла никакихъ заботъ и проводила свою жизнь въ полной праздности, какъ я. Вставши утромъ, она тотчасъ же бралась за книгу и читала, сидя на террасѣ въ глубокомъ креслѣ, такъ что ножки ея едва касались земли, или пряталась съ книгой въ липовой аллеѣ, или шла за ворота въ поле. Она читала цѣлый день, съ жадностью глядя въ книгу, и только потому, что взгляды ея иногда становились усталымъ, ошеломленнымъ и лицо сильно блѣднѣло, можно было догадаться, какъ это чтеніе утомляло ея мозгъ. Когда я приходилъ, она, увидѣвъ меня, слегка краснѣла, оставляла книгу и съ оживленіемъ, глядя мнѣ въ лицо своими большими глазами, рассказывала о томъ, что случилось, напримѣръ, о томъ, что въ людской загорѣлась сажа, или что работники поймали въ прудѣ большую рыбу. Въ будни она ходила обыкновенно въ свѣтлой рубашечкѣ и въ темно-синей юбкѣ. Мы гуляли вмѣстѣ, рвали вишни для варенья, катались въ лодкѣ и, когда она прыгала, чтобы достать вишню, или работала веслами, сквозь широкіе рукава просвѣчивали ея тонкія, слабыя руки. Или я писалъ этюдъ, а она стояла возлѣ и смотрѣла съ восхищеніемъ.

Въ одно изъ воскресеній, въ концѣ іюля, я пришелъ къ Волчаниновымъ утромъ, часовъ въ девять. Я ходилъ по парку, держась подалеже отъ дома, и отыскивалъ бѣлые грибы, которыхъ въ то лѣто было очень много, и ставилъ около нихъ мѣтки, чтобы потомъ подобрать ихъ вмѣстѣ съ Женей. Дуть теплый вѣтеръ. Я видѣлъ, какъ Женя и ея мать, обѣ въ свѣтлыхъ праздничныхъ платьяхъ, прошли изъ церкви домой, и Женя придерживала отъ вѣтра шляпу. Потомъ я слышалъ, какъ на террасѣ пили чай.

«Для меня, человѣка беззаботнаго, ищущаго оправданія для своей постоянной праздности, эти лѣтнія праздничныя утра въ нашихъ усадьбахъ всегда были необыкновенно привлекательны. Когда зеленый садъ, еще влажный отъ

росы, весь сияеть отъ солнца и кажется счастливымъ, когда около дома пахнетъ резедой и олеандромъ, молодежь только-что вернулась изъ церкви и пьетъ чай въ саду, и когда всѣ такъ мило одѣты и веселы, и когда знаешь, что всѣ эти здоровые, сытые, красивые люди весь длинный день ничего не будутъ дѣлать, то хочется, чтобы вся жизнь была такою. И теперь я думалъ то же самое и ходилъ по саду, готовый ходить такъ безъ дѣла и безъ цѣли весь день, все лѣто.

Пришла Женья съ корзиной; у нея было такое выраженіе, какъ будто она знала или предчувствовала, что найдеть меня въ саду. Мы подбирали грибы и говорили, и когда она спрашивала о чемъ-нибудь, то заходила впередъ, чтобы видѣть мое лицо.

— Вчера у насъ въ деревнѣ произошло чудо,—сказала она.—Хромая Целагея была больна цѣлый годъ, никакіе доктора и лѣкарства не помогали, а вчера старуха пошептала и прошло.

— Это не важно,—сказалъ я.—Не слѣдуетъ искать чудесъ только около больныхъ и старухъ. Развѣ здоровье не чудо? А сама жизнь? Что не понятно, то и есть чудо.

— А вамъ не страшно то, что не понятно?

— Нѣтъ. Къ явленіямъ, которыхъ я не понимаю, я подхожу бодро и не подчиняюсь имъ. Я выше ихъ. Человѣкъ долженъ сознавать себя выше львовъ, тигровъ, звѣздъ, выше всего въ природѣ, даже выше того, что непонятно и кажется чудеснымъ, иначе онъ не человѣкъ, а мышъ, которая всего боится.

Женья думала, что я, какъ художникъ, знаю очень многое и могу вѣрно угадывать то, чего не знаю. Ей хотѣлось, чтобы я ввелъ ее въ область вѣчнаго и прекраснаго, въ этотъ высшій свѣтъ, въ которомъ, по ея мнѣнію, я былъ своимъ человѣкомъ, и она говорила со мной о Богѣ, о вѣчной жизни, о чудесномъ. И я, не допуская, что я и мое воображеніе послѣ смерти погибнемъ на-вѣки, отвѣчалъ: «да, люди безсмертны», «да, насъ ожидаетъ вѣчная жизнь». А она слушала, вѣрила и не требовала доказательствъ

Когда мы шли къ дому, она вдругъ остановилась и сказала:

— Наша Лида замѣчательный человѣкъ. Не правда ли?

И ее горячо люблю и могла бы каждую минуту пожертвовать для нея жизнью. Но скажите, — Женя дотронулась до моего рукава пальцемъ: — скажите, почему вы съ ней все спорите? Почему вы раздражены?

— Потому что она неправа.

Женя отрицательно покачала головой, и слезы показались у нея на глазахъ.

— Какъ это непонятно! — проговорила она.

Въ это время Лида только-что вернулась откуда-то и, стоя около крыльца съ хлыстомъ въ рукахъ, стройная, красивая, освѣщенная солнцемъ, приказывала что-то работнику. Торопясь и громко разговаривая, она приняла двухъ-трехъ больныхъ, потомъ съ дѣловымъ, озабоченнымъ видомъ ходила по комнатамъ, отворяя то одинъ шкапъ, то другой, уходила въ мезонинъ; ее долго искали и звали обѣдать, и пришла она, когда мы уже съѣли супъ. Всѣ эти мелкія подробности я почему-то помню и люблю, и весь этотъ день живо помню, хотя не произошло ничего особеннаго. Послѣ обѣда Женя читала, лежа въ глубокомъ креслѣ, а я сидѣлъ на нижней ступени террасы. Мы молчали. Все небо заволокло облаками, и сталъ накрапывать рѣдкій, мелкій дождь. Было жарко, вѣтеръ давно уже стихъ, и казалось, что этотъ день никогда не кончится. Къ намъ на террасу вышла Екатерина Павловна, заспанная, съ вѣеромъ.

— О, мама, — сказала Женя, цѣлуя у нея руку: — тебѣ вредно спать днемъ.

Онѣ обожали другъ друга. Когда одна уходила въ садъ, то другая уже стояла на террасѣ и, глядя на деревья, окликала: «ау, Женя!» или: «мамочка, гдѣ ты?» Онѣ всегда вмѣстѣ молились и обѣ одинаково вѣрили, и хорошо понимали другъ друга, даже когда молчали. И къ людямъ онѣ относились одинаково. Екатерина Павловна также скоро привыкла и привязалась ко мнѣ, и когда я не появлялся два-три дня, присылала узнать, здоровъ ли я. На мои этюды она смотрѣла тоже съ восхищеніемъ, и съ такою же болтливостью и такъ же откровенно, какъ Мисюсъ, рассказывала мнѣ, что случилось, и часто повѣряла мнѣ свои домашнія тайны.

Она благоговѣла передъ своей старшей дочерью. Лида никогда не ласкалась, говорила только о серьезномъ; она

жила своею особенною жизнью, и для матери и для сестры была такою же священной, немного загадочной особой, какъ для матросовъ адмиралъ, который все сидитъ у себя въ каютѣ.

— Наша Лида замѣчательный человѣкъ, — говорила часто мать. — Не правда ли?

И теперь, пока накрапывалъ дождь, мы говорили о Лидѣ.

— Она замѣчательный человѣкъ, — сказала мать и-прибавила вполголоса тономъ заговорщицы, испуганно оглядываясь:—Такихъ днемъ съ огнемъ поискать, хотя, знаете ли, я начинаю немножко беспокоиться. Школа, аптечки, книжки—все это хорошо, но зачѣмъ крайности? Вѣдь, ей уже двадцать четвертый годъ, пора о себѣ серьезно подумать. Этакъ за книжками и аптечками и не увидишь, какъ жизнь пройдетъ... Замужь нужно.

Женя, блѣдная отъ чтенія, съ памятоу прической, приподняла голову и сказала какъ бы про себя, глядя на мать:

— Мамочка, все зависитъ отъ воли Божіей!

И опять погрузилась въ чтеніе.

Пришелъ Бѣлокуровъ въ поддевкѣ и въ вышитой сорочкѣ. Мы играли въ крокетъ и lawn-tennis, потомъ, когда потемнѣло, долго ужинали, и Лида опять говорила о школахъ и о Балагинѣ, который забралъ въ свои руки весь уѣздъ. Уходя въ этотъ вечеръ отъ Волчаниновыхъ, я уносилъ впечатлѣніе длиннаго-длиннаго, празднаго дня, съ грустнымъ сознаніемъ, что все кончается на этомъ свѣтѣ, какъ бы ни было длинно. Насъ до воротъ провожала Женя, и оттого, быть-можетъ, что она провела со мной весь день отъ утра до вечера, я почувствовалъ, что безъ нея мнѣ какъ будто скучно и что вся эта милая семья близка мнѣ; и въ первый разъ за все лѣто мнѣ захотѣлось писать.

— Скажите, отчего вы живете такъ скучно, такъ не колоритно?—спросилъ я у Бѣлокурова, идя съ нимъ домой.—Моя жизнь скучна, тяжела, однообразна, потому что я художникъ, я странный человѣкъ, я издерганъ съ юныхъ дней завистью, недовольствомъ собой, невѣріемъ въ свое дѣло, я всегда бѣденъ, я бродяга, но вы-то, вы, здоровый, нормальный человѣкъ, помѣщикъ, баринъ,—отчего вы живете такъ неинтересно, такъ мало берете отъ жизни? От-

чего, напимѣрь, вы до сихъ поръ не влюбились въ Лиду или Женю?

— Вы забываете, что я люблю другую женщину, — отвѣтилъ Бѣлокуровъ.

Это онъ говорилъ про свою подругу, Любовь Ивановну, жившую съ нимъ вмѣстѣ во флигелѣ. Я каждый день видѣлъ, какъ эта дама, очень полная, пухлая, важная, похожая на откормленную гусыню, гуляла по саду, въ русскомъ костюмѣ съ бусами, всегда подъ зонтикомъ, и прислуга то и дѣло звала ее то кушать, то чай пить. Года три назадъ она наняла одинъ изъ флигелей подъ дачу, да такъ и осталась жить у Бѣлокурова, повидимому, навсегда. Она была старше его лѣтъ на десять и управляла имъ строго, такъ что, отлучаясь изъ дому, онъ долженъ былъ спрашивать у нея позволенія. Она часто рыдала мужскимъ голосомъ, и тогда я посылалъ сказать ей, что если она не перестанетъ, то я съѣду съ квартиры; и она переставала.

Когда мы пришли домой, Бѣлокуровъ сѣлъ на диванъ и нахмурился въ раздумьи, а я сталъ ходить по залѣ, испытывая тихое волненіе, точно влюбленный. Мнѣ хотѣлось говорить про Волчанниковыхъ.

— Лида можетъ полюбить только земца, увлеченнаго такъ же, какъ она, больницами и Николами, — сказалъ я. — О, ради такой дѣвушки можно не только стать земцемъ, но даже истаскать, какъ въ сказкѣ, желѣзные башмаки. А Мисюсъ? Какая прелесть эта Мисюсъ!

Бѣлокуровъ длинно, растягивая «э-э-э-э...», заговорилъ о болѣзни вѣка — пессимизмѣ. Говорилъ онъ увѣренно и такимъ тономъ, какъ будто я спорилъ съ нимъ. Сотни верстъ пустынной, однообразной, выгорѣвшей степи не могутъ нагнать такого унынія, какъ одинъ человекъ, когда онъ сидитъ, говорить и неизвѣстно, когда онъ уйдетъ.

— Дѣло не въ пессимизмѣ и не въ оптимизмѣ, — сказалъ я раздраженно: — а въ томъ, что у девятиности девяти изъ ста нѣтъ ума.

Бѣлокуровъ принялъ это на свой счетъ, обидѣлся и ушелъ.

III.

— Въ Малоозѣмовѣ гостить князь, тебѣ кланяется, — говорила Лида матери, вернувшись откуда-то и снимая пер-

чатки.—Разсказывалъ много интереснаго... Обѣщалъ опять поднять въ губернскомъ собраніи вопросъ о медицинскомъ пунктѣ въ Малозёмовѣ, но говорить: мало надежды.— И обратясь ко мнѣ, она сказала:—Извините, я все забываю, что для васъ это не можетъ быть интересно.

Я почувствовать раздраженіе.

— Почему же не интересно? — спросилъ я и пожалъ плечами.—Вамъ не угодно знать мое мнѣніе, но увѣряю васъ, этотъ вопросъ меня живо интересуесть.

— Да?

— Да. По моему мнѣнію, медицинскій пунктъ въ Малозёмовѣ вовсе не нуженъ.

Мое раздраженіе передалось и ей; она посмотрѣла на меня, прищуривъ глаза, и спросила:

— Что же нужно? Пейзажи?

— И пейзажи не нужны. Ничего тамъ не нужно.

Она кончила снимать перчатки и развернула газету, которую только-что привезли съ почты; черезъ минуту она сказала тихо, очевидно, сдерживая себя:

— На прошлой недѣлѣ умерла отъ родовъ Анна, а если бы поблизости былъ медицинскій пунктъ, то она осталась бы жива. И господа пейзажисты, мнѣ кажется, должны бы имѣть какія-нибудь убѣжденія на этотъ счетъ.

— Я имѣю на этотъ счетъ очень опредѣленное убѣжденіе, увѣряю васъ,—отвѣтилъ я, а она закрылась отъ меня газетой, какъ бы не желая слушать.—По-моему, медицинскіе пункты, школы, библіотечки, аптечки, при существующихъ условіяхъ, служатъ только поработенію. Народъ опутанъ цѣнью великой, и вы не рубите этой цѣпи, а лишь прибавляете новыя звенья—вотъ вамъ мое убѣжденіе.

Она подняла на меня глаза и насмѣшливо улыбнулась, а я продолжалъ, стараясь уловить свою главную мысль:

— Не то важно, что Анна умерла отъ родовъ, а то, что всѣ эти Анны, Мавры, Пелагеи съ ранняго утра до потемокъ гнутъ спины, болѣютъ отъ непосильнаго труда, всю жизнь дрожатъ за голодныхъ и больныхъ дѣтей, всю жизнь боятся смерти и болѣзней, всю жизнь лѣчатся, рано блекнутъ, рано старятся и умираютъ въ грязи и въ вони; ихъ дѣти, подростая, начинаютъ ту же музыку, и такъ проходятъ сотни лѣтъ, и миллиарды людей живутъ хуже животныхъ — только ради куска хлѣба, испытывая постоянный

страхъ. Весь ужасъ ихъ положенія въ томъ, что имъ некогда о душѣ подумать, некогда вспомнить о своемъ образѣ и подобіи; голодь, холодъ, животный страхъ, масса труда, точно снѣговые обвалы, загородили имъ всѣ пути къ духовной дѣятельности, именно къ тому самому, что отличаетъ человѣка отъ животнаго и составляетъ единственное, ради чего стѣдуетъ жить. Вы приходите къ нимъ на помощь съ больницами и школами, но этимъ не освобождаете ихъ отъ пуга, а, напротивъ, еще больше поработаете, такъ какъ, внося въ ихъ жизнь новые предразсудки, вы увеличиваете число ихъ потребностей, не говоря уже о томъ, что за мушки и за книжки они должны платить земству и, значить, сильнѣе гнуть спину.

— Я спорить съ вами не стану,—сказала Лида, опуская газету. — Я уже это слышала. Скажу вамъ только одно: нельзя сидѣть сложа руки. Правда, мы не спасаемъ человечества и, быть-можетъ, во многомъ ошибаемся, но мы дѣлаемъ то, что можемъ, и мы — правы. Самая высокая и святая задача культурнаго человѣка — это служить ближнимъ, и мы пытаемся служить, какъ умѣемъ. Вамъ не правится, но, вѣдь, на всѣхъ не угодишь.

— Правда, Лида, правда,—сказала мать.

Въ присутствіи Лиды она всегда робѣла и, разговаривая, тревожно поглядывала на нее, боясь сказать что-нибудь лишнее или неумѣстное; и никогда она не противорѣчила ей, а всегда соглашалась: правда, Лида, правда.

— Мужичья грамотность, книжки съ жалкими наставленіями и прибаутками и медицинскіе пункты не могутъ уменьшить ни невѣжества, ни смертности, такъ же, какъ свѣтъ изъ вашихъ оконъ не можетъ освѣтить этого громаднаго сада,—сказалъ я.— Вы не даете ничего, вы своимъ вмѣшательствомъ въ жизнь этихъ людей создаете лишь новыя потребности, новый поводъ къ труду.

— Ахъ, Боже мой, но вѣдь нужно же дѣлать что-нибудь!—сказала Лида съ досадой, и по ея тону было замѣтно, что мои разсужденія она считаетъ ничтожными и презираетъ ихъ.

— Нужно освободить людей отъ тяжкаго физическаго труда,—сказалъ я.—Нужно облегчить ихъ ярмо, дать имъ передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корытъ и въ полѣ, но имѣли бы также время по-

думать о душѣ, о Богѣ, могли бы пошире проявить свои духовныя способности. Призваніе всякаго человѣка въ духовной дѣятельности — въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни. Сдѣлайте же для нихъ ненужнымъ грубый животный трудъ, дайте имъ почувствовать себя на свободѣ, и тогда увидите, какая въ сущности насмѣшка эти книжки и аптечки. Разъ человѣкъ сознаетъ свое истинное призваніе, то удовлетворять его могутъ только религія, науки, искусства, а не эти пустяки.

— Освободить отъ труда! — усмѣхнулась Лида. — Развѣ это возможно?

— Да. Возьмите на себя долю ихъ труда. Если бы всѣ мы, городскіе и деревенскіе жители, всѣ безъ исключенія, согласились подѣлать между собою трудъ, который затрачивается вообще человечествомъ на удовлетвореніе физическихъ потребностей, то на каждого изъ насъ, быть-можетъ, пришлось бы не болѣе двухъ-трехъ часовъ въ день. Представьте, что всѣ мы, богатые и бѣдные, работаемъ только три часа въ день, а остальное время у насъ свободно. Представьте еще, что мы, чтобы еще менѣ зависть отъ своего тѣла и менѣ трудиться, изобрѣтаемъ машины, замѣняющія трудъ, мы стараемся сократить число нашихъ потребностей до минимума. Мы закаляемъ себя, нашихъ дѣтей, чтобы они не боялись голода, холода, и мы не дрожали бы постоянно за ихъ здоровье, какъ дрожали Анна, Маюра и Пелагея. Представьте, что мы не лѣчимся, не держимъ аптечекъ, табачныхъ фабрикъ, винокуренныхъ заводовъ. — сколько свободного времени у насъ остается въ концѣ-концовъ! Всѣ мы сообща отдаемъ этотъ досугъ наукамъ и искусствамъ. Какъ иногда мужики міромъ починаяютъ дорогу, такъ и всѣ мы сообща, міромъ, искали бы правды и смысла жизни, и — я увѣренъ въ этомъ — правда была бы открыта очень скоро, человѣкъ избавился бы отъ этого постоянного мучительнаго, угнетающаго страха смерти, и даже отъ самой смерти.

— Вы, однако, себѣ, противорѣчите, — сказала Лида. — Вы говорите — наука, наука, а сами отрицаете грамотность.

— Грамотность, когда человѣкъ имѣетъ возможность читать только вывѣски на кабакахъ да изрѣдка книжки, которыхъ не понимаетъ, — такая грамотность держится у насъ со временъ Рюрика; гоголевскій Петрушка давно уже чи-

таеть, между тѣмъ деревня, какая была при Рюрикѣ, такая и осталась до сихъ поръ. Не грамотность нужна, а свобода для широкаго проявленія духовныхъ способностей. Нужны не школы, а университеты.

— Вы и медицину отрицаете.

— Да. Она была бы нужна только для изученія болѣзней, какъ явленій природы, а не для лѣченія ихъ. Если ужъ лѣчить, то не болѣзни, а причины ихъ. Устраните главную причину—физическій трудъ и тогда не будетъ болѣзней. Не признаю я науки, которая лѣчить,—продолжалъ я возбужденно.—Науки и искусства, когда они настоящія, стремятся не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему,—они ищутъ правды и смысла жизни, ищутъ Бога, душу, а когда ихъ пристегиваютъ къ нуждамъ и злобамъ дня, къ аптечкамъ и библіотечкамъ, то они только осложняютъ, загромождаютъ жизнь. У насъ много медиковъ, фармацевтовъ, юристовъ, стало много грамотныхъ, но совсѣмъ нѣтъ біологовъ, математиковъ, философовъ, поэтовъ. Весь умъ, вся душевная энергія ушли на удовлетвореніе временныхъ, преходящихъ нуждъ... У ученыхъ, писателей и художниковъ кипитъ работа, по ихъ милости удобства жизни растутъ съ каждымъ днемъ, потребности тѣла множатся, между тѣмъ до правды еще далеко, и человекъ по-прежнему остается самымъ хищнымъ и самымъ нечистоплотнымъ животнымъ, и все клонится къ тому, чтобы человечество въ своемъ большинствѣ выродилось и утеряло навсегда всякую жизнеспособность. При такихъ условіяхъ жизнь художника не имѣетъ смысла, и чѣмъ онъ талантливѣе, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе его роль, такъ какъ на повѣрку выходитъ, что работаетъ онъ для забавы хищнаго нечистоплотнога животнаго, поддерживая существующій порядокъ. И я не хочу работать, и не буду... Ничего не нужно, пусть земля провалится въ тартарары!

— Мисюсъка, выйди, — сказала Лида сестрѣ, очевидно находя мои слова вредными для такой молодой дѣвушки.

Женя грустно посмотрѣла на сестру и на мать и вышла.

— Подобныя миллыя вещи говорятъ обыкновенно, когда хотятъ оправдать свое равнодушіе,—сказала Лида.—Отрицать больницы и школы легче, чѣмъ лѣчить и учить.

— Правда, Лида, правда,—согласилась мать.

— Вы угрожаете, что не станете работать,—продолжала

Ляда. — Очевидно, вы высоко цѣните ваши работы. Перестанемъ же спорить, мы никогда не споемся, такъ какъ самую несовершенную изъ всѣхъ библиотечекъ и аптекъ, о которыхъ вы только-что отзывались такъ презрительно, я ставлю выше всѣхъ пейзажей въ свѣтѣ.—И тотчасъ же, обратясь къ матери, она заговорила совсѣмъ другимъ тономъ:—Князь очень похудѣлъ и сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ былъ у насъ. Его посылають въ Виши.

Она рассказывала матери про князя, чтобы не говорить со мной. Лицо у нея горѣло, и, чтобы скрыть свое волненіе, она низко, точно близорукая, нагнулась къ столу и дѣлала видъ, что читаетъ газету. Мое присутствіе было непріятно. Я простился и пошелъ домой.

IV.

На дворѣ было тихо; деревья по ту сторону пруда уже спала, не было видно ни одного огонька и только на прудѣ едва свѣтились блѣдныя отраженія звѣздъ. У воротъ со львами стояла Женя неподвижно, поджидая меня, чтобы проводить.

— Въ деревнѣ всѣ спятъ,—сказала я ей, стараясь разглядѣть въ темнотѣ ея лицо, и увидѣлъ устремленные на меня темные, печальные глаза.—И кабатчикъ, и конокрады покойно спятъ, а мы, порядочные люди, раздражаемъ другъ друга и споримъ.

Была грустная августовская ночь,—грустная, потому, что уже пахло осенью; покрытая багровымъ облакомъ, восходила луна и еле-еле освѣщала дорогу и по сторонамъ ея темныя озимыя поля. Часто падали звѣзды. Женя шла со мной рядомъ по дорогѣ и старалась не глядѣть на небо, чтобы не видѣть падающихъ звѣздъ, которыя почему-то пугали ее.

— Миѣ кажется, вы правы, — сказала она, дрожа отъ ночной сырости.—Если бы люди, всѣ сообща, могли отдаться духовной дѣятельности, то они скоро узнали бы все.

— Конечно. Мы высшія существа, и если бы въ самомъ дѣлѣ мы сознали всю силу человѣческаго генія и жили бы только для высшихъ дѣлей, то въ концѣ-концовъ мы стали бы какъ боги. Но этого никогда не будетъ,—человѣчество вырождается и отъ генія не останется и слѣда.

Когда не стало видно воротъ, Женя остановилась и торопливо пожала мнѣ руку.

— Спокойной ночи,—проговорила она, дрожа; плечи ея были покрыты только одною рубашечкой, и она сжалась отъ холода.—Приходите завтра.

Мнѣ стало жутко отъ мысли, что я останусь одинъ, раздраженный, недовольный собою и людьми; и я самъ уже старался не глядѣть на падающія звѣзды.

— Побудьте со мной еще минуту,—сказалъ я.—Прошу васъ.

Я любилъ Женю. Должно-быть, я любилъ ее за то, что она встрѣчала и провожала меня, за то, что смотрѣла на меня нѣжно и съ восхищеніемъ. Какъ трогательно прекрасны были ея блѣдное лицо, тонкая шея, тонкія руки, ея слабость, праздность, ея книги. А умъ? Я подозрѣвалъ у нея недюжинный умъ, меня восхищала широта ея воззрѣній, быть-можетъ потому, что она мыслила иначе, чѣмъ строгая, красивая Лида, которая не любила меня. Я нравился Женѣ, какъ художникъ, я побѣдилъ ея сердце своимъ талантомъ, и мнѣ страстно хотѣлось писать только для нея, и я мечталъ о ней, какъ о своей маленькой королевѣ, которая вмѣстѣ со мною будетъ владѣть этими деревьями, полями, туманомъ, зарею, этою природой, чудесной, очаровательной, но среди которой я, до сихъ поръ, чувствовалъ себя безнадежно одинокимъ и ненужнымъ.

— Оставайтесь еще минуту,—попросилъ я.—Умоляю васъ.

— Я снялъ съ себя пальто и прикрылъ ея озябшія плечи; она, боясь показаться въ мужскомъ пальто смѣшной и некрасивой, засмѣялась и сбросила его, и въ это время я обнялъ ее и сталъ осмыслить поцѣлугами ея лицо, плечи, руки.

— До завтра!—прошептала она и осторожно, точно боясь нарушить ночную тишину, обняла меня. — Мы не имѣемъ тайнъ другъ отъ друга, я должна сейчасъ рассказать все мамѣ и сестрѣ... Это такъ страшно? Мама ничего, мама любить васъ, но Лида!

Она побѣжала къ воротамъ.

— Прощайте!—крикнула она.

И потомъ минуты двѣ я слышалъ, какъ она бѣжала. Мнѣ не хотѣлось домой, да и не зачѣмъ было идти туда. Я постоялъ немного въ раздумьи и тихо пошелъ назадъ, чтобы

еще взглянуть на домъ, въ которомъ она жила, милый, наивный, старый домъ, который, казалось, окнами своего мезонина глядѣлъ на меня, какъ глазами и понималъ все. Я прошелъ мимо террасы, сѣлъ на скамьѣ около площадки для lawn-tennis, въ темнотѣ подь старымъ вязомъ, и отсюда смотрѣлъ на домъ. Въ окнахъ мезонина, въ которомъ жила Мисюсъ, блеснулъ яркій свѣтъ, потомъ покойный зеленый—эту лампу накрыли абажуромъ. Задвигались тѣни... Я былъ полонъ нѣжности, тишины и довольства собою, довольства, что сумѣлъ увлечься и полюбить, и въ то же время, и чувствовалъ неудобство отъ мыслей, что въ это же самое время, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, въ одной изъ комнатъ этого дома живетъ Лидя, которая не любитъ, быть-можетъ, ненавидитъ меня. Я сидѣлъ и все ждалъ, не выйдетъ ли Женя, прислушивался и мнѣ казалось, будто въ мезонинѣ говорятъ.

Прошло около часа. Зеленый огонь погасъ и не стало видно тѣней. Луна уже стояла высоко надъ домою и освѣщала спящій садъ, дорожки: георгины и розы въ цвѣтникахъ передъ домою были отчетливо видны и казались всѣ одного цвѣта. Становилось очень холодно. Я вышелъ изъ сада, подобралъ на дорогѣ свое пальто и по сѣнша побрелъ домою.

Когда на другой день, послѣ обѣда, я пришелъ къ Волчаниновымъ, стеклянная дверь въ садъ была открыта настежь. Я посидѣлъ на террасѣ, поджидая, что вотъ-вотъ за цвѣтникомъ на площадкѣ, или на одной изъ аллей покажется Женя, или донесется ея голосъ изъ комнаты; потомъ я прошелъ въ гостиную, въ столовую. Не было ни души. Изъ столовой я прошелъ длиннымъ коридоромъ въ переднюю, потомъ назадъ. Тутъ въ коридорѣ было нѣсколько дверей и за одной изъ нихъ раздавался голосъ Лиды.

— Воронъ гдѣ-то... Богъ...—говорила она громко и протяжно, вѣроятно, диктуя. — Богъ послалъ кусочекъ сыру... Воронъ... гдѣ-то... Кто тамъ?—окликнула она вдругъ, услышавъ мои шаги.

— Это я.

— А! Простите, я не могу сейчасъ выйти къ вамъ, я занимаюсь съ Дашей.

— Екатерина Павловна въ саду?

— Нѣтъ, она съ сестрой уѣхала сегодня утромъ къ тетѣ, въ Пензенскую губернію. А зимой, вѣроятно, онѣ поѣдутъ за границу...—добавила она, помолчавъ.—Воронѣ гдѣ-то.. Богъ послалъ ку-усочекъ сыру... Написала?

Я вышелъ въ переднюю и, ни о чемъ не думая, стоялъ и смотрѣлъ оттуда на прудъ и на деревню, а до меня доносилось:

— Кусочекъ сыру... Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру...

И я ушелъ изъ усадьбы тою же дорогой, какой пришелъ сюда въ первый разъ, только въ обратномъ порядкѣ; сначала со двора въ садъ, мимо дома, потомъ по липовой аллеѣ.. Тутъ догнала меня мальчишка и подала записку. «Я рассказала все сестрѣ, и она требуетъ, чтобы я разсталась съ вами, — прочелъ я. — Я была не въ силахъ огорчить ее своимъ неповиновеніемъ. Богъ дастъ вамъ счастья, простите меня. Если бы вы знали, какъ я и мама горько плачемъ!».

Потомъ темная еловая аллея, обвалившаяся изгородь... На томъ полѣ, гдѣ тогда цвѣла рожь и кричали перепела, теперь бродили коровы и спутанные лошади. Кое-гдѣ на холмахъ ярко зеленѣла озимь. Трезвое, будничное настроеніе овладѣло мной, и мнѣ стало стыдно всего, что я говорилъ у Волчаниновыхъ, и попрежнему стало скучно жить. Придя домой, я уложился и вечеромъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Больше я уже не видѣлъ Волчаниновыхъ. Какъ-то недавно, ѣдучи въ Крымъ, я встрѣтилъ въ вагонѣ Бѣлокурова. Онъ попрежнему былъ въ поддевкѣ и въ вышитой сорочкѣ и, когда я спросилъ его о здоровьи, отвѣтилъ: «Вашими молитвами». Мы разговорились. Имѣніе свое онъ продалъ и купилъ другое, поменьше, на имя Любови Ивановны. Про Волчаниновыхъ сообщилъ онъ немного. Лида, по его словамъ, жила попрежнему въ Шелковкѣ и учила въ школѣ дѣтей; мало-по-малу ей удалось собрать около себя кружокъ симпатичныхъ ей людей, которые составили изъ себя сильную партію и на послѣднихъ земскихъ выборахъ «прокатили» Балагина, державшаго до того времени въ своихъ рукахъ весь уѣздъ. Про Женю же Бѣлокуровъ сообщилъ только, что она не жила дома и была, неизвѣстно гдѣ.

Я уже начинаю забывать про домъ съ мезониномъ и лишь

изрѣдка, когда пишу или читаю, вдругъ ни съ того, ни съ сего припомнится мнѣ то зеленый огонь въ окнѣ, то звукъ моихъ шаговъ, раздававшихся въ полѣ ночью, когда я, влюбленный, возвращался домой и потиралъ руки отъ холода. А еще рѣже, въ минуты, когда меня томить одиночество и мнѣ грустно, я вспоминаю смутно и мало-по-малу мнѣ почему-то начинаетъ казаться, что обо мнѣ тоже вспоминають, меня ждутъ и что мы встрѣтимся...

Мисюсъ, гдѣ ты?

ВЪ РОДНОМЪ УГЛУ.

I.

Донецкая дорога. Невеселая станція, одиноко бѣлѣющая въ степи, тихая, со стѣнами, горячими отъ зноя, безъ одной тѣни и, похоже, безъ людей. Поездъ уже ушелъ, покинувъ васъ здѣсь, и шумъ его слышится чуть-чуть и замираетъ наконецъ... Около станціи пустынно и нѣтъ другихъ лошадей, кромѣ вашихъ. Вы садитесь въ коляску,—это такъ пріятно послѣ вагона,—и катите по степной дорогѣ, и передъ вами мало-по-малу открываются картины, какихъ нѣтъ подъ Москвой, громады, безконечныя, очаровательныя своимъ однообразіемъ. Степь, степь—и больше ничего; вдали старый курганъ, или вѣтрякъ; везутъ на волахъ каменный уголь... Птицы, въ одиночку, низко носятся надъ равниной, и мѣрныя движенія ихъ крыльевъ нагоняютъ дремоту. Жарко. Прошелъ часъ-другой, а все степь, степь, и все курганъ вдали. Вашъ кучеръ рассказываетъ что-то, часто указывая кнутомъ въ сторону, что-то длинное и ненужное, и душой овладѣваетъ спокойствіе, о прошломъ не хочется думать...

За Вѣрой Ивановной Кардиной выѣхали на тройкѣ. Кучеръ уложилъ вещи и сталъ поправлять сбрую.

— Все, какъ было, — сказала Вѣра, оглядываясь. — Въ послѣдній разъ я была здѣсь еще дѣвочкой, лѣтъ десять назадъ. Помню, выѣзжалъ за мной тогда старикъ Борисъ. Что, онъ живъ еще?

Кучеръ ничего не отвѣтилъ и только сердито, по-хохлацки поглядѣлъ на нее и погѣлъ на козла.

Нужно было проѣхать отъ станціи верстѣ тридцать, и Вѣра тоже поддавалась обаянію степи, забыла о прошломъ и думала только о томъ, какъ здѣсь просторно, какъ свободно; ей, здоровой, умной, красивой, молодой—ей было только 23 года — недоставало до сихъ поръ въ жизни именно только этого простора и свободы.

Степь, степь... Лошади бѣгутъ, солнце все выше, и кажется, что тогда, въ дѣтствѣ, степь не бывала въ іюнѣ такой богатой, такой пышной; травы въ цвѣту—зеленяя, желтая, лповая, бѣлая, и отъ нихъ, и отъ нагрѣтой земли идетъ ароматъ; и какія-то странныя синія птицы по дорогѣ... Вѣра давно уже отвыкла молиться, но теперь шепчетъ, преодолевая дремоту:

«Господи, дай, чтобы мнѣ было здѣсь хорошо».

А на душѣ покойно, сладко, и, кажется, согласилась бы всю жизнь ѣхать такъ и смотрѣть на степь. Вдругъ неожиданно глубокой оврагъ, поросшій молодымъ дубомъ и ольхой; потянуло влагой,—должно-быть, ручей внизу. На этой сторонѣ, у самаго края оврага, вспорхнула съ шумомъ стая куропатокъ. Вѣра вспомнила, что когда-то къ этому оврагу ходили по вечерамъ гулять; значить, уже усадьба близко! И вотъ въ самомъ дѣлѣ виднѣются вдали тополи, клуны; въ сторонѣ чернѣй дымъ: это жгутъ старую солому. Вотъ тетя Даша идетъ навстрѣчу и машетъ платкомъ; дѣдушка на террасѣ. Боже, какая радость!

— Милая! милая!—говорила тетя, вскрикивая, какъ въ истерикѣ.—Пріѣхала наша настоящая хозяйка! Пойми, вѣдь ты наша хозяйка, наша королева! Тутъ все твое! Милая, красавица, я не тетка, а твоя послушная раба!

У Вѣры никого не было родныхъ, кромѣ дѣдушки и тети; мать умерла уже давно, отецъ, инженеръ, умеръ три мѣсяца назадъ въ Кавказѣ, проѣздомъ изъ Сибири. Дѣдушка былъ съ большой сѣдой бородой, толстый, красный, съ одышкой, и ходилъ, выпятивъ впередъ животъ и опираясь на палку. Тетя, дама лѣтъ сорока двухъ, одѣтая въ модное платье съ высокими рукавами, сильно стянутая въ талии, очевидно, молодилась и еще хотѣла нравиться; ходила она мелкими шагами, и у нея при этомъ вдрагивала спина.

— Ты будешь насъ любить? — говорила она, обнимая Вѣру.—Ты не гордая?

По желанію дѣдушки отслужили благодарственный моле-

бень, потомъ долго обѣдали — и для Вѣры началась ея новая жизнь. Ей отвели лучшую комнату, снесли туда всѣ ковры, какіе только были въ домѣ, поставили много цвѣтовъ; и когда она вечеромъ легла въ свою уютную, широкую, очень мягкую постель и укрылась шелковымъ одеяломъ, отъ котораго пахло старымъ дежальнымъ платьемъ, то засмѣялась отъ удовольствія. Тетя Даша пришла на минутку, чтобы пожелать ей спокойной ночи.

— Вотъ ты и пріѣхала, слава Богу,—сказала она, садясь на постель.—Какъ видишь, живемъ хорошо, лучше и не нужно. Только вотъ одно: дѣдушка твой плохъ! Бѣда, какъ плохъ! Задыхается и ужъ забываться сталъ. А вѣдь—помнишь?—какое здоровье, какая сила! Неукротимый былъ человекъ... Прежде, бывало, чуть прислуга не угодитъ или что, какъ вскочитъ и—«Двадцать пять горячихъ! Розогъ!» А теперь присмирѣлъ и не слышать его. И то сказать, не тѣ времена теперь, душечка—бить нельзя. Оно, конечно, зачѣмъ бить, но и распускать тоже не слѣдуетъ.

— Тетя, а ихъ теперь бьютъ?—спросила Вѣра.

— Приказчикъ, случается, бьетъ, а я ибѣгъ. Богъ съ ними! И дѣдушка твой, по старой памяти, иной разъ заманется палкой, но бить не бьетъ.

Тетя Даша звѣнула и перекрестила ротъ, потомъ правое ухо.

— Здѣсь не скучно жить?—спросила Вѣра.

— Какъ тебѣ сказать? Помѣщички теперь перевелись, но живутъ тутъ; но зато понастроили кругомъ заводовъ, душечка, и тутъ этихъ инженеровъ, докторовъ, штейгеровъ—сила! Конечно, спектакли, концерты, но больше все карты. И къ намъ ѣздить. Бываетъ у насъ докторъ Нецаповъ, изъ завода, такой красивый, интересный! Въ твою фотографію влюбился. Я ужъ и рѣшила: ну, думаю, это Вѣрочкина судьба. Молодой, красивый, со средствами — партія, однимъ словомъ. Ну, да вѣдь и ты у меня невѣста хоть куда. Фамиліи хорошей, имѣніе наше заложено, но—что жъ?—зато устроено, не запущено; моя тутъ есть часть, но все тебѣ останется; я твоя послушная раба. И покойный мой братъ, папочка твой, пятнадцать тысячъ оставилъ... Ну, однако, я вижу, у тебя глазки слипаются. Спи, дѣточка.

На другой день Вѣра долго гуляла около дома. Садъ

старый, прекрасный, безъ дорожекъ, расположенный неудобно, по скату, былъ совершенно заброшенъ: должно-быть, считался лишнимъ въ хозяйствѣ. Много ужей. Удоды лезли подъ деревьями и кричали—«у-ту-туть!» такимъ тономъ, какъ будто хотѣли о чемъ-то напомнить. Внизу была рѣка, поросшая высокими камышомъ, а за рѣкой, въ полуверстѣ отъ берега, — деревня. Изъ сада Вѣра пошла въ поле; глядя въ даль, думая о своей новой жизни въ родномъ гнѣздѣ, она все хотѣла понять, что ждетъ ее. Этотъ просторъ, это красивое спокойствіе степи говорили ей, что счастье близко и уже пожалуй есть; въ сущности тысячи людей скавали бы: какое счастье быть молодой, здоровой, образованной, жить въ собственной усадьбѣ! И въ то же время нескончаемая равнина, однообразная, безъ одной живой души, пугала ее, и минутами было ясно, что это спокойное зеленое чудовище поглотитъ ее жизнь, обратитъ въ ничто. Она молода, изящна, любитъ жизнь; она кончила въ институтѣ, выучилась говорить на трехъ языкахъ, много читала, путешествовала съ отцомъ, — но неужели все это только для того, чтобы въ концѣ-концовъ поселиться въ глухой степной усадьбѣ и изо-дня-въ-день, отъ нечего дѣлать, ходить изъ сада въ поле, изъ поля въ садъ и потомъ сидѣть дома и слушать, какъ дышитъ дѣдушка? Но что же дѣлать? Куда дѣваться? И никакъ она не могла дать себѣ отвѣта и, когда возвращалась домой, то думала, что едва ли здѣсь она будетъ счастлива и что ѣхать со станціи сюда гораздо интереснѣе, чѣмъ жить здѣсь.

Пріѣхавъ изъ завода докторъ Нещаповъ. Онъ былъ врачомъ, но года три назадъ взялъ на заводѣ наѣмъ и сталъ однимъ изъ хозяевъ и теперь не считалъ медицину своимъ главнымъ дѣломъ, хотя и занимался практикой. Наружно это былъ блѣдный, стройный брюнетъ въ бѣломъ жилетѣ; понять же, что у него въ душѣ и въ головѣ, было трудно. Здороваясь, онъ поцѣловалъ у тети Даши руку и потомъ то и дѣло вскакивалъ, чтобы подать стулъ или уступить мѣсто, все время былъ очень серьезенъ и молчалъ, и если начиналъ говорить, то почему-то первую фразу его нельзя было слышать и понять, хотя говорилъ онъ правильно и не тихо.

— Вы изволите играть на роялѣ?—спросилъ онъ у Вѣры и вдругъ вскочилъ, такъ какъ она уронила платокъ.

Просидѣлъ онъ съ полудня до 12-ти часовъ ночи, молча, и очень не понравился Вѣрѣ; ей казалось, что блѣлый жилетъ въ деревнѣ, это—дурной тонъ, а изысканная вѣжливость, манеры и блѣдное, серьезное лицо съ темными бровями были приторны; и ей казалось, что постоянно молчалъ онъ потому, вѣроятно, что былъ недалекъ. Тетя же, когда онъ уѣхалъ, сказала радостно:

— Ну, что? Не правда ли, прелесть?

II.

Тетя Даша занималась хозяйствомъ. Сильно затянута, звеня браслетами на обѣихъ рукахъ, она ходила то въ кухню, то въ амбаръ, то на скотный, мелкими шагами, и спина у нея вздрагивала; и когда она говорила съ приказчикомъ или съ мужиками, то почему-то всякій разъ надѣвала *rinse-nez*. Дѣдушка сидѣлъ все на одномъ мѣстѣ и раскладывалъ пасьянсъ или дремалъ. За обѣдомъ и за ужиномъ онъ ѣлъ ужасно много; ему подавали и сегодняшнее, и вчерашнее, и холодный пирогъ, оставшійся съ воскресенья, и людскую солонину, и онъ все съѣдалъ съ жадностью, и отъ каждаго обѣда у Вѣры оставалось такое впечатлѣнiе, что когда потомъ она видѣла, какъ гнали овецъ или везли съ мельницы муку, то думала: «Это дѣдушка съѣсть». Большею частью онъ молчалъ, погруженный въ ѣду или пасьянсъ; но, случалось, за обѣдомъ, при взглядѣ на Вѣру, онъ умилялся и говорилъ иѣжно:

— Внучка моя единственная! Вѣрочка!

И слезы блестѣли у него на глазахъ. Или вдругъ лицо у него багровѣло, шея надувалась, онъ со злобой глядѣлъ на прислугу и спрашивалъ, стуча палкой:

— Почему хрѣну не подали?

Зимою онъ велъ совершенно неподвижную жизнь, лѣтомъ же иногда ѣздивъ въ поле, чтобы взглянуть на овсы и на травы, и, вернувшись, говорилъ, что безъ него вездѣ безпорядки, и замахивался палкой.

— Не въ духѣ твой дѣдушка,—шептала тетя Даша.— Ну, да теперь ничего, а прежде не дай Богъ: «Двадцать пять горячихъ! Розогъ!»

Тетя жаловалась, что всѣ облѣпились, никто ничего не дѣлаетъ и что имѣнiе не приноситъ никакого дохода. Въ самомъ дѣлѣ, никакого сельскаго хозяйства не было; пахали

и съѣли немного, только по привычкѣ, и въ сущности ничего не дѣлали, жили праздно. Между тѣмъ весь день ходили, считали, хлопотали; бѣготня въ домѣ начиналась съ пяти часовъ утра и постоянно слышалось «подай», «принеси», «сбѣгай», и прислуга обыкновенно къ вечеру уже выбивалась изъ силъ. У тети каждую недѣлю мѣнялись кухарки и горничныя; то она рассчитывала ихъ за безнравственность, то онѣ сами уходили, говоря, что замучились. Изъ своихъ деревенскихъ никто не шелъ служить, и приходилось нанимать дальнихъ. Изъ своихъ жила одна только дѣвушка Алена и не уходила потому, что на ея жалованье кормилась дома вся семья—старухи и дѣти. Эта Алена, маленькая, блѣдная, глуноватая, весь день убирала комнаты, служила за столомъ, топчила печи, шила, стирала, но все казалось, что она возится, стучить сапогами и только мѣшаетъ въ домѣ; изъ страха, какъ бы ее не рассчитали и не услали домой, она роняла и часто била посуду, и у нея вычитали изъ жалованья, а потомъ ее мать и бабушка приходили и кланялись тетѣ Данѣ въ ноги.

Разъ въ недѣлю, а иногда и чаще прѣѣзжали гости. Тетя входила къ Вѣрѣ и говорила:

— Ты бы посидѣла съ гостями, а то подумаютъ, что ты гордая.

Вѣра шла къ гостямъ и играла съ ними подолгу въ винтъ или играла на роялѣ, а гости танцевали; тетя, веселая, тяжело дыша отъ танцевъ, подходила къ ней и шептала:

— Будь поласковѣй съ Марьей Инкифоровной.

6-го декабря, въ Николинъ день, прѣѣхало сразу много гостей, человекъ тридцать; играли въ винтъ до поздней ночи и многіе остались ночевать. Съ утра опять засѣли за карты, потомъ обѣдали, и когда послѣ обѣда Вѣра пошла къ себѣ въ комнату, чтобы отдохнуть отъ разговоровъ и отъ табачнаго дыма, то и тамъ были гости, и она едва не заплакала съ отчаянія. И когда вечеромъ всѣ они стали собираться домой, то отъ радости, что они, наконецъ, уѣзжаютъ, она сказала:

— Вы бы еще посидѣли!

Гости утомляли ее и стѣсняли; и въ то же время,—это бывало почти каждый день,—едва начинало темнѣть, какъ ее уже тянуло изъ дому, и она уѣзжала въ гости куда-

нибудь на заводъ или къ сосѣдямъ-помѣщикамъ; и тамъ игра въ карты, танцы, фанты, ужины... Молодые люди, служащіе на заводахъ и шахтахъ, иногда пѣли малороссійскія пѣсни и очень недурно. Становилось грустно, когда они пѣли. Или сходились все въ одну комнату и тутъ въ сумеркахъ говорили о шахтахъ, о кладахъ, зарытыхъ когда-то въ степи, о Сауръ-Могилѣ... Во время разговора въ позднее время, случалось, вдругъ доносилось «ка-ра-у-уль!». Это пьяный шель, или грабили кого-нибудь по сосѣдству въ шахтахъ. Или же въ нечахъ завывалъ вѣтеръ, хлопали ставни, потомъ, немного погодя, слышался тревожный звонъ въ церкви; это начиналась метель.

На всѣхъ вечерахъ, пикникахъ и обѣдахъ неизмѣнно самой интересной женщиной была тетя Даша и самымъ интереснымъ мужчиной докторъ Нещаповъ. На заводахъ и въ усадьбахъ читали очень мало, играли только марши и польки, и молодежь всегда горячо спорила о томъ, чего не понимала, и это выходило грубо. Спорили горячо и громко, но, странно, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Вѣра не встрѣчала такихъ равнодушныхъ и беззаботныхъ людей, какъ здѣсь. Казалось, что у нихъ нѣтъ ни родины, ни религій, ни общественныхъ интересовъ. Когда говорили о литературѣ или рѣшали какой-нибудь отвлеченный вопросъ, то по лицу Нещапова видно было, что это его нисколько не интересуесть и что уже давно, очень давно онъ не читалъ ничего и читать не хочетъ. Онъ, серьезный, безъ выраженія, точно дурно написанный портретъ, постоянно въ бѣломъ жилетѣ, попрежнему все молчалъ и былъ непонятенъ; но дамы и барышни находили его интереснымъ и были въ восторгѣ отъ его манеръ и завидовали Вѣрѣ, которая ему, повидимому, очень нравилась. И Вѣра всякій разъ уѣзжала изъ гостей съ досадою и давала себѣ слово сидѣть дома; но проходилъ день, наступалъ вечеръ, и она снова слѣзила на заводъ, и такъ почти всю зиму.

Она выписывала книги и журналы и читала у себя въ комнатѣ. И по ночамъ читала, лежа въ постели. Когда часы въ коридорѣ били два или три и когда уже отъ чтенія начинала болѣть вѣска, она садилась въ постели и думала. Чтò дѣлать? Куда дѣваться? Проклятый, назойливый вопросъ, на который давно уже готово много отвѣтовъ и въ сущности нѣтъ ни одного.

О, какъ это, должно-быть, благородно, свято, картинно— служить народу, облегчать его мѹки, просиѹждать его. Но она, ВѢра, не знаетъ народа. И какъ подойти къ нему? Онъ чуждъ ей, неинтересенъ; она не выноситъ тяжелаго запаха избѣ, кабацкой брани, немыхъ дѣтей, бабьихъ разговоровъ о болѣзняхъ. Идти по сугробамъ, зябнуть, потомъ сидѣть въ душной избѣ, учить дѣтей, которыхъ не любишь,—нѣтъ, лучше умереть! И учить мужицкихъ дѣтей въ то время, какъ тетя Даша получаетъ доходъ съ трактировъ и штрафуетъ мужиковъ—какая это была бы комедія! Сколько разговоровъ про школы, сельскія библіотеки, про всеобщее обученіе, но вѣдь если бы всѣ эти знакомые инженеры, заводчики, дамы не лицемерили, а въ самомъ дѣлѣ вѣрили, что просвѣщеніе нужно, то они не платили бы учителямъ по 15 рублей въ мѣсяць, какъ теперь, и не морили бы ихъ голодомъ. И школы, и разговоры о крѣпостствѣ — это для того только, чтобы заглушать совѣсть, такъ какъ стыдно имѣть пять или десять тысячъ десятинъ земли и быть равнодушнымъ къ народу. Вотъ про доктора Пенцанова говорятъ дамы, что онъ добрый, устроилъ при заводѣ школу. Да, школу построилъ изъ стараго заводскаго камня, рублей за восемьсотъ, и «многая лѣта» нѣтъ ему на освященіи школы, а вотъ небось пая своего не отдастъ, и небось въ голову ему не приходитъ, что мужики такіе же люди, какъ онъ, и что ихъ тоже нужно учить въ университетахъ, а не только въ этихъ жалкихъ заводскихъ школахъ.

И ВѢра чувствуетъ любовь на себя и на всѣхъ. Она беретъ опять за книгу и хочетъ читать, но, немного погодя, опять садится и думаетъ. Сдѣлаться врачомъ? Но для этого нужно держать экзаменъ по латинскому языку, и къ тому же еще у нея непобѣдимое отвращеніе къ трунамъ и болѣзнямъ. Хорошо бы стать механикомъ, судьей, командиромъ парохода, ученымъ, дѣлать бы что-нибудь такое, на что уходили бы всѣ силы, физическія и душевныя, и чтобы утомляться и потомъ крѣпко спать ночью; отдать бы свою жизнь чему-нибудь такому, чтобы быть интереснымъ человекомъ, нравиться интереснымъ людямъ, любить, имѣть свою настоящую семью... Но что дѣлать? Съ чего начать?

Какъ-то, въ одно изъ воскресеній въ Великомъ посту, тетя зашла къ ней рано утромъ, чтобы взять зонтикъ. ВѢра сидѣла въ постели, охватывъ голову руками, и думала.

— Ты бы, душечка, поѣхала въ церковь,— сказала тетя:— а то подумаютъ, что ты невѣрующая.

Вѣра ничего не отвѣтила.

— Я вижу, ты скучаешь, бѣдняжка, — сказала тетя, опускаясь на колѣни передъ постелью; она обожала Вѣру.— Признайся: скучаешь?

— Очень.

— Красавица, королева моя, я твоя послушная раба, я желаю тебѣ только добра и счастья... Скажи, отчего ты не хочешь идти за Нещанова? Кого же тебѣ еще нужно, дѣточка? Извини, милая, перебирать такъ нельзя, мы не князья... Время уходитъ, тебѣ не 17 лѣтъ... И не понимаю! Онъ тебя любитъ, боготворитъ!

— Ахъ, Господи, — сказала Вѣра съ досадою: — но почему я знаю? Самъ онъ молчитъ, никогда не говоритъ ни слова.

— Онъ стѣсняется, душечка... А вдругъ ты ему откажешь!

И когда потомъ тетя вышла, Вѣра стояла среди своей комнаты, не зная, одѣваться ей или опять лечь. Противная постель, глянешь въ окно — тамъ голыя деревья, сѣрый снѣгъ, противныя галки, свиньи, которыхъ съѣсть дѣдушка...

«Въ самомъ дѣлѣ,—подумала она:—замужъ, что ли!»

III.

Два дня тетя ходила съ заплаканнымъ, сильно напуганнымъ лицомъ и за обѣдомъ все вздыхала и посматривала на образъ. И нельзя было понять, въ чемъ ея горе. Но вотъ она рѣшилась, вошла къ Вѣрѣ и сказала развязно:

— Это самое, дѣточка, надо проценты въ банкъ внести, а арендаторъ не платитъ. Позволь заплатить изъ пятнадцати тысячъ, что тебѣ оставилъ паночка.

Потомъ цѣлый день тетя въ саду варила вишневое варенье. Алена съ красными отъ жара щеками бѣгала то въ садъ, то въ домъ, то на погребъ. Когда тетя варила варенье, съ очень серьезнымъ лицомъ, точно священнодѣйствовала, и короткія рукава позволяли видѣть ея маленькія, крѣпкія, деспотическія руки, и когда, не переставая, бѣгала прислуга, хлопоча около этого варенья, которое будетъ ѣсть не она, то всякій разъ чувствовалось мучительство...

Въ саду пахло горячими вишнями. Уже зашло солнце, жаровню унесли, но все еще въ воздухѣ держался этотъ пріятный, сладковатый запахъ. Вѣра сидѣла на скамьѣ и смотрѣла, какъ новый работникъ, молодой прохожій солдатъ, дѣлалъ, по ея приказанію, дорожки. Онъ рѣзалъ лопатой дернъ и бросалъ его въ тачку.

— Ты гдѣ былъ на службѣ?—спросила у него Вѣра.

— Въ Бердянскѣ.

— А куда идешь теперь? Домой?

— Никакъ нѣтъ, — отвѣтилъ работникъ. — У меня нѣтъ дома.

— Но ты гдѣ родился и выросъ?

— Въ Орловской губерніи. До службы я жилъ у матери, въ домѣ вотчина; мать—хозяйка, ее уважали, и я при ней кормился. А на службѣ получилъ письмо: померла мать... Идти мнѣ теперь домой какъ будто ужъ и не охота. Не родной отецъ, стало-быть, и домъ чужой.

— А твой родной отецъ умеръ?

— Не могу знать. Я незаконпорожденный.

Въ это время въ окнѣ показалась тетя и сказала:

— Иль не фю на парлѣ о жаясь... Иди, любезный, въ кухню, — обратилась она къ солдату. — Тамъ расскажемъ.

А потомъ, какъ вчера и всегда, ужинъ, чтеніе, безсонная ночь и безконечныя мысли все объ одномъ. Въ три часа восходило солнце, Алена уже возилась въ коридорѣ, а Вѣра все еще не спала и старалась читать. Послышался скрипъ тачки: это новый работникъ пришелъ въ садъ. Вѣра сѣла у открытаго окна съ книгой, дремала и смотрѣла, какъ солдатъ дѣлалъ для нея дорожки, и это занимало ее. Дорожки ровныя, какъ ремень, гладкія, и весело воображать, какія онѣ будутъ, когда ихъ посыплютъ желтымъ пескомъ.

Видно было, какъ въ началѣ шестого часа изъ дома вышла тетя въ розовомъ капотѣ, въ пашилоткахъ. Она постояла на крыльцѣ, молча, минуты три, и потомъ сказала солдату:

— Возьми свой паспортъ, уходи съ Богомъ. Я не могу у себя въ домѣ держать незаконпорожденныхъ.

Въ груди у Вѣры камнемъ повернулось тяжелое, злое чувство. Она негодовала, ненавидѣла тетю; тетя надоѣла ей до тоски, до отвращенія... Но что дѣлать? Оборвать ее на словѣ? Наглубить ей? Но какая польза? Положимъ, бороться

съ ней, устранить ее, сдѣлать безвредной, сдѣлать такъ, чтобы дѣдушка не замахивался палкой, но—какая польза? Это все равно, что въ стѣни, которой конца не видно, убить одну мышь или одну змѣю. Громадныя пространства, длинныя зимы, однообразіе и скука жизни вселяютъ сознание беспомощности, положеніе кажется безнадежнымъ, и ничего не хочется дѣлать, — все бесполезно.

Вошла Алена и, низко поклонившись Вѣрѣ, начала выносить кресла, чтобы выбить изъ нихъ пыль.

— Пашла время убирать,—сказала съ досадою Вѣра. — Уйди отсюда!

Алена растерялась и отъ страха не могла понять, что хотять отъ нея, и стала быстро убирать на комодѣ.

— Уйди отсюда, тебѣ говорятъ! — крикнула Вѣра, холодѣя; никогда раньше она не испытывала такого тяжелого чувства. — Уйди!

Алена издала какой-то стонъ, словно птичій, и уронила на коверъ золотыя часы.

— Вонъ отсюда! — крикнула Вѣра не своимъ голосомъ, вскакивая и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Гоните ее вонъ, она меня замучила!—продолжала она, быстро идя за Аленой по коридору и топоча ногами. — Вонъ! Розогъ! Бейте ее!

И потомъ вдругъ опомнилась и опрометью, какъ была, непричесанная, невытая, въ халатѣ и туфляхъ, бросилась вонъ изъ дому. Она добѣжала до знакомаго оврага и спряталась тамъ въ терновникѣ, чтобы никого не видѣть и ея бы не видѣли. Лежа тутъ на травѣ неподвижно, она не плакала, не ужасалась, а, глядя на небо, не мигая, рассуждала холодно и ясно, что случилось то, чего нельзя забыть и простить себѣ въ теченіе всей жизни.

«Нѣтъ, довольно, довольно!—думала она.—Пора прибрать себя къ рукамъ, а то конца не будетъ... Довольно!»

Въ полдень проѣзжалъ черезъ оврагъ въ усадьбу докторъ Нешаповъ. Она видѣла его и быстро рѣшила, что начнетъ новую жизнь, заставитъ себя начать, и это рѣшеніе успокоило ее. И провожая глазами стройную фигуру доктора, она сказала, какъ бы желая смягчить суровость своего рѣшенія:

«Онъ славный... Проживемъ какъ-нибудь».

Она вернулась домой. Когда она одѣвалась, въ комнату вошла тетя Даша и сказала:

— Алена тебя встревожила, душечка, я услала ее домой въ деревню. Мать ее избила всѣмъ и приходила сюда, плакала...

— Тетя, — быстро проговорила Вѣра: — я выхожу за доктора Пещарова. Только поговорите съ нимъ сами... я не могу...

И опять ушла въ поле. И идя, куда глаза глядятъ, она рѣшила, что, выйдя замужъ, она будетъ заниматься хозяйствомъ, лѣчить, учить, будетъ дѣлать все, что дѣлаютъ другія женщины ея круга; а это постоянное недовольство и собой, и людьми, этотъ рядъ грубыхъ ошибокъ, которыя горой вырастаютъ передъ тобою, едва оглянешься на свое прошлое, она будетъ считать своею настоящею жизнью, которая суждена ей, и не будетъ ждать лучшей... Вѣдь лучшей и не бываетъ! Прекрасная природа, грезы, музыка говорятъ одно, а дѣйствительная жизнь другое. Очевидно, счастье и правда существуютъ гдѣ-то вѣжъ жизни... Надо не жить, надо слиться въ одно съ этой роскошной стѣнью, безграничной и равнодушной, какъ вѣчность, съ ея цвѣтами, курганами и далью, и тогда будетъ хорошо...

Черезъ мѣсяць Вѣра жила уже на заводѣ.

ПЕЧЕНЬГЪ.

Жмухинъ, Иванъ Абрамычъ, отставной казачій офицеръ, служившій когда-то на Кавказѣ, а теперь проживающій у себя на хуторѣ, бывший когда-то молодымъ, здоровымъ, сильнымъ, а теперь старый, сухой и сутулый, съ мохнатыми бровями и съ сѣдыми, зеленоватыми усами, — какъ-то въ жаркій лѣтній день возвращался изъ города къ себѣ на хуторъ. Въ городѣ онъ говѣлъ и писалъ у нотаріуса завѣщаніе (недѣли двѣ назадъ съ нимъ приключился легкій ударъ), и теперь въ вагонѣ все время, пока онъ ѣхалъ, его не покидали грустныя, серьезныя мысли о близкой смерти, о суетѣ-суетѣ, о бренности всего земного. На станціи Провалье, — а такая есть на Донецкой дорогѣ, — въ его вагонъ вошелъ бѣлокурый господинъ, среднихъ лѣтъ, пухлый, съ поношеннымъ портфелемъ, и сѣлъ противъ. Разговорились.

— Да-съ, — говорилъ Иванъ Абрамычъ, задумчиво глядя въ окно. — Жениться никогда не поздно. Я самъ женился, когда мнѣ было сорокъ восемь лѣтъ, говорили — поздно, а вышло не поздно и не рано, а такъ, лучше бы вовсе не жениться. Жена скоро прискучаетъ всякому, да не всякій правду скажетъ, потому что, знаете ли, несчастной семейной жизни стыдятся и скрываютъ ее. Иной около жены — «Маня, Маня», а если бы его воля, то онъ бы эту Маню въ мѣшокъ да въ воду. Съ женой скука, одна глупость. Да и съ дѣтьми не лучше, смѣю васъ увѣрить. У меня ихъ двое, подцецовъ. Учитъ ихъ тутъ въ степи негдѣ, отдать въ Новочеркаскъ въ ученье — денегъ нѣтъ, и живутъ

они тутъ, какъ волчата. Того и гляди, зарѣжутъ кого на дорогѣ.

Бѣлокурый господинъ слушалъ внимательно, отвѣчалъ на вопросы негромко и кратко и, повидимому, былъ тихаго, скромнаго нрава. Онъ назвался частнымъ повѣреннымъ и сказалъ, что ѣдетъ въ деревню Дюевку по дѣлу.

— Да вѣдь это въ девяти верстахъ отъ меня, Господи ты Боже мой! — сказала Жмухинъ такимъ тономъ, какъ будто съ нимъ спорили. — Но позвольте, на станціи вы теперь не найдете лошадей. По-моему для насъ самое лучшее, знаете ли, сейчасъ поѣхать ко мнѣ, у меня переочищаете, знаете ли, а утромъ и поѣдете на моихъ лошадяхъ, съ Богомъ.

Частный повѣренный подумалъ и согласился.

Когда прѣехали на станцію, солнце уже стояло низко надъ степью. Всю дорогу отъ станціи до хутора молчали: говорить мѣшала тряская ѣзда. Тарантась прыгала, визжала и, казалось, рыдала, точно его прыжки причиняли ему сильную боль, и частный повѣренный, которому было очень неудобно сидѣть, съ тоской поглядывалъ впередъ: но видать ли хутора. Проѣхали версть восемь, и вдали показался невысокій домъ и дворъ, обнесенный заборомъ изъ темнаго плитняка; крыша на домѣ зеленая, штукатурка облупилась, а окна маленькія, узенькія, точно прищуренные глаза. Хуторъ стоялъ на припекѣ, и нигдѣ кругомъ не было видно ни воды, ни деревьевъ. Назывался онъ у сосѣдей-помѣщиковъ и у мужиковъ «Печенѣговъ хуторъ». Много лѣтъ назадъ какой-то проѣзжій землемѣръ, ночевавшій на хуторѣ, проговорилъ всю ночь съ Иваномъ Абрамычемъ, остался недоволенъ и утромъ, уѣзжая, сказалъ ему сурово: «Вы, сударь мой, печенѣгъ!» Отсюда и пошло «Печенѣговъ хуторъ», и это прозвище еще болѣе укрѣпилось, когда дѣти Жмухина подросли и стали совершать набѣги на сосѣдніе сады и бахчи. А самого Ивана Абрамыча звали «знаете ли», такъ какъ онъ говорилъ обыкновенно очень много и часто употреблялъ это «знаете ли».

Во дворѣ около сарая стояли сыновья Жмухина: одинъ лѣтъ 19-ти, другой — подростокъ, оба босые, безъ шапокъ; и какъ разъ въ то время, когда тарантась вѣзжалъ во дворъ, младшій высоко подбросилъ курицу, которая закудахтала и полетѣла, описывая въ воздухѣ дугу; старшій

выстрѣлили изъ ружья, и курица, убитая, ударилась о землю.

— Это мои учатся стрѣлять въ летъ,—смазаль Жмухинъ.

Въ сѣняхъ прїѣхавшихъ встрѣтила женщина, маленькая, худенькая, съ блѣднымъ лицомъ, еще молодая и красивая; по платью ее можно было принять за прислугу.

— А это, позвольте представить,—сказаль Жмухинъ:—мать моихъ сукиныхъ сыновъ. Ну, Любовь Осиповна,—обратился онъ къ ней,—поворачивайся, мать, угощай гостя. Ужинать давай! Живо!

Домъ состоялъ изъ двухъ половинъ; въ одной была «зала» и рядомъ съ ней спальня старика Жмухина — комнаты душиныя, съ низкими потолками и со множествомъ мухъ и осъ, а въ другой была кухня, въ которой стряпали, стирали, кормили работниковъ; здѣсь же подъ скамьями сидѣли на яйцахъ гусыни и индѣйки, и здѣсь же находились постели Любови Осиповны и ея обоихъ сыновей. Мебель въ залѣ была некрашенная, срубленная, очевидно, плѣтникомъ; на стѣнахъ висѣли ружья, ягдташи, нагайки, и вся эта старая дрянь давно уже заржавѣла и казалась сѣрой отъ пыли. Ни одной картины, въ углу темная доска, которая когда-то была иконой.

Молодая баба, хохлушка, накрыла на столъ и подала ветчину, потомъ борщъ. Гость отказался отъ водки и сталъ ѣсть только хлѣбъ и огурцы.

— А ветчинки что жъ?—спросиль Жмухинъ.

— Благодарю, не ѣмъ,—отвѣтилъ гость.—Я вообще не ѣмъ мяса.

— Почему такъ?

— Я вегетарианецъ. Убивать животныхъ, это—противно моимъ убѣжденіямъ.

Жмухинъ подумаль минуту и потомъ сказаль медленно, со вздохомъ:

«— Да... Такъ... Въ городѣ я тоже видѣль одного, который не ѣсть мяса. Это теперь такая вѣра пошла. Что жъ? Это хорошо. Не все же рѣзать и стрѣлять, знаете ли, надо когда-нибудь и угомониться, дать покой и тварямъ. Грѣхъ убивать, грѣхъ,—что и говорить. Иной разъ подстрѣлишь зайца, ранишь его въ ногу, а онъ кричитъ, словно ребенокъ. Значить, больно!

— Конечно, больно. Животныя такъ же страдаютъ, какъ и люди.

— Это вѣрно,—согласился Жмухинъ.—Я все это понимаю очень хорошо,—продолжалъ онъ, думая:—только вотъ, признаться, одного не могу понять: если, положимъ, знаете ли, всѣ люди переставутъ ѣсть мясо, то куда дѣнутся тогда домашнія животныя, на примѣръ, куры и гуси?

— Куры и гуси будутъ жить на волѣ, какъ дикія.

— Теперь понимаю. Въ самомъ дѣлѣ, живутъ вороны и галки и обходятся же безъ насъ. Да... И куры, и гуси, и зайчики, и овечки, всѣ будутъ жить на волѣ, радоваться, знаете ли, и Бога прославлять, и не будутъ они насъ бояться. Настанетъ миръ и тишина. Только вотъ, знаете ли, одного не могу понять,—продолжалъ Жмухинъ, взглянувъ на ветчину.—Со свиньями какъ быть? Куда ихъ?

— И онѣ такъ же, какъ всѣ, то-есть и онѣ на волѣ.

— Такъ. Да. Но позвольте, вѣдь если ихъ не рѣзать, то онѣ размножатся, знаете ли, тогда процѣйся съ лугами и съ огородами. Вѣдь свинья, ежели пустить ее на волю и не присмотрѣть за ней, все вамъ попортитъ въ одинъ день. Свинья и есть свинья, и не даромъ ее свиньей прозвали...

Поужинали. Жмухинъ всталъ изъ-за стола и долго ходилъ по комнатѣ и все говорилъ, говорилъ... Онъ любилъ поговорить о чемъ-нибудь важномъ и серьезномъ и любилъ подумать; да и хотѣлось на старости лѣтъ остановиться на чемъ-нибудь, успокоиться, чтобы не такъ страшно было умирать. Хотѣлось кротости, душевной тишины и увѣренности въ себѣ, какъ у этого гостя, который вотъ наѣлся огурцовъ и хлѣба и думаетъ, что отъ этого сталъ совершеннѣе; сидитъ онъ на сундукѣ, здоровый, пухлый, молчитъ и терпѣливо скучаетъ, и въ сумеркахъ, когда взглянешь на него изъ сѣней, похожъ на большой булыжникъ, который не сдвинешь съ мѣста. Имѣетъ человекъ въ жизни зацѣпку—и хорошо ему.

Жмухинъ черезъ сѣни вышелъ на крыльцо, и потому слышно было, какъ онъ вздыхалъ и въ раздумьѣ говорилъ самому себѣ: «Да... такъ». Уже темнѣло, и на небѣ показывались тамъ и сямъ звѣзды. Въ комнатахъ еще не зажигали огня. Кто-то безшумно, какъ тѣнь, вошелъ въ залу и остановился около двери. Это была Любовь Осиповна, жена Жмухина.

— Вы изъ города? — спросила она робко, не глядя на гостя.

— Да, я живу въ городѣ.

— Можетъ, вы по ученой части, господинъ, поучите насъ, будто такіе добрые. Намъ надо бы прошеніе подать.

— Куда?—спросилъ гость.

— У насъ два сына, господинъ хорошій, и давно пора отдавать ихъ въ ученье, а у насъ никто не бываетъ и не съ кѣмъ посовѣтоваться. А сама я ничего не знаю. Потому, если не учить, то ихъ возьмутъ на службу простыми казаками. Не хорошо, господинъ! Не грамотные, хуже мужиковъ, и сами же Иванъ Абрамычъ брезгаютъ, не пускаютъ ихъ въ комнаты. А развѣ они виноваты? Хоть бы младшенькаго отдать въ ученье, право, а то такъ жалко!— сказала она протяжно, и голосъ у нея дрогнулъ; и казалось невѣроятнымъ, что у такой маленькой и молодой женщины есть уже взрослая дѣти.—Ахъ, такъ жалко!

— Ничего ты, мать, не понимаешь, и не твое это дѣло, — сказала Жмухинъ, показываясь въ дверяхъ. — Не приставай къ гостю со своими разговорами дикими. Уходи, мать!

Любовь Осиповна вышла и въ сѣняхъ повторила еще разъ тонкимъ голоскомъ:

— Ахъ, такъ жалко!

Гостю постлали въ залѣ на диванѣ и, чтобы ему было темно, зажгли лампадку. Жмухинъ легъ у себя въ спальнѣ. И, лежа, онъ думалъ о своей душѣ, о старости, о недавнемъ ударѣ, который такъ напугалъ и живо напомнилъ о смерти. Онъ любилъ пофилософствовать, оставаясь съ самимъ собой, въ тишинѣ, и тогда ему казалось, что онъ очень серьезный, глубокій человекъ и что на этомъ свѣтѣ его занимаютъ одни только важные вопросы. И теперь онъ все думалъ, и ему хотѣлось остановиться на какой-нибудь одной мысли, непохожей на другія, значительной, которая была бы руководствомъ въ жизни, и хотѣлось придумать для себя какія-нибудь правила, чтобы и жизнь свою сдѣлать такую же серьезной и глубокой, какъ онъ самъ. Вотъ хорошо бы и ему, старику, совсѣмъ отказаться отъ мяса, отъ разныхъ излишествъ. Время, когда люди не будутъ убивать другъ друга и животныхъ, рано или поздно настанетъ, иначе и быть не можетъ, и онъ во-

ображать себя это время и ясно представлять самого себя, живущаго въ мирѣ со всеѣми животными, и вдругъ опять вспомнилъ про свиней, и у него въ головѣ все перепуталось.

— Исторія, Господи помилуй, — пробормоталъ онъ, тяжело вздыхая. — Вы спите? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

Жмухинъ всталъ съ постели и остановился въ дверяхъ на порогѣ, въ одной сорочкѣ, показывая гостю свои ноги, жилистыя и сухія, какъ палки.

— Вотъ теперь, знаете ли, — началъ онъ: — пошли разные телеграфы, телефоны и разныя тамъ чудеса, однимъ словомъ, но люди не стали лучше. Говорятъ, что въ наше время, лѣтъ 30—40 назадъ, люди были грубые, жестокіе; но теперь развѣ не то же самое? Дѣйствительно, въ мое время жили безъ переменъ. Помню, на Кавказѣ, когда мы цѣлыхъ четыре мѣсяца стояли на одной рѣчкѣ безъ всякаго дѣла, — я тогда еще урядникомъ былъ, — произошла исторія, въ родѣ какъ бы романъ. Какъ разъ на берегу той рѣчки, знаете ли, гдѣ стояла наша сотня, былъ похороненъ одинъ князекъ, котораго мы же убили незадолго. И по ночамъ, знаете ли, ходила вдова-княгиня на могилку и плакала. Ужъ она голосить-голосить, ужъ она стонеть-стонеть, и такую на насъ тоску нагоняла, что не спимъ да и все. Одну ночь не спимъ, другую не спимъ; ну, надоѣло. И, разсуждая по здравому смыслу, нельзя же въ самомъ дѣлѣ не спать чортъ знаетъ изъ-за чего, извините за выраженіе. Взяли мы эту княгиню, высѣкли ее — и перестала ходить. Вотъ вамъ. Теперь, конечно, ужъ не та категория людей, и не сѣкутъ, и живутъ чище, и наукъ стало больше, но, знаете ли, душа все та же, никакой перемены. Вотъ, изволите ли видѣть, живетъ здѣсь у насъ помѣщикъ одинъ. У него шахты, знаете ли. Работаютъ у него безпаспортные, разныя бродяги, которымъ дѣваться некуда. По субботамъ надо расчетъ давать рабочимъ, а платить-то не хочется, знаете ли, денегъ жалко. Вотъ онъ и нашелъ себя такого приказчика, тоже изъ бродягъ, хотя и въ шляпѣ ходить. «Ты, говоритъ, имъ ничего не плати, ни копейки; они тебя будутъ бить и пускай, говоритъ, бьютъ, а ты терпи, я за это каждую субботу буду тебѣ по десяти рублей платить». Вотъ вечеромъ въ субботу, порядкомъ, какъ во-

дится, рабочіе приходятъ за расчетомъ; приказчикъ пмъ: «Нѣту!» Ну, слово за слово, начинается брань, потасовка... Бьютъ, бьютъ его, и руками и ногами,—знаете ли, народъ озвѣрѣлый съ голоду-то,—бьютъ до безчувствія, а потомъ и уходятъ кто куда. Хозяинъ велитъ отливать приказчика водой, потомъ ему десять рублей въ зубы, а тотъ и беретъ, да еще радъ, потому въ сущности не то, что за десять, онъ и за трешницу согласится хоть въ петлю. Да... А въ понедѣльникъ приходитъ новая партія рабочихъ; приходитъ, дѣваться некуда... Въ субботу опять та же исторія...

Гость повернулся на другой бокъ, лицомъ къ спинкѣ дивана, и пробормоталъ что-то.

— А вотъ другой примѣръ, — продолжалъ Жмухинъ. — Какъ-то была тутъ сибирская язва, знаете ли; скотина дохла, я вамъ скажу, какъ мухи, и ветеринары тутъ ѣдили, и строго было приказано, чтобы палый скотъ зарывать подальше, глубоко въ землю, заливать известкой и прочее, знаете ли, на основаніи науки. Издохла и у меня лошадь. Я со всякими предосторожностями зарылъ ее и одной известки вылилъ на нее пудовъ десять. И что жъ вы думаете? Мои молодцы, знаете ли, сыночки мои милые, ночью вырыли лошадь, содрали съ нея шкуру и продали за три рубля. Вотъ вамъ. Значитъ, люди не стали лучше и, значитъ, какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ. Вотъ вамъ. Подумать-то есть о чемъ! А? Какъ вы полагаете?

На одной сторонѣ въ окнахъ, въ щеляхъ ставень, вспыхивала молнія. Было душно передъ грозой, кусались комары, и Жмухинъ, лежа у себя и размышляя, охаль, стоишь и говорилъ самому себѣ: «Да... такъ»—и уснуть было невозможно. Гдѣ-то очень-очень далеко ворчалъ громъ.

— Вы спите?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ гость.

Жмухинъ всталъ и черезъ залу и сѣни, стуча своими пятками, прошелъ въ кухню—воды напиться.

— Хуже всего на свѣтѣ, знаете ли, глупость,—говорилъ онъ, немного погодя, возвращаясь съ ковшомъ.—Моя Любовь Осиповна стоитъ на колѣняхъ и Богу молится. Молится каждую ночь, знаете ли, и поклоны бухаетъ, первое, чтобъ дѣтей въ ученье отдать; боится, что дѣти пойдутъ на службу простыми казаками, и ихъ будутъ тамъ попе-

режь спины шашками душить. Но чтобы учить, надо деньги, а гдѣ ихъ взять? Хоть лбомъ полъ прошиби, а коли нѣтъ, такъ и нѣтъ. Второе, молится, потому что, знаете ли, всякая женщина думаетъ, что несчастіе ея нѣтъ на свѣтѣ. Я человѣкъ откровенный и скрывать отъ васъ ничего не желаю. Она изъ бѣднаго семейства, поповна, колокольнаго званія, такъ сказать; женился я на ней, когда ей было 17 лѣтъ, и ее выдали за меня больше изъ-за того, что было бѣтъ нечего, нужда, злыдни, а у меня все-таки, видите, земля, хозяйство, ну, какъ ни какъ, все-таки офицеръ; лестно ей было за меня идти, знаете ли. Въ первый день, какъ поженились, она плакала и потомъ всѣ двадцать лѣтъ плакала — глаза на мокромъ мѣстѣ. И все она сидитъ и думаетъ, думаетъ. А о чемъ думаетъ, спрашивается? О чемъ женщина можетъ думать? Ни о чемъ. Я женщину, признаюсь, не считаю за человѣка.

Частный повѣренный поднялся порывисто и сѣлъ.

— Извините, мнѣ что-то душно стало, — сказалъ онъ. — Я выйду.

Жмухитъ, продолжая говорить о женщинахъ, въ сѣняхъ вынулъ засовъ, и оба вышли наружу. Какъ разъ надъ дворомъ плыла по небу полная луна, и при лунномъ свѣтѣ домъ и сарай казались бѣлые, чѣмъ днемъ; и по травѣ между черными тѣнями протянулись яркія полосы свѣта, тоже бѣлыя. Направо далеко видна степь, надъ нею тихо горятъ звѣзды — и все таинственно, безконечно далеко, точно смотришь въ глубокую пропасть; а налѣво надъ степью навалилась одна на другую тяжелая грозовая тучи, черныя, какъ сажа; края ихъ освѣщены луной, и кажется, что тамъ горы съ бѣлымъ снѣгомъ на вершинахъ, темные лѣса, море; вспыхиваетъ молнія, доносится тихій громъ, и кажется, что въ горахъ идетъ сраженіе...

Около самой усадьбы маленькая ночная сова кричитъ монотонно: «сплю! сплю!»

— Который теперь часъ? — спросилъ гость.

— Второй вначалѣ.

— Какъ еще далеко до разсвѣта, однако!

Вернулись въ домъ и опять легли. Надо было спать, и обыкновенно передъ дождемъ такъ славно спится, но старику захотѣлось важныхъ, серьезныхъ мыслей; хотѣлось ему не просто думать, а размышлять. И онъ размышлялъ о

томъ, что хорошо бы, въ виду близкой смерти, ради души, прекратить эту праздность, которая такъ незамѣтно и безслѣдно поглощаетъ дни за днями, годы за годами; придумать бы для себя какой-нибудь подвигъ, напимѣръ, пойти бы пѣшкомъ куда-нибудь далеко-далеко, отказаться бы отъ мяса, какъ этотъ молодой человѣкъ. И онъ опять воображалъ себѣ то время, когда не будутъ убивать животныхъ, воображалъ ясно, отчетливо, точно самъ переживалъ это время; но вдругъ въ головѣ опять все перепуталось и все стало неясно.

Гроза прошла мимо, но тучи захватили краемъ, дождь шелъ и тихо стучалъ по крышѣ. Жмухнинъ всталъ и, охая отъ старости, потягиваясь, посмотрѣлъ въ залу. Замѣтивъ, что гость не спитъ, онъ сказалъ:

— У насъ на Кавказѣ, знаете ли, одинъ полковникъ тоже былъ вегетарианцемъ. Не ѣлъ мяса, никогда не охотился и не позволялъ своимъ людямъ рыбу ловить. Конечно, я понимаю. Всякое животное должно жить на свободѣ, пользоваться жизнью; только не понимаю, какъ можетъ свинья ходить, гдѣ ей угодно, безъ присмотра...

Гость поднялся и сѣлъ. Его блѣдное, помятое лицо выражало досаду и усталость; видно было, что онъ замучился, и только кротость и деликатность души мѣшали ему высказать на словахъ свою досаду.

— Уже разсвѣтъ,—сказалъ онъ кротко.—Велите, пожалуйста, дать мнѣ лошадь.

— Чтò такъ? Погодите, дождь пройдетъ.

— Нѣтъ, прошу васъ,—проговорилъ гость умоляюще, съ испугомъ.—Мнѣ необходимо сейчасъ же.

И онъ сталъ торопливо одѣваться.

Когда подали лошадь, уже восходило солнце. Дождь только что пересталъ, облака быстро бѣжали, голубыхъ просвѣтовъ становилось все больше и больше на небѣ. Внизу въ лужицахъ робко отсвѣчивали первые лучи. Частный повѣренный проходилъ со своимъ портфелемъ черезъ сѣни, чтобы сѣсть въ тарантасъ, и въ это время жена Жмухина, блѣдная и, казалось, блѣднѣе, чѣмъ вчера, заплаканная, смотрѣла на него внимательно, не мигая, съ наивнымъ выраженіемъ, какъ у дѣвочки, и было видно по ея скорбному лицу, что она завидуетъ его свободѣ,—ахъ, съ какомъ бы наслажденіемъ она сама уѣхала отсюда!—и что ей нужно

сказать ему что-то, должно-быть, спросить совѣта насчетъ дѣтей. И какая жалкая! Это не жена, не хозяйка, даже не прислуга, а скорѣе приживалка, бѣдная, никому не нужная родственница, ничтожество... Ея мужъ, суетясь, не переставая разговаривать и все забѣгая впередъ, провожалъ гостя, а она пугливо и виновато жалась къ стѣнѣ и все ждала удобной минуты, чтобы заговорить.

— Милости просимъ въ другой разъ!—повторялъ старикъ безъ умолку.—Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, знаете ли!

Гость сѣлъ въ тарантасъ торопливо, видимо, съ большимъ удовольствіемъ и точно боясь, что вотъ-вотъ его задержать. Тарантасъ по-вчерашнему запрыгалъ, завизжалъ, застучало неистово ведро, привязанное къ задку. Частный повѣренный оглянулся на Жмухина съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ; было похоже, что ему, какъ когда-то землемѣру, захотѣлось обозвать его печенѣгомъ или какъ-нибудь иначе, но кротость пересилила, онъ удержался и ничего не сказалъ. Но въ воротахъ вдругъ не вытерпѣлъ, приподнялся и крикнулъ громко и сердито:

— Вы мнѣ надоѣли!

И скрылся за воротами.

Около сарая стояли сыновья Жмухина: старшій держалъ ружье, у младшаго былъ въ рукахъ сѣрый пѣтушокъ съ яркимъ красивымъ гребнемъ. Младшій изо всей силы подбросилъ пѣтушка, тотъ влетѣлъ выше дома и перевернулся въ воздухѣ, какъ голубь; старшій выстрѣлилъ, и пѣтушокъ упалъ, какъ камень.

Старикъ, смущенный, не зная, какъ и чѣмъ объяснить этотъ странный, неожиданный окрикъ гостя, не спѣша, пошелъ въ домъ. И сидя тутъ за столомъ, онъ размышлялъ долго о теперешнемъ направленіи умовъ, о всеобщей безнравственности, о телеграфѣ, о телефонѣ, о велосипедахъ, о томъ, какъ все это не нужно, успокоился мало-по-малу, потомъ закурилъ, не спѣша, выпилъ пять стакановъ чаю и легъ спать.

НОВАЯ ДАЧА.

I.

Въ трехъ верстахъ отъ деревни Обручановой строился громадный мостъ. Изъ деревни, стоявшей высоко на крутомъ берегу, былъ виденъ его рѣшетчатый остовъ, и въ туманную погоду и въ тихіе зимніе дни, когда его тонкія желѣзныя стропила и всѣ лѣса кругомъ были покрыты инеемъ, онъ представлялъ живописную и даже фантастическую картину. Черезъ деревню проѣзжалъ иногда на бѣговыхъ дрожкахъ или въ коляскѣ инженеръ Кучеровъ, строитель моста. полный, плечистый, бородатый мужчина въ мягкой, помятой фуражкѣ; иногда въ праздники приходили босяки, работавшіе на мосту; они просили милостыню, смѣялись надъ бабами и, случалось, уносили что-нибудь. Но это бывало рѣдко; обыкновенно же дни проходили тихо и спокойно, какъ будто постройки не было вовсе, и только по вечерамъ, когда около моста свѣтились костры, вѣтеръ слабо доносилъ пѣсню босяковъ. И днемъ иногда слышался печальный металлическій звукъ: дон... дон... дон...

Какъ-то къ инженеру Кучерову пріѣхала его жена. Ей понравились берега рѣки и роскошный видъ на зеленую долину съ деревушками, церквами, стадами, и она стала просить мужа, чтобы онъ купилъ небольшой участокъ земли и выстроилъ здѣсь дачу. Мужъ послушался. Купили двадцать десятинъ земли, и на высокомъ берегу, на полянкѣ, гдѣ раньше бродили обручановскія коровы, построили красивый двухэтажный домъ съ террасой, съ балконами, съ башней и со шпилемъ, на которомъ по воскресеньямъ взвивался

флагъ,—построили въ какіе-нибудь три мѣсяца и потомъ всю зиму сажали большія деревья, и когда наступила весна и все зазеленѣло кругомъ, въ новой усадьбѣ были уже аллеи, садовникъ и двое рабочихъ въ бѣлыхъ фартукахъ копались около дома, билъ фонтанчикъ и зеркальный шаръ горѣлъ такъ ярко, что было больно смотрѣть. И уже было названіе у этой усадьбы: Новая дача.

Въ ясное, теплое утро, въ концѣ мая, въ Обручаново къ здѣшнему кузнецу Родіону Петрову привели перековывать двухъ лошадей. Это изъ Новой дачи. Лошади были бѣлыя, какъ снѣгъ, стройныя, сытыя и поразительно похожія одна на другую.

— Чистые лебеди!—проговорилъ Родіонъ, глядя на нихъ съ благоговѣніемъ.

Его жена Степанида, дѣти и внуки вышли на улицу, чтобы посмотрѣть. Мало-по-малу собралась толпа. Подошли Лычковы, отецъ и сынъ, оба безбородые съ рожденія, съ опущенными лицами и безъ шапокъ. Подошелъ и Козовъ, высокій худой старикъ съ длинной узкой бородой, съ палкой крючкомъ; онъ все подмигивалъ своими хитрыми глазами и насмѣшливо улыбался, какъ будто знаетъ что-то.

— Только-что бѣлыя, а что въ нихъ?—сказалъ онъ.— Поставь монхъ на овесъ, такія же будутъ гладкія. Въ соху бы ихъ да кнутомъ...

Кучеръ только посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, но не сказалъ ни слова. И пока потомъ въ кузницѣ разводили огонь, кучеръ рассказывалъ, покуривая папиросы. Мужики узнали отъ него много подробностей: господа у него богатые; барыня Клепа Ивановна раньше, до замужества, жила въ Москвѣ бѣдно, въ гувернанткахъ; она добрая, жалостливая и любитъ помогать бѣднымъ. Въ новомъ имѣніи, рассказывалъ онъ, не будутъ ни пахать, ни сѣять, а будутъ только жить въ свое удовольствіе, жить только для того, чтобы дышать чистымъ воздухомъ. Когда онъ кончилъ и повелъ лошадей назадъ, за нимъ шла толпа мальчишекъ, лаяли собаки, и Козовъ, глядя вслѣдъ, насмѣшливо подмигивалъ.

— То-оже помѣщики!—говорилъ онъ.— Домъ построили, лошадей завели, а самимъ небось ѣсть нечего. То-оже помѣщики!

Козовъ какъ-то сразу возненавидѣлъ и новую усадьбу, и бѣлыхъ лошадей, и сытаго красиваго кучера. Это былъ че-

ловѣкъ одинокій, вдовецъ; жилъ онъ скучно (работать ему мѣшала какая-то болѣзнь, которую онъ называлъ то грызью, то глистами), деньги на пропитаніе получалъ отъ сына, служившаго въ Харьковѣ въ кондитерской, и съ ранняго утра до вечера праздно бродилъ по берегу или по деревнѣ, и если видѣлъ, напримѣръ, что мужикъ везетъ бревно или удитъ рыбу, то говорилъ: «это бревно изъ сухостоя, трухлявое», или «въ такую погоду не будетъ клевать». Въ засуху онъ говорилъ, что дождей не будетъ до самыхъ морозовъ, а когда шли дожди, то говорилъ, что теперь все погніетъ въ полѣ, все пропало. И при этомъ все подмигивалъ, какъ будто зналъ что-то.

Въ усадьбѣ по вечерамъ жгли бенгальскіе огни и ракеты, и мимо Обручанова проходила на парусахъ лодка съ красными фонариками. Однажды утромъ пріѣхала на деревню жена инженера Елена Ивановна съ маленькой дочерью въ коляскѣ съ желтыми колесами, на парѣ темно-гнѣдыхъ пони; обѣ, мать и дочь, были въ соломенныхъ шляпахъ съ широкими полями, пригнутыми къ ушамъ.

Это было какъ разъ въ навозницу, и кузнецъ Родіонъ, высокій, тощій старикъ, безъ шапки, босой, съ вилами черезъ плечо, стоялъ около своей грязной, безобразной телѣги и, оторопѣвъ, смотрѣлъ на пони, и видно было по его лицу, что онъ раньше никогда не видѣлъ такихъ маленькихъ лошадей.

— Кучериха пріѣхала! — слышался кругомъ шопоть. —
Гляди, Кучериха пріѣхала!

Елена Ивановна посматривала на избы, какъ бы выбирая, потомъ остановила лошадей около самой бѣдной избы, гдѣ въ окнахъ было столько дѣтскихъ головъ—бѣлокурыхъ, темныхъ, рыжихъ. Степанида, жена Родіона полная старуха, выбѣжала изъ избы, платокъ у нея сползъ съ сѣдой головы, она смотрѣла на коляску противъ солнца, и лицо у нея улыбалось и морщилось, точно она была слѣпая.

— Это твоимъ дѣтямъ,—сказала Елена Ивановна и подала ей три рубля.

Степанида вдругъ заплакала и поклонилась въ землю; Родіонъ тоже повалился, показывая свою широкую, коричневую лысину, и при этомъ едва не зацѣпилъ вилами свою жену за бокъ. Елена Ивановна сконфузилась и поѣхала назадъ.

II.

Лычковы, отецъ и сынъ, захватили у себя на лугу двухъ рабочихъ лошадей, одного пони и мордатаго альгаузскаго бычка и вмѣстѣ съ рыжимъ Володькой, сыномъ кушцеца Родіона, пригнали въ деревню. Позвали старосту, набрали понятыхъ и пошли смотрѣть на поправу.

— Ладно, пускай!—говорилъ Козовъ, подмигивая.— Пуска-ай! Пускай теперь повертятся, инженеры-то. Суда нѣтъ, думаешь? Ладно! За урядникомъ послать, актъ составить!..

— Актъ составить!—повторилъ Володька.

— Этого такъ оставить я не желаю!—кричалъ Лычковъ-сынъ, кричалъ все громче и громче, и отъ этого, казалось, его безбородое лицо распухало все больше. — Моду какую взяли! Дай имъ волю, такъ они всѣ луга потравятъ! Не имѣете ли права обижать народъ! Крѣпостныхъ теперь нѣту!

— Крѣпостныхъ теперь нѣту!—повторилъ Володька.

— Жили мы безъ моста, — проговорилъ Лычковъ-отецъ мрачно:— не просили, зачѣмъ намъ мостъ? Не желаемъ!

— Братцы, православные! Этого такъ оставить нельзя!

— Ладно, пуска-ай!—подмигивалъ Козовъ.— Пускай теперь повертятся! То-оже помѣщики!

Повернули назадъ въ деревню и, пока шли, Лычковъ-сынъ все время билъ себя кулакомъ по груди и кричалъ, и Володька тоже кричалъ, повторяя его слова. А въ деревнѣ между тѣмъ около породистаго бычка и лошадей собралась цѣлая толпа. Бычокъ былъ сконфуженъ и глядѣлъ исподлобья, но вдругъ опустилъ морду къ землѣ и побѣжалъ, выбрыкивая задними ногами; Козовъ испугался и замахалъ на него палкой, и всѣ захохотали. Потомъ скотину заперли и стали ждать.

Вечеромъ инженеръ прислалъ за поправу пять рублей, и обѣ лошади, пони и бычокъ, не кормленные и не поенные, возвращались домой, понуривъ головы, какъ виноватые, точно ихъ вели на казнь.

Получивъ пять рублей, Лычковы, отецъ и сынъ, староста и Володька перенесли на лодкѣ рѣку и отправились на ту сторону въ село Кряково, гдѣ былъ кабакъ, и долго тамъ гуляли. Было слышно, какъ они шѣли и какъ кричалъ мо-

лодой Лычковъ. Въ деревнѣ бабы не спали всю ночь и безночились. Родіонъ тоже не спалъ.

— Нехорошее дѣло,—говорилъ онъ, ворочаясь съ боку на бокъ и вздыхая.—Осерчаетъ баринъ, тягайся потомъ... Обидѣли барина... охъ, обидѣли, нехорошо...

Какъ-то мужики, и Родіонъ въ ихъ числѣ, ходили въ свой лѣсъ дѣлать покось, и когда возвращались домой, имъ встрѣтился инженеръ. Онъ былъ въ красной кумачовой рубахѣ и въ высокихъ сапогахъ; за нимъ слѣдомъ, высунувъ длинный языкъ, шла легавая собака.

— Здравствуйте, братцы!—сказалъ онъ.

Мужики остановились и снимали шапки.

— Я давно уже хочу поговорить съ вами, братцы,—продолжалъ онъ.—Дѣло вотъ въ чемъ. Съ самой ранней весны каждый день у меня въ саду и въ лѣсу бываетъ ваше стадо. Все вытоптано, свиньи изрыли лугъ, портятъ въ огородѣ, а въ лѣсу пропалъ весь молоднякъ. Сладу нѣтъ съ вашими пастухами; ихъ просишь, а они грубятъ. Каждый день у меня потрава, и я ничего, я не штрафую васъ, не жалуюсь, между тѣмъ вы загнали моихъ лошадей и бычка, взяли пять рублей. Хорошо ли это? Развѣ это по-сосѣдски?—продолжалъ онъ, и голосъ у него былъ такой мягкій, убѣдительный и взглядъ не суровый.—Развѣ такъ поступаютъ порядочные люди? Недѣлю назадъ кто-то изъ вашихъ срубилъ у меня въ лѣсу два дубка. Вы перекопали дорогу въ Ереснево, и теперь мнѣ приходится дѣлать три версты кругу. За что же вы вредите мнѣ на каждомъ шагу? Что я сдѣлалъ вамъ дурного, скажите Бога ради? Я и жена изъ всѣхъ силъ стараемся жить съ вами въ мирѣ и согласіи, мы помогаемъ крестьянамъ, какъ можемъ. Жена моя добрая, сердечная женщина, она не отказываетъ въ помощи, это ея мечта быть полезной вамъ и вашимъ дѣтямъ. Вы же за добро платите намъ зломъ. Вы несправедливы, братцы. Подумайте объ этомъ. Убѣдительно прошу васъ, подумайте. Мы относимся къ вамъ по-человѣчески, платите и вы намъ тою же монетою.

Повернулся и ушелъ. Мужики постояли еще немного, надѣли шапки и пошли. Родіонъ, который понималъ то, что ему говорили, не такъ какъ нужно, а всегда какъ-то по-своему, вздохнулъ и сказалъ:

— Платить надо. Платите, говорите, братцы, монетою...

До деревни дошли молча. Придя домой, Родіонъ помоллся, разулся и сѣлъ на лавку рядомъ съ женой. Онъ и Степанида, когда были дома, всегда сидѣли рядомъ и по улицѣ всегда ходили рядомъ, ѣли, пили и спали всегда вмѣстѣ, и чѣмъ старше становились, тѣмъ сильнѣе любили другъ друга. Въ избѣ у нихъ было тѣсно, жарко, и вездѣ были дѣти — на полу, на окнахъ, на печкѣ... Степанида, несмотря на пожилые годы, еще рожала, и теперь, глядя на кучу дѣтей, трудно было разобратъ, гдѣ Родіоновы и гдѣ Володькины. Жена Володьки — Лукерья, молодая, некрасивая баба съ глазами на-выкатѣ и съ птичьимъ носомъ, мѣсила въ кадкѣ тѣсто; самъ Володька сидѣлъ на печи, свѣсивъ ноги.

— По дорогѣ, около Никитовой гречи, того... инженеръ съ собачкой...—началъ Родіонъ, отдохнувъ, почесывая себѣ бока и локти. — Платить, говорить, надо... Монетой, говорить... Монетой не монетой, а ужъ по гривеннику со двора надо бы. Ужъ очень обижаетъ барина. Жалко мнѣ...

— Жили мы безъ моста,—сказала Володька, ни на кого не глядя:—и не желаемъ.

— Чего тамъ! Мостъ казенный.

— Не желаемъ.

— Тебя и не сиросятъ. Чего ты!

— «Не сиросятъ»... — передразнилъ Володька. — Намъ ѣздить некуда, на чтѣ намъ мостъ? Нужно, такъ и на лодкѣ переплывемъ.

Кто-то со двора постучалъ въ окно такъ сильно, что, казалось, задрожала вся изба.

— Володька дома?—послышался голосъ Лычкова-сына.— Володька, выходи, пойдемъ!

Володька прыгнулъ съ печки и сталъ искать свою фуражку.

— Не ходи, Володя,—проговорилъ Родіонъ несмѣло.— Не ходи съ ними, сынокъ. Ты у насъ глухой, словно ребенокъ малый, а они тебя добру не научатъ. Не ходи!

— Не ходи, сынокъ!—попросила Степанида и заморгала глазами, собираясь заплакать.—Небось, въ кабакъ зовутъ.

— «Въ кабакъ»...—передразнилъ Володька.

— Опять пьяный вернешься, продъ собачій! — сказала Лукерья, глядя на него со злобой.—Иди, иди и чтобъ ты сторѣлъ отъ водки, сатана безхвостая!

— Ну, ты молчи! — крикнулъ Володька.

— Выдали меня за дурака, сгубили меня сироту несчастную, пьяница рыжій... — заголосила Лукерья, утирая лицо рукой, которая была вся въ тѣстѣ. — Глаза бы мои тебя не глядѣли!

Володька ударилъ ее по уху и вышелъ.

III.

Елена Ивановна и ея маленькая дочь пришли въ деревню пѣшкомъ. Онѣ прогуливались. Какъ разъ было воскресенье, и на улицу выходили бабы и дѣвушки въ своихъ яркихъ платьяхъ. Родіонъ и Степанида, сидѣвшіе на крыльцѣ рядышкомъ, кланялись и улыбались Еленѣ Ивановнѣ и ея дѣвочкѣ, уже какъ знакомымъ. И изъ оконъ смотрѣло на нихъ больше десятка дѣтей; лица выражали недоумѣніе и любопытство, слышался шопотъ:

— Кучериха пришла! Кучериха!

— Здравствуйте, — сказала Елена Ивановна и остановилась; она помолчала и спросила: — Ну какъ поживаете?

— Живемъ ничего, благодарить Бога, — отвѣтилъ Родіонъ скороговоркой. — Извѣстно, живемъ.

— Какая наша жизнь! — усмѣхнулась Степанида. — Сами видите, барыня, голубушка, бѣдность! Всего семейства четырнадцать душъ, а добытчиковъ двое. Одно званіе — кузнецы, а приведутъ лошадь ковать, угля нѣтъ, купить не на чтѣ. Замучилась, барыня, — продолжала она и засмѣялась: — и-ихъ какъ замучилась!

Елена Ивановна сѣла на крыльцѣ и, обнявъ свою дѣвочку, задумалась о чемъ-то, и у дѣвочки тоже, судя по ея лицу, бродили въ головѣ какія-то невеселыя мысли; въ раздумьѣ она играла наряднымъ кружевнымъ зонтикомъ, который взяла изъ рукъ у матери.

— Бѣдность! — сказала Родіонъ. — Заботы много, работаемъ — конца краю не видать. Вотъ дождя Богъ не дастъ... Меладно живемъ, чтѣ говорить.

— Въ этой жизни вамъ тяжело, — сказала Елена Ивановна: — зато на томъ свѣтѣ вы будете счастливы.

Родіонъ не понялъ ея и въ отвѣтъ только кашлянулъ въ кулакъ. А Степанида сказала:

— Барыня, голубушка, богатому и на томъ свѣтѣ ладно. Богатыи свѣчи ставить, молебны служить, богатый нищимъ

подасть, а мужикъ что? Лба перекрестить некогда, самъ нищій-разнищій, ужъ гдѣ тамъ спастись. И грѣховъ много отъ бѣдности, да съ горя все какъ пси лаемъ, хорошаго слова не скажемъ, и чего не бываетъ, барыня-голубушка,— но дай Богъ! Должно, нѣтъ намъ счастья ни на томъ, ни на этомъ свѣтѣ. Все счастье богатымъ досталось.

Она говорила весело; очевидно, давно уже привыкла говорить о своей тяжелой жизни. И Родіонъ тоже улыбался; ему было пріятно, что у него старуха такая умная, словоохотливая.

— Это только такъ кажется, что богатымъ легко,— сказала Елена Ивановна. — У каждаго человѣка свое горе. Вотъ мы, я и мой мужъ, живемъ не бѣдно, у насъ есть средства, но развѣ мы счастливы? Я еще молода, но у меня уже четверо дѣтей; дѣти все болѣютъ, я тоже больна, постоянно лѣчусь.

— А какая въ тебѣ болѣзнь?—спросилъ Родіонъ.

— Женская. У меня нѣтъ сна, не даютъ покою головная боли. Я вотъ сижу, говорю, а въ головѣ нехорошо, слабость во всемъ тѣлѣ, и я согласна, пусть лучше самый тяжелый трудъ, чѣмъ такое состояніе. И душа тоже покойна. Постоянно боишься за дѣтей, за мужа. У каждой семьи есть свое какое-нибудь горе, есть оно и у насъ. Я не дворянка. Дѣдъ мой былъ простой крестьянинъ, отецъ торговалъ въ Москвѣ и тоже былъ простой человѣкъ. А у моего мужа родители знатные и богатые. Они не хотѣли, чтобы онъ женился на мнѣ, но онъ ослушался, поспорилъ съ ними, и вотъ они до сихъ поръ не прощаютъ насъ. Это беспокоитъ мужа, волнуется, держитъ въ постоянной тревогѣ; онъ любитъ свою мать, очень любитъ. Ну, я и безпокоюсь. Душа болитъ.

Около избы Родіона уже стояли мужики и бабы и слушали. Подошелъ и Козовъ и остановился, потряхивая своей длинной, узкой бородкой. Подошли Лычковы, отецъ и сынъ.

— И то сказать, нельзя быть счастливымъ и довольнымъ, если не чувствуешь себя на своемъ мѣстѣ, — продолжала Елена Ивановна.—Каждый изъ васъ имѣетъ свою полосу, каждый изъ васъ трудится и знаетъ для чего трудится; мужъ мой строитъ мосты, однимъ словомъ, у каждаго свое мѣсто. А я? Я только хожу. Полосы у меня своей нѣтъ, я не тружусь и чувствую себя какъ чужая. Все это я говорю,

чтобы вы не судили по наружному виду; если человекъ одѣтъ богато и имѣеть средства, то это еще не значитъ, что онъ доволенъ своею жизнью.

Она встала, чтобы уходить и взяла за руку дочь.

— Мнѣ у васъ здѣсь очень нравится, — сказала она и улыбнулась, и по этой слабой, несмѣлой улыбкѣ можно было судить, какъ она въ самомъ дѣлѣ нездорова, какъ еще молода и какъ хороша собой; у нея было блѣдное, худощавое лицо съ темными бровями и бѣлокурые волосы. И дѣвочка была такая же, какъ мать, худощавая бѣлокурая и тонкая. Пахло отъ нихъ духами.

— И рѣка нравится, и лѣсъ, и деревня... — продолжала Елена Ивановна. — Я могла бы прожить тутъ всю жизнь и мнѣ кажется, здѣсь бы я выздоровѣла и нашла свое мѣсто. Мнѣ хочется, страстно хочется помогать вамъ, быть вамъ полезной, близкой. Я знаю вашу нужду, а то, чего не знаю, чувствую, угадываю сердцемъ. Я больна, слаба, и для меня, пожалуй, уже невозможно измѣнить свою жизнь, какъ я хотѣла бы. Но у меня есть дѣти, я постараюсь воспитать ихъ такъ, чтобы они привыкли къ вамъ, полюбили васъ. Я буду внушать имъ постоянно, что ихъ жизнь принадлежитъ не имъ самимъ, а вамъ. Только прошу васъ убѣдительно, умоляю, довѣряйте намъ, живите съ нами въ дружбѣ. Мой мужъ добрый, хорошій человекъ. Не волнуйте, не раздражайте его. Онъ чутокъ ко всякой мелочи, а вчера, напримѣръ, ваше стадо было у насъ въ огородѣ, и кто-то изъ вашихъ сломалъ плетень у насъ на пасѣнкѣ, и такое отношеніе къ намъ приводитъ мужа въ отчаяніе. Прошу васъ, — продолжала она умоляющимъ голосомъ и сложила руки на груди: — прошу, относитесь къ намъ какъ добрые сосѣди, будемъ жить въ мирѣ! Сказано вѣдь, худой миръ лучше доброй ссоры, и не купи имѣніе, а купи сосѣда. Повторяю, мой мужъ добрый человекъ, хорошій; если все будетъ благополучно, то мы, обѣщаю вамъ, сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ; мы починимъ дороги; мы построимъ вашимъ дѣтямъ школу. Обѣщаю вамъ.

— Оно, конечно, благодаримъ покорно, барыня, — сказалъ Лычковъ-отецъ, глядя въ землю: — вы образованные, вамъ лучше знать. А только вотъ въ Ересневѣ Вороновъ, богатый мужикъ, значитъ, обѣщалъ выстроить школу, тоже говорилъ — я вамъ да я вамъ, и поставилъ только срубъ да

отказался, а мужиковъ потомъ заставили крышу класть и кончать, тысяча рублей пошла. Воронову - то ничего, онъ только бороду гладить, а мужичкамъ оно какъ будто обидно.

— То былъ воронъ, а теперь грачъ налетѣлъ,—сказалъ Козовъ и подмигнулъ.

Послышался смѣхъ.

— Не надо намъ школы,—проговорилъ Володька угрюмо. — Наши ребята ходятъ въ Петровское и пускай. Не желаемъ.

Елена Ивановна какъ - то оробѣла вдругъ. Она поблѣднѣла, осунулась, вся сжалась, точно къ ней прикоснулись чѣмъ-то грубымъ, и пошла, не сказавъ болыне ни слова. И шла все быстрой и быстрой, не оглядываясь.

— Барыня! — позвалъ Родіонъ, идя за ней. — Барыня, погоди-ка, чтѣ я тебѣ скажу.

Онъ шелъ за ней слѣдомъ, безъ шапки, и говорилъ тихо, какъ будто просилъ милостыню.

— Барыня! Погоди, чтѣ я тебѣ скажу.

Вышли изъ деревни, и Елена Ивановна остановилась въ тѣни старой рябины, около чьей-то телѣги.

— Не обижайся, барыня,—сказалъ Родіонъ.—Чего тамъ! Ты потерпи. Года два потерпи. Поживешь тутъ, потерпишь, и все обойдется. Народъ у насъ хорошій, смиренный... народъ ничего, какъ передъ Истиннымъ тебѣ говорю. На Козова, да на Лычковыхъ не гляди, и на Володьку не гляди, онъ у меня дурачокъ: кто первый сказалъ, того и слушаетъ. Прочіе народъ смиренный, молчатъ... Иной, знаешь, радъ бы слово сказать по совѣсти, вступиться, значить, да не можетъ. И душа есть, и совѣсть есть, да языка въ немъ нѣтъ. Не обижайся... потерпи... Чего тамъ!

Елена Ивановна смотрѣла на широкую спокойную рѣку, о чемъ-то думала, и слезы текли у нея по щекамъ. И Родіона смущали эти слезы, онъ самъ едва не плакалъ.

— Ты ничего... — бормоталъ онъ. — Потерпи годика два. И школу можно, и дороги можно, а только не сразу... Хочешь, скажемъ къ примѣру, посвятъ на этомъ бугрѣ хлѣбъ, такъ сначала выкорчуй, выбери камни всѣ, да потомъ вспаши, ходи да ходи... И съ народомъ, значить, такъ... ходи да ходи, пока не осилишь.

Отъ избы Родіона отдѣлилась толпа и пошла по улицѣ

въ эту сторону къ рябинѣ. Запѣли пѣсню, заиграла гармоника. И подходили все ближе и ближе...

— Мама, уѣдемъ отсюда! — сказала дѣвочка, блѣдная, прижимаясь къ матери и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Уѣдемъ, мама!

— Куда?

— Въ Москву... Уѣдемъ, мама!

Дѣвочка заплакала. Родіонъ совсѣмъ смутился, лицо у него сильно вспотѣло. Онъ вынулъ изъ кармана огурецъ, маленькій, кривой, какъ полумѣсяцъ, весь въ ржаныхъ крошкахъ, и сталъ совать его дѣвочкѣ въ руки.

— Ну, ну...—забормоталъ онъ, хмурясь сурово. — Возьми-ка-съ огурчика, покушай... Плакать не годится, маменька прибѣтъ... дома отцу пожалится... Ну, ну...

Онѣ пошли дальше, а онѣ все шелъ позади нихъ, желая сказать имъ что-нибудь ласковое и убѣдительное. И видя, что обѣ онѣ заняты своими мыслями и своимъ горемъ и не замѣчаютъ его, онѣ остановился и, заслоня глаза отъ солнца, смотрѣлъ имъ вслѣдъ долго, пока онѣ не скрылись въ своемъ лѣсу.

IV.

Инженеръ, повидимому, сталъ раздражителенъ, мелоченъ и въ каждомъ пустякѣ уже видѣлъ кражу или покушеніе. Ворота у него были на запорѣ даже днемъ, а ночью въ саду ходили два сторожа и стучали въ доску, и уже изъ Обручанова никого не брали на поденную. Какъ нарочно кто-то (изъ мужиковъ или босяковъ—неизвѣстно) снялъ съ телеги новыя колеса и обмѣнилъ ихъ на старыя, потомъ, немного погодя, унесли двѣ уздечки и клещи, и даже въ деревнѣ начался ропотъ. Стали говорить, что надо бы сдѣлать обыскъ у Лычковыхъ и у Володьки, и тогда клещи и уздечки нашлись у инженера въ саду подъ заборомъ: кто-то подбросилъ.

Какъ-то шли толпой изъ лѣса, и опять по дорогѣ встрѣтился инженеръ. Онѣ остановился и, не поздоровавшись, глядя сердито то на одного, то на другого, началъ:

— Я просилъ не собирать грибовъ у меня въ паркѣ и около двора, оставляя моей женѣ и дѣтямъ, но ваши дѣвушки приходятъ чуть свѣтъ, и потомъ не остается ни

одного гриба. Проси васъ или не проси, — это все равно. Просьба, и ласки, и убѣжденіе, вижу, все бесполезно.

Онъ остановилъ свой негодующій взглядъ на Родіонѣ и продолжалъ:

— Я и жена относились къ вамъ, какъ къ людямъ, какъ къ равнымъ, а вы? Э, да что говорить! Кончится, вѣроятно, тѣмъ, что мы будемъ васъ презирать. Больше ничего не останется!

И, сдѣлавъ надъ собою усиліе, сдерживая свой гнѣвъ, чтобы не сказать еще чего-нибудь лишняго, онъ повернулъ и пошелъ дальше.

Придя домой, Родіонъ помолился, разулся и сѣлъ на лавку рядомъ съ женой.

— Да... — началъ онъ, отдохнувъ. — Идемъ сейчасъ, а бариня Кучеровъ навстрѣчу... Да... дѣвочкѣ чуть свѣтъ видѣлъ... Отчего, говоритъ, грибокъ не несуть... женѣ, говоритъ, и дѣтямъ. А потомъ глядитъ на меня и говоритъ: я, говоритъ, съ женой тебя презирать буду. Хотѣлъ я ему въ ноги поклониться, да сробѣлъ... Дай Богъ здоровья... Пошли имъ, Господи...

Степанида перекрестилась и вздохнула.

— Господа добрые, простоватые... — продолжалъ Родіонъ. — «Презирать будемъ...» — при всѣхъ общались. На старости лѣтъ и... оно бы ничего... Вѣчно бы за нихъ Бога молилъ... Пошли, Царица небесная..

На Воздвиженъе, 14 сентября, былъ храмовой праздникъ. Лычковы, отецъ и сынъ, еще съ утра уѣзжали на ту сторону и вернулись къ обѣду пьяные; они ходили долго по деревнѣ, то пѣли, то бранились нехорошими словами, потомъ подрались и пошли въ усадьбу жаловаться. Сначала вошелъ во дворъ Лычковъ отецъ съ длинной осиновой палкой въ рукахъ; онъ нерѣшительно остановился и снялъ шапку. Какъ разъ въ это время на террасѣ сидѣлъ инженеръ съ семьей и пилъ чай.

— Что тебѣ? — крикнулъ инженеръ.

— Ваше высокоблагородіе, бариня... — началъ Лычковъ и заплакалъ. — Явите Божескую милость, вступитесь... Житья нѣтъ отъ сына... Разорилъ сынъ, дерется... ваше высокоблагородіе...

Вошелъ и Лычковъ-сынъ, безъ шапки, тоже съ палкой;

онъ остановился и вперилъ пьяный, безсмысленный взглядъ на террасу.

— Не мое дѣло разбирать васъ,—сказалъ инженеръ.— Ступай къ земскому или къ становому.

— Я вездѣ былъ... прошеніе подавалъ... —проговорилъ Лычковъ-отецъ и зарыдалъ.—Куда мнѣ теперь идти? Значить, онъ меня теперь убить можетъ? Онъ, значить, все можетъ? Это отца-то? Отца?

Онъ поднялъ палку и ударилъ ею сына по головѣ; тотъ поднялъ свою палку и ударилъ старика прямо по лысинѣ, такъ что палка даже подскочила. Лычковъ-отецъ даже не покачнулся и опять ударилъ сына, и опять по головѣ. И такъ стояли и все стучали другъ друга по головамъ, и это было похоже не на драку, а скорѣе на какую-то игру. А за воротами толпились мужики и бабы и молча смотрѣли во дворъ, и лица у всѣхъ были серьезные. Это пришли мужики, чтобы поздравить съ праздникомъ, но, увидѣвъ Лычковыхъ, посоветовались и не вошли во дворъ.

На другой день утромъ Елена Ивановна уѣхала съ дѣтьми въ Москву. И пошелъ слухъ, что инженеръ продаетъ свою усадьбу...

V.

Къ мосту давно приглядѣлись, и уже трудно было представить себѣ рѣку на этомъ мѣстѣ безъ моста. Кучи мусора, оставшіяся съ постройки, уже давно поросли травой, про босяковъ забыли, и вмѣсто «дубинушки» слышится теперь почти каждый часъ шумъ проходящаго поѣзда.

Новая дача давно продана; теперь она принадлежит какому-то чиновнику, который въ праздники пріѣзжаетъ сюда изъ города съ семействомъ, пьетъ на террасѣ чай и потомъ уѣзжаетъ обратно въ городъ. У него на фуражкѣ кокарда, говоритъ и кашляетъ онъ, какъ очень важный чиновникъ, хотя состоитъ только въ чинѣ коллежскаго секретаря, и когда мужики ему кланяются, то онъ не отвѣчаетъ.

Въ Обручановѣ всѣ постарѣли; Козовъ уже умеръ, у Родіона въ избѣ стало дѣтей еще больше, у Володьки выросла длинная рыжая борода. Живутъ попрежнему бѣдно.

Ранней весной обручановскіе пилать дрова около станціи. Вотъ они послѣ работы идутъ домой, идутъ не спѣша,

другъ за другомъ; широкія пилы гнутся на плечахъ, освѣчиваетъ въ нихъ солнце. Въ кустахъ по берегу поютъ соловьи, въ небѣ заливаются жаворонки. На Новой дачѣ тихо, нѣтъ ни души, и только золотые голуби, золотые оттого, что ихъ освѣщаетъ солнце, летаютъ надъ домомъ. Всѣмъ.—и Родіону, и обнимъ Лычковымъ, и Володькѣ,—вспоминаются бѣлыя лошади, маленькія пони, фейерверки, лодка съ фонарями, вспоминается, какъ жена инженера, красивая, нарядная, приходила въ деревню и такъ ласково говорила. И всего этого точно не было. Все, какъ сонъ или сказка.

Они идутъ нога за ногу, утомленные, и думаютъ...

Въ ихъ деревнѣ, думаютъ они, народъ хороший, смиренный, разумный, Бога боится, и Елена Ивановна тоже смиренная, добрая, кроткая, было такъ жалко глядѣть на нее, но почему же они не ужались и разошлись, какъ враги? Что это былъ за туманъ, который застилалъ отъ глазъ самое важное, и видны были только потравы, уздечки, клещи и всѣ эти мелочи, которыя теперь при воспоминаніи кажутся такимъ вздоромъ? Почему съ новымъ владѣльцемъ живутъ въ мирѣ, а съ инженеромъ не ладилъ?

И не зная, что отвѣтить себѣ на эти вопросы, всѣ молчатъ, и только Володька что-то бормочетъ.

— Что ты?—спрашиваетъ Родіонъ.

— Жили безъ моста... — говоритъ Володька мрачно. — Жили мы безъ моста и не просили... и не надо намъ.

Ему никто не отвѣчаетъ, и идутъ дальше молча, понуривъ головы.

НА ПОДВОДЪ.

Въ половинѣ девятого утра выѣхали изъ города.

Шоссе было сухо, прекрасное апрѣльское солнце сильно грѣло, но въ канавахъ и въ лѣсу лежалъ еще снѣгъ. Зима злая, темная, длинная, была еще такъ недавно, весна пришла вдругъ, но для Марьи Васильевны, которая сидѣла теперь въ телѣгѣ, не представляли ничего новаго и интереснаго ни тепло, ни томные, согрѣтые дыханіемъ весны прозрачные лѣса, ни черныя стаи, летавшія въ полѣ надъ громадными лужами, похожими на озера, ни это небо, чудное, бездонное, куда, кажется, ушелъ бы съ такую радостью. Вотъ ужъ тринадцать лѣтъ, какъ она учительницей, и не сочтешь, сколько разъ за всѣ эти годы она ѣздила въ городъ за жалованьемъ; и была ли весна, какъ теперь, или осенній вечеръ съ дождемъ, или зима, — для нея было все равно, и всегда неизмѣнно хотѣлось одного: поскорѣе бы доѣхать.

У нея было такое чувство, какъ будто она жила въ этихъ краяхъ уже давно-давно, лѣтъ сто, и казалось ей, что на всемъ пути отъ города до своей школы она знала каждый камень, каждое дерево. Тутъ было ея прошлое, ея настоящее; и другого будущаго она не могла представить себѣ, какъ только школа, дорога въ городъ и обратно, и опять школа, и опять дорога...

О томъ прошломъ, какое было до ея поступленія въ учительницы, она уже отвыкла вспоминать — и почти все забыла. Когда-то были у нея отецъ и мать; жили въ Москвѣ около Красныхъ воротъ, въ большой квартирѣ, но отъ всей этой жизни осталось въ памяти что-то смутное и рас-

пловчатое, точно соня. Отецъ умеръ, когда ей было десять лѣтъ, потомъ скоро умерла мать... Былъ братъ офицеръ, сначала переписывались, потомъ братъ пересталъ отвѣчать на письма, отвыкъ. Отъ прежнихъ вещей сохранилась только фотографія матери, но отъ сырости въ школѣ она потускнѣла, и теперь ничего не видно, кромѣ волосъ и бровей.

Когда отъѣхали версты три, старикъ Семень, который правилъ лошадей, обернулся и сказалъ:

— А въ городѣ чиновника одного забрали. Отправили. Будто, идетъ слухъ, въ Москвѣ съ нѣмцами городского голува Алексѣева убивалъ.

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Въ трактирѣ Ивана Юнова въ газетахъ читали.

И опять замолчали надолго. Марья Васильевна думала о своей школѣ, о томъ, что скоро экзаменъ и она представитъ четырехъ мальчиковъ и одну дѣвочку. И какъ разъ, пока она думала объ экзаменахъ, ее обогналъ помѣщикъ Хановъ, въ коляскѣ четверкой, тотъ самый, который въ прошломъ году экзаменовалъ у нея школу. Поровнявшись, онъ узналъ ее и поклонился.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ.—Домой изволите ѣхать?

Этотъ Хановъ, мужчина лѣтъ сорока, съ поношеннымъ лицомъ и съ вялымъ выраженіемъ, уже начиналъ замѣтно старѣть, но все еще былъ красивъ и нравился женщинамъ. Онъ жилъ въ своей большой усадьбѣ, одинъ, нигдѣ не служилъ, и про него говорили, что дома онъ ничего не дѣлалъ, а только ходилъ изъ угла въ уголъ и посвистывалъ, или игралъ въ шахматы со своимъ старымъ лакеемъ. Говорили про него также, что онъ много пилъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ году на экзаменѣ даже отъ бумагъ, которыя онъ привезъ съ собой, пахло духами и виномъ. Тогда на немъ все было новенькое, и Марья Васильевна онъ очень нравился, и, сидя рядомъ съ нимъ, она все конфузилась. Она привыкла видѣть у себя экзаменаторовъ холодныхъ, разсудительныхъ, а этотъ не помнилъ ни одной молитвы и не зналъ, о чемъ спрашивать, и былъ чрезвычайно вѣжливъ и деликатенъ, и ставилъ однѣ пятерки.

— А я къ Баквисту ѣду,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Марьѣ Васильевнѣ:—но, говорятъ, его нѣтъ дома?

Съ шоссе свернули на проселочную дорогу: Хановъ вне-

реди, Семень за нимъ. Четверка ѣхала по дорогѣ, шагомъ, съ напряженіемъ вытаскивая изъ грязи тяжелый экипажъ. Семень лавировалъ, объѣзжая дорогу то по бугру, то по лугу, часто спрыгивая съ телѣги и помогая лошади. Марья Васильевна думала все о школѣ, о томъ, какая будетъ задача на экзаменѣ—трудная или легкая. И ей было досадно на земскую управу, въ которой она вчера никого не застала. Какіе безпорядки! Вотъ уже два года, какъ она просить, чтобы уволили сторожа, который ничего не дѣлаетъ, грубитъ ей и бьетъ учениковъ, но ея никто не слушаетъ. Предсѣдателя трудно застать въ управѣ, а если застанешь, то онъ говоритъ со слезами на глазахъ, что ему некогда; инспекторъ бываетъ въ школѣ разъ въ три года и ничего не смыслить въ дѣлѣ, такъ какъ раньше служилъ по акцизу и мѣсто инспектора получилъ по протекціи; училищный совѣтъ собирается очень рѣдко и неизвѣстно, гдѣ собирается; попечитель—малограмотный мужикъ, хозяинъ кожевеннаго заведенія, неумецъ, грубъ и въ большой дружбѣ со сторожемъ,—и Богъ знаетъ, къ кому обращаться съ жалобами и за справками...

«Онъ въ самомъ дѣлѣ красивъ»,—подумала она, взглянувъ на Ханова.

А дорога все хуже и хуже... Въѣхали въ лѣсъ. Тутъ ужъ сворачивать негдѣ, колени глубокия, и въ нихъ льется и журчитъ вода. И колючія вѣтви бьютъ по лицу.

— Какова дорога? — спросилъ Хановъ и засмѣялся.

Учительница смотрѣла на него и не понимала: зачѣмъ этотъ чужакъ живетъ здѣсь? Что могутъ дать ему въ этой глуши, въ грязи, въ скукѣ его деньги, интересная наружность, тонкая воспитанность? Онъ не получаетъ никакихъ преимуществъ отъ жизни и вотъ такъ же, какъ Семень, ѣдетъ шагомъ, по отвратительной дорогѣ, и терпитъ такія же неудобства. Зачѣмъ жить здѣсь, если есть возможность жить въ Петербургѣ, за границей? И казалось бы, что стоитъ ему, богатому человѣку, изъ этой дурной дороги сдѣлать хорошую, чтобы не мучиться такъ и не видѣть этого отчаянія, какое написано на лицахъ у кучера и Семена; но онъ только смѣется, и, повидимому, для него все равно и лучшей жизни ему не нужно. Онъ добръ, мягокъ, наивенъ, не понимаетъ этой грубой жизни, не знаетъ ея такъ же, какъ на экзаменѣ не зналъ молитвъ. Жерт-

вуетъ онъ въ школы одни только глобусы и искренно считаетъ себя полезнымъ человѣкомъ и виднымъ дѣятелемъ по народному образованію. А кому нужны тутъ его глобусы!

— Держись, Васильевна! — сказали Семень.

Телѣга сильно накренилась—сейчасъ упадетъ; на ноги Марьи Васильевны навалилось что-то тяжелое—это ея покунки. Крутой подъемъ на гору, по глинтъ; тутъ въ извилистыхъ канавахъ текутъ съ шумомъ ручьи, вода точно изгрызла дорогу—и ужъ какъ тутъ ѣхать! Лошади храпятъ. Хановъ выѣзъ изъ коляски и идетъ по краю дороги въ своемъ длинномъ пальто. Ему жарко.

— Какова дорога?—сказалъ онъ опять и заемѣлся. —
Этакъ экинажь сломать недолго.

— А кто жъ вамъ велитъ въ такую погоду ѣздить! —
проговорилъ Семень сурово.—И сидѣли бы дома.

— Дома, дѣдъ, скучно. И не люблю дома сидѣть.

Около стараго Семена онъ казался стройнымъ, бодрымъ, но въ походкѣ его было что-то такое, едва замѣтное, что выдавало въ немъ существо уже отравленное, слабое, близкое къ гибели. И точно въ лѣсу вдругъ запахло виномъ. Марья Васильевна стало страшно и стало жаль этого человѣка, погибающаго неизвестно для чего и почему, и ей пришло на мысль, что если бы она была его женой или сестрой, то всю свою жизнь, кажется, отдала бы за то, чтобы спасти его отъ гибели. Быть женой? Жизнь устроена такъ, что вотъ онъ живетъ у себя въ большой усадьбѣ одинъ, она живетъ въ глухой деревнѣ одна, но почему-то даже мысль о томъ, что онъ и она могли бы быть близки и равны, кажется невозможной, нелѣпой. Въ сущности вся жизнь устроена и человѣческія отношенія осложнились до такой степени непонятно, что, какъ подумаешь, дѣлается жутко и замираетъ сердце.

«И непонятно,—думала она:—зачѣмъ красоту, эту привѣтливость, грустные, милые глаза Богъ даетъ слабымъ, несчастнымъ, бесполезнымъ людямъ, зачѣмъ они такъ нравятся».

— Здѣсь намъ поворачивать вправо,—сказалъ Хановъ, садясь въ коляску.—Прощайте! Всего хорошаго!

И опять она думала о своихъ ученикахъ, объ экзаменѣ, о сторожѣ, объ училищномъ совѣтѣ; и когда вѣтеръ доносилъ справа шумъ удалявшейся коляски, то эти мысли

мѣшались съ другими. Хотѣлось думать о красивыхъ глазахъ, о любви, о томъ счастьи, какого никогда не будетъ...

Быть женой? Утромъ холодно, топить печи некому, сторожъ ушелъ куда-то; ученики поприходили чуть-свѣтъ, нанесли снѣгу и грязи, шумятъ; все такъ неудобно, неуютно. Квартира изъ одной комнатки, тутъ же и кухня. Послѣ занятій каждый день болитъ голова, послѣ обѣда жжеть подъ сердцемъ. Нужно собирать съ учениковъ деньги на дрова, на сторожа и отдавать ихъ попечителю, и потомъ умолять его, этого сытаго, наглаго мужика, чтобы онъ, ради Бога, прислалъ дровъ. А ночью снятся экзамены, мужики, сугробы. И отъ такой жизни она постарѣла, огрубѣла, стала некрасивой, угловатой, неловкой, точно ее налили свинцомъ, и всего она боится, и въ присутствіи члена управы или попечителя школы она встаетъ, не осмѣливается сѣсть и, когда говоритъ про кого-нибудь изъ нихъ, то выражается почтительно: «они». И никому она не нравится, и жизнь проходитъ скучно, безъ ласки, безъ дружескаго участія, безъ интересныхъ знакомыхъ. Въ ея положеніи какой бы это былъ ужасъ, если бы она влюбилась!

— Держись, Васильевна!

Опять крутой подъемъ на гору...

Въ учительницы она пошла изъ нужды, не чувствуя никакого призванія; и никогда она не думала о призваніи, о пользѣ просвѣщенія, и всегда ей казалось, что самое главное въ ея дѣлѣ не ученики и не просвѣщеніе, а экзамены. И когда тутъ думать о призваніи, о пользѣ просвѣщенія? Учителя, небогатые врачи, фельдшера при громадномъ трудѣ не имѣютъ даже утѣшенія думать, что они служатъ идеѣ, народу, такъ какъ все время голова бываетъ набита мыслями о кускѣ хлѣба, о дровахъ, плохихъ дорогахъ, болѣзняхъ. Жизнь трудная, неинтересная, и выносили ее подолгу только молчаливые ломовые кони, въ родѣ этой Марьи Васильевны; тѣ же живые, нервныя, впечатлительныя, которые говорили о своемъ призваніи, объ идейномъ служеніи, скоро утомлялись и бросали дѣло.

Семень выбиралъ, какъ бы проѣхать посуше и поближе, гдѣ лугомъ, гдѣ задами; но тамъ, гляди, мужики не пускаютъ, тамъ понова земля, нѣтъ проѣзда, тамъ Иванъ Іоновъ ку-

пили у барина участокъ и оконать его канавой. То и дѣло поворачивали назадъ.

Пріѣхали въ Нижнее Городище. Около трактира, на унавоженной землѣ, подъ которой былъ еще снѣгъ, стояли подводы: везли большія бутылки съ купороснымъ масломъ. Въ трактирѣ было много народа, все извозчики, и пахло тутъ водкой, табакомъ и овчиной. Шель громкій разговоръ, хлопали дверью на блокъ. За стѣной въ лавочкѣ, не умолкая ни на минуту, играли на гармоникѣ. Марья Васильевна сидѣла и пила чай, а за сосѣднимъ столомъ мужики, распаренные чаемъ и трактирной духотой, пили водку и пиво.

— Слышь, Кузьма!—раздавались безпорядочно голоса.— Чего тамъ! Господи благослови! Иванъ Дементычъ, я это тебѣ могу! Свать, гляди!

Мужикъ маленькаго роста, съ черной бородкой, рябой, уже давно пьяный, вдругъ удивился чему-то и нехорошо выбранился.

— Чего ругаешься тамъ? Ты! — отозвался сердито Семенъ, сидѣвшій далеко въ сторонѣ. — Нешто но видишь: барышня!

— Барышня...—передразнили кто-то въ другомъ углу.

— Ворона свинячая!

— Мы ничего...—сконфузился маленькій мужикъ.—Извините. Мы, стало-быть, за свои деньги, а барышня за свои... Здравствуйте!

— Здравствуй,—отвѣтила учительница.

— И чувствительно васъ благодаримъ.

Марья Васильевна пила чай съ удовольствіемъ и сама становилась красной, какъ мужики, и думала опять о дровахъ, о сторожѣ...

— Свать, погоди!—доносилось съ сосѣдняго стола.—Учительша изъ Вязовья... знаемъ! Барышня хорошая.

— Порядочная!

Дверь на блокъ все хлопала, одни входили, другіе выходили. Марья Васильевна сидѣла и думала все про то же, а гармоника за стѣной все играла и играла. Солнечныя пятна были на полу, потомъ перенли на прилавокъ, на стѣну и совсѣмъ исчезли; значить, солнце уже склонилось за полдень. Мужики за сосѣднимъ столомъ стали собираться въ путь. Маленькій мужикъ, слегка пошатываясь,

подошелъ къ Марьѣ Васильевнѣ и подалъ ей руку; глядя на него, и другіе тоже подали руку на прощанье и вышли одинъ за другимъ, и дверь на блокѣ провизжала и хлопнула девять разъ.

— Васильевна, собирайся!—окликнулъ Семень.

Поѣхали. И опять все шагомъ.

— Недавнушко школу строили тутъ, въ ихнемъ Нижнемъ Городищѣ,—сказалъ Семень, оборачиваясь.—Грѣха-то что было!

— А что?

— Будто предсѣдатель себѣ въ карманъ тысячу, и попечитель тоже тысячу, и учитель пятьсотъ.

— Вся-то школа стоитъ тысячу. Нехорошо на людей клеветать, дѣдь. Это все вздоръ.

— Я не знаю... Что народъ, те п я.

Но было ясно, что Семень не вѣрилъ учительницѣ. Ей крестьяне не вѣрили; они всегда такъ думали, что она получаетъ слишкомъ большое жалованье — двадцать одинъ рубль въ мѣсяцъ (было бы довольно и пяти), и что изъ тѣхъ денегъ, которыя она собирала съ учениковъ на дрова и на сторожа, большую часть она оставляла себѣ. Попечитель думалъ такъ же, какъ всѣ мужики, и самъ кое-что наживалъ съ дровъ и за свое попечительство получалъ съ мужиковъ жалованье, тайно отъ начальства.

Лѣсъ, слава Богу, кончился, и теперь до самаго Вязовья будетъ ровное поле. И осталось уже немного: переѣхать рѣку, потомъ желѣзнодорожную линію, а тамъ и Вязовье.

— Куда же ты ѣдешь?—спросила Марья Васильевна у Семена.—Поѣзжай правой дорогой на мостъ.

— Чего? И тутъ пройдемъ. Глубина, не очень чтобы.

— Смотри, какъ бы намъ лошадь не утопить.

— Чего?

— Вотъ и Хановъ поѣхалъ на мостъ,—сказала Марья Васильевна, увидѣвъ далеко вправо четверку. — Это, кажется, онъ ѣдетъ?

— О-снѣ. Должно не засталъ Баквиста. Экой дуrolомъ, Господи помилуй, туда поѣхалъ, и зачѣмъ, тутъ на цѣльныхъ три версты ближе.

Подъѣхали къ рѣкѣ. Лѣтомъ это была мелкая рѣчушка, которую легко переходили въ бродъ и которая обыкновенно

пересыхала къ августу, теперь же, послѣ половодья, это была рѣка саженой въ шесть ширины, быстрая, мутная, холодная; на берегу и у самой воды видны были сѣжія колени,—значить, здѣсь проѣзжали.

— Впередь!—крикнулъ Семень сердито и съ тревогой, сильно дергая за вожжи и взмахивая локтями, какъ птица крыльями.—Впередь.

Лошадь пошла въ воду по брюхо и остановилась, но тутчасъ же опять пошла, напрягая силы, и Марья Васильевна почувствовала въ ногахъ рѣкій холодъ.

— Впередь!—закричала и она, поднимаясь.—Впередь!

Выѣхали на берегъ.

— И что оно такое, это самое, Господи, — бормотали Семень, поиракаяя сбрую. — Чистое наказаніе съ встимъ земствомъ...

Калоши и башмаки были полны воды, низъ платья и шубки и одинъ рукавъ были мокры, и текло съ нихъ; сахаръ и мука оказались подмоченными—и это было обиднѣе всего, и съ отчаянія Марья Васильевна только вслескивала руками и говорила:

— Ахъ, Семень, Семень!.. Какой же ты, право!..

На желѣзнодорожномъ перѣздѣ былъ опущенъ шлагбаумъ: со станціи шель курьерскій поѣздъ. Марья Васильевна стояла у перѣзда и ждала, когда онъ пройдетъ, и дрожала всѣмъ тѣломъ отъ холода. Было уже видно Вязовье—и школу съ зеленой крышей, и церковь, у которой горѣли кресты, отражая вечернее солнце; и окна на станціи тоже горѣли, и изъ локомотива шель розовый дымъ... И ей казалось, что все дрожитъ отъ холода.

Вотъ онъ—поѣздъ; окна отливали яркимъ свѣтомъ, какъ кресты на церкви, больно было смотрѣть. На площадкѣ одного изъ вагоновъ перваго класса стояла дама, и Марья Васильевна взглянула на нее мелькомъ: мать! Какое сходство! У матери были такіе же пышные волосы, такой же точно лобъ, наклонъ головы. И она живо, съ поразительной ясностью, въ первый разъ за всѣ эти тридцать лѣтъ, представила себѣ мать, отца, брата, квартиру въ Москвѣ, аквариумъ съ рыбками и все до послѣдней мелочи, услышала вдругъ игру на роялѣ, голосъ отца, почувствовала себя, какъ тогда, молодой, красивой, нарядной, въ свѣтлой, теплой комнатѣ, въ кругу родныхъ; чувство радости и счастья

вдруг охватило ее, отъ восторга она сжала себѣ виски ладонями и окликнула нѣжно, съ мольбой:

— Мама!

И заплакала, неизвѣстно отчего. Въ это время какъ разъ подѣзжалъ на четверкѣ Хановъ, и она, видя его, вообразила счастье, какого никогда не было, и улыбалась, кивала ему головой, какъ равная и близкая, и казалось ей, что и па небѣ, и всюду въ окнахъ, и на деревьяхъ свѣтится ся счастье, ея торжество. Да, никогда не умирали ея отецъ и мать, никогда она не была учительницей, то былъ длинный, тяжелый, странный сонъ, а теперь она проснулась...

— Васильевна, садись!

И вдругъ все исчезло. Шлагбаумъ медленно поднимался. Марья Васильевна, дрожа, коченѣя отъ холода, съѣла въ телѣгу. Четверка переѣхала линію, за ней Семенъ. Сторожъ на переѣздѣ снялъ шапку.

— А вотъ и Вязовье. Приѣхали.

МУЖИКИ.

I.

Лакей при московской гостиницѣ «Славянской Базарь», Николай Чикильдѣевъ, заболѣлъ. У него онѣмѣли ноги и измѣнилась походка, такъ что однажды, идя по коридору, онъ споткнулся и упалъ вмѣстѣ съ подносомъ, на которомъ была ветчина съ горошкомъ. Пришлось оставить мѣсто. Какія были деньги, свои и женщины, онъ пролѣчилъ, кормиться было уже не на что, стало скучно безъ дѣла, и онъ рѣшилъ, что, должно-быть, надо ѣхать къ себѣ домой, въ деревню. Дома и хворать легче, и жить дешевле; и не даромъ говорится: дома стѣны помогаютъ.

Пріѣхалъ онъ въ свое Жуково подь вечеръ. Въ воспоминаніяхъ дѣтства родное гнѣздо представлялось ему свѣтлымъ, уютнымъ, удобнымъ, теперь же, войдя въ избу, онъ даже испугался: такъ было темно, тѣсно и нечисто. Пріѣхавшія съ нимъ жена Ольга и дочь Саша съ недоумѣніемъ поглядывали на большую неопрятную печь, занимавшую чуть ли не полъ-избы, темную отъ копоти и мухъ. Сколько мухъ! Печь покосилась, бревна въ стѣнахъ лежали криво, и казалось, что изба сію минуту развалится. Въ переднемъ углу, возлѣ иконъ, были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги—это вмѣсто картинъ. Бѣдность, бѣдность! Изъ взрослыхъ никого не было дома, всѣ жали. На печи сидѣла дѣвочка лѣтъ восьми, бѣлоголовая, немытая, равнодушная; она даже не взглянула на вошедшихъ. Внизу терлась о рогачь бѣлая кошка.

— Кисъ, кисъ! — поманила ее Саша. — Кисъ!

- Она у пастъ не слышитъ,—сказала дѣвочка.—Оглохла.
— Отчего?
— Такъ. Побили.

Николай и Ольга съ перваго взгляда поняли, какая тутъ жизнь, но ничего не сказали другъ другу; молча свалили узлы и вышли на улицу молча. Ихъ изба была третья съ краю и казалась самою бѣдною, самою старою на видъ; вторая—не лучше, зато у крайней—желѣзная крыша и занавѣски на окнахъ. Эта изба, неогороженная, стояла особнякомъ и въ ней былъ трактиръ. Избы шли въ одинъ рядъ, и вся деревушка, тихая и задумчивая, съ глядѣвшими изъ дворовъ ивами, бузиной и рябиной, имѣла пріятный видъ.

За крестьянскими усадьбами начинался спускъ къ рѣкѣ крутой и обрывистый, такъ что въ глинѣ, тамъ-и-сямъ, обнажились громадныя камни. По скату, около этихъ камней и ямъ, вырытыхъ гончарами, вились тропинки, цѣлыми кучами были навалены черенки битой посуды, то бурые, то красныя, а тамъ внизу разстилался широкій, ровный, ярко-зеленый лугъ, уже скошенный, на которомъ теперь гуляло крестьянское стадо. Рѣка была въ верстѣ отъ деревни, извилистая, съ чудесными кудрявыми берегами, за нею опять широкій лугъ, стадо, длинныя вереницы бѣлыхъ гусей, потомъ такъ же, какъ на этой сторонѣ, крутой подъемъ на гору, а вверху, на горѣ, село съ пятиглавою церковью и нѣмного поодаль господскій домъ.

— Хорошо у васъ здѣсь! — сказала Ольга, крестясь на церковь. — Раздолье, Господи!

Какъ разъ въ это время ударили ко всеобщей (былъ канунъ воскресенья). Двѣ маленькія дѣвочки, которыя внизу тащили ведро съ водой, оглянулись на церковь, чтобы послушать звонъ.

— Объ эту пору въ «Славянскомъ базарѣ» обѣды... — проговорилъ Николай мечтательно.

Сидя на краю обрыва, Николай и Ольга видѣли, какъ заходило солнце, какъ небо, золотое и багровое, отражалось въ рѣкѣ, въ окнахъ храма и во всемъ воздухѣ, иѣжкомъ, покойномъ, невыразимо-чистомъ, какого никогда не бываетъ въ Москвѣ. А когда солнце сѣло, съ бляньемъ и ревомъ прошло стадо, прилетѣли съ той стороны гуси, — и все смолкло, тихій свѣтъ погасъ въ воздухѣ и стала быстро надвигаться вечерняя темнота.

Между тѣмъ вернулись старики, отецъ и мать Николая, тощія, сгорбленные, беззубые, оба одного роста. Пришли и бабы — невѣстки, Марья и Фекла, работавшія за рѣкой у помѣщика. У Марьи, жены брата Кирьяка, было шестеро дѣтей, у Феклы, жены брата Дениса, ушедшаго въ солдаты,—двое; и когда Николаѣй, войдя въ избу, увидѣлъ все семейство, всѣ эти большія и маленькія тѣла, которыя шевелились на полатахъ, въ люлькахъ и во всѣхъ углахъ, и когда увидѣлъ, съ какою жадностью старики и бабы ѣли черный хлѣбъ, макая его въ воду, то сообразилъ, что напрасно онъ сюда прѣхалъ, больной, безъ денегъ да еще съ семьей, — напрасно!

— А гдѣ братъ Кирьякъ? — спросилъ онъ, когда поздоровались.

— У куща въ сторожахъ живетъ, — отвѣтилъ отецъ: — въ лѣсу. Мужикъ бы ничего, да заливается шибо.

— Не добычикъ! — проговорила старуха слезливо. — Мужики наши горькіе, не въ домъ несутъ, а изъ дому. И Кирьякъ пьетъ, и старики тожо, грѣха тать нечего, знаетъ въ трактиръ дорогу. Прогнѣвалась Царица Небесная.

По случаю гостей поставили самоваръ. Отъ чая пахло рыбой, сахаръ былъ огрызанный и сѣрый, по хлѣбу и посудѣ сновали тараканы; было противно пить, и разговоръ былъ противный — все о нуждѣ да о болѣзняхъ. Но не успѣли выпить и по чашкѣ, какъ со двора донесся громкій, протяжный пьяный крикъ:

— Ма-арья!

— Похоже, Кирьякъ идетъ, — сказали старики: — легокъ на поминѣ.

Всѣ притихли. И немного погодя, опять тотъ же крикъ, грубый и протяжный, точно изъ-подъ земли:

— Ма-арья!

Марья, старшая невѣстка, поблѣднѣла, прижалась къ печи, и какъ-то странно было видѣть на лицѣ у этой широкоплечей, сильной, некрасивой женщины выраженіе испуга. Ея дочь, та самая дѣвочка, которая сидѣла на печи и казалась равнодушною, вдругъ громко заплакала.

— А ты чего, холера? — крикнула на нее Фекла, красивая баба, тоже сильная и широкая въ плечахъ. — Небось, не убьетъ!

Отъ старика Николаѣя узналъ, что Марья боялась жить

въ лѣсу съ Кирьякомъ и что онъ, когда бывалъ пьянъ, приходилъ всякій разъ за ней и при этомъ шумѣлъ и билъ ее безъ пощады.

— Ма-арья!—раздался крикъ у самой двери.

— Вступитесь Христа-ради, родименькіе, — залепетала Марья, дыша такъ, точно ее опускали въ очень холодную воду: — вступитесь, родименькіе...

Заплакали всѣ дѣти, сколько ихъ было въ избѣ, и, глядя на нихъ, Саша тоже заплакала. Послышался пьяный кашель, и въ избу вопель высокій, чернобородый мужикъ въ зимней шапкѣ и оттого, что при тускломъ свѣтѣ лампочки не было видно его лица, — страшный. Это былъ Кирьякъ. Подойдя къ женѣ, онъ размахнулся и ударилъ ее кулакомъ по лицу, она же не издала ни звука, ошеломленная ударомъ, и только присѣла, и тотчасъ же у нея изъ носа пошла кровь.

— Экой срамъ-то, срамъ,—бормоталъ старикъ, полѣзая на печь:—при гостяхъ-то! Грѣхъ какой!

А старуха сидѣла молча, сторбившись, и о чемъ-то думала; Оскла качала люльку... Видимо, сознавая себя страшнымъ и довольный этимъ, Кирьякъ схватилъ Марью за руку, потащилъ ее къ двери и зарычалъ звѣремъ, чтобы казаться еще страшнѣе, но въ это время вдругъ увидѣлъ гостей и остановился.

— А, пріѣхали... — проговорилъ онъ, выпуская жену.— Родной братецъ съ семействомъ...

Онъ помолился на образъ, пошатываясь, широко раскрывая свои пьяные, красные глаза, и продолжалъ:

— Братецъ съ семействомъ пріѣхали въ родительскій домъ... изъ Москвы, значитъ. Первопрестольный, значитъ, градъ Москва, мать городовъ... Извините...

Онъ опустился на скамью около самовара и сталъ пить чай, громко хлебая изъ блюдечка, при общемъ молчаніи... Выпилъ чашекъ десять, потомъ склонился на скамью и захрапѣлъ.

Стали ложиться спать. Николая, какъ больного, положили на печи со старикомъ; Саша легла на полу, а Ольга пошла съ бабами въ сарай.

— И-и, касатка,—говорила она, ложась на сѣнѣ рядомъ съ Марьей:—слезами горю не поможешь! Терпи и все тутъ.

Въ Писаніи сказано: аще кто ударитъ тебя въ правую щеку, подставь ему лѣвую... И-и, касатка!

Потомъ она вполголоса, нараспѣвъ, рассказывала про Москву, про свою жизнь, какъ она служила горничной въ меблированныхъ комнатахъ.

— А въ Москвѣ дома большіе, каменные, — говорила она: — церквей много-много, сорокъ сороковъ, касатка, а въ домахъ все госнода, да такіе красивые, да такіе приличные!

Марья сказала, что она никогда не бывала не только въ Москвѣ, но даже въ своемъ уѣздномъ городѣ; она была неграмотна, не знала никакихъ молитвъ, не знала даже «Отче нашъ». Она и другая невѣстка, Фекла, которая теперь сидѣла поодаль и слушала, — обѣ были крайне неразвиты и ничего не могли понять. Обѣ не любили своихъ мужей; Марья боялась Кирьяка, и, когда онъ оставался съ нею, то она тряслась отъ страха и воалѣ него всякій разъ угорала, такъ какъ отъ него сильно пахло водкой и табакомъ. А Фекла, на вопросъ, не скучно ли ей безъ мужа, отвѣтила съ досадою:

— А ну, его!

Поговорили и затихли...

Было прохладно и около сарая во все горло бричалъ ифтухъ, мѣшая спать. Когда синеватый, утренній свѣтъ уже пробивался во все щели, Фекла потихоньку встала и вышла, и потомъ слышно было, какъ она побѣжала куда-то, стуча босыми ногами.

II.

Ольга пошла въ церковь и взяла съ собою Марью. Когда онѣ спускались по тропинкѣ къ лугу, обѣимъ было весело. Ольгѣ нравилось раздолье, а Марья чувствовала въ невѣсткѣ близкаго, родного человѣка. Восходило солнце. Низко надъ лугомъ носился сонный ястребъ, рѣка была пасмурна, бродилъ туманъ кое-гдѣ, но по ту сторону па горѣ уже протянулась полоса свѣта, церковь сіяла и въ господскомъ саду неистово кричали грачи.

— Старикъ ничего, — рассказывала Марья: — а бабка строгая, дерется все. Своего хлѣба хватило до масленой, покупаемъ муку въ трактирѣ, — ну, она серчаетъ; много, говорить, ѣдите.

— И-и, касатка! Терпи и все тутъ. Сказано: прїидите всѣ труждающіе и обремененные.

Ольга говорила степенно, нарасиѣвъ, и походка у нея была, какъ у богомолки, быстрая и суетливая. Она каждый день читала Евангеліе, читала вслухъ, по-дьячковски, и многого не понимала, но святія слова трогали ее до слезъ, и такія слова, какъ «аще» и «дондеже», она произносила со сладкимъ замираніемъ сердца. Она вѣрила въ Бога, въ Божію Матерь, въ угодниковъ; вѣрила, что нельзя обижать никого на свѣтѣ, — ни простыхъ людей, ни нѣмцевъ, ни цыганъ, ни евреевъ, и что горе даже тѣмъ, кто не жалѣетъ животныхъ; вѣрила, что такъ написано въ святыхъ книгахъ, и потому, когда она произносила слова изъ Писанія, даже непонятныя, то лицо у нея становилось жалостливымъ, умиленнымъ и свѣтлымъ.

— Ты откуда родомъ? — спросила Марья.

— Я владимірская. А только я взята въ Москву уже давно, восьми годочковъ.

Подошли къ рѣкѣ. На той сторонѣ у самой воды стояла какая-то женщина и раздѣвалась.

— Это наша Ѳекла, — узнала Марья: — за рѣку на барскій дворъ ходила. Къ приказчикамъ. Озорная и ругательная — страсть!

Ѳекла, чернобровая, съ распущенными волосами, молодая еще и крѣпкая, какъ дѣвушка, бросилась съ берега и застучала по водѣ ногами, и во всѣ стороны отъ нея пошли волны.

— Озорная — страсть! — повторила Марья.

Черезъ рѣку были положены шаткія бревенчатыя лавы, и какъ разъ подъ ними, въ чистой, прозрачной водѣ, ходили стаи широколобыхъ голавлей. На зеленыхъ кустахъ, которые смотрѣлись въ воду, сверкала роса. Повѣяло теплотой, стало отрадно. Какое прекрасное утро! И, вѣроятно, какая была бы прекрасная жизнь на этомъ свѣтѣ, если бы не нужда, ужасная, безысходная нужда, отъ которой нигдѣ не спрячешься! Стоило теперь только оглянуться на деревню, какъ живо вспоминалось все вчерашнее — и очарованіе счастья, какое чудилось кругомъ, исчезло въ одно мгновеніе.

Пришли въ церковь. Марья остановилась у входа и не посмѣла идти дальше. И сѣсть не посмѣла, хотя къ обѣднѣ

заблаговѣстили только въ девятомъ часу. Такъ и стояла все время.

Когда читали Евангеліе, народъ вдругъ задвигался, давая дорогу помѣщичьей семьѣ; вошли двѣ дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, въ широкополыхъ шляпахъ, и съ ними полный, розовый мальчикъ въ матросскомъ костюмѣ. Ихъ появленіе растрогало Ольгу; она съ перваго взгляда рѣшила, что это — порядочные, образованные и красивые люди. Марья же глядѣла на нихъ исподлобья, угрюмо, уныло, какъ будто это вошли не люди, а чудовища, которыя могли бы раздавить ее, если бѣ она не посторонилась.

А когда дьяконъ возглашалъ что-нибудь басомъ, то ей всякій разъ чудился крикъ: «Ма-арья!» — и она издрагивала.

III.

Въ деревнѣ узнали о прїѣздѣ гостей, и уже послѣ обѣдни въ избу набралось много народа. Пришли и Леоничевы, и Матвѣичевы, и Ильичовы узнать про своихъ родственниковъ, служившихъ въ Москвѣ. Всѣхъ жуковскихъ ребятъ, которые знали грамотѣ, отвозили въ Москву и отдавали тамъ только въ офицанты и коридорные (какъ изъ села, что по ту сторону, отдавали только въ булочники), и такъ повелось давно, еще въ крѣпостное право, когда какой-то Лука Иванычъ, жуковский крестьянинъ, теперь уже легендарный, служившій буфетчикомъ въ одномъ изъ московскихъ клубовъ, принималъ къ себѣ на службу только своихъ земляковъ, а эти, входя въ силу, выписывали своихъ родственниковъ и опредѣляли ихъ въ трактиры и рестораны; и съ того времени деревня Жуково иначе уже не называлась у окрестныхъ жителей, какъ Хамская или Холуевка. Николая отвезли въ Москву, когда ему было одиннадцать лѣтъ, и опредѣляли его на мѣсто Иванъ Макарычъ, изъ семьи Матвѣичевыхъ, служившій тогда капельдинеромъ въ саду «Эрмитажъ». И теперь, обращаясь къ Матвѣичевымъ, Николай говорилъ наставительно:

— Иванъ Макарычъ — мой благодѣтель, и я обязанъ за него Бога молить денно и ночью, такъ какъ я черезъ него сталъ хорошимъ человѣкомъ.

— Батюшка ты мой, — преговорила слезливо высокая

старуха, сестра Ивана Макарыча: — и ничего про нихъ, голубчика, не слышать.

— Зимой служилъ онъ у Омона, а въ нынѣшній сезонъ, былъ слухъ, гдѣ-то за городомъ, въ садахъ... Постарѣлъ! Прежде, случалось, лѣтнимъ дѣломъ, приносилъ домой рублей по десять въ день, а теперь повсемѣстно дѣла стали тихія, мается старичокъ.

Старухи и бабы глядѣли на ноги Николая, обутыя въ валенки, и на его блѣдное лицо, и говорили печально:

— Не добычикъ ты, Николай Осипычъ, не добычикъ! Гдѣ ужъ!

И всѣ ласкали Сашу. Ей уже минуло десять лѣтъ, но она была мала ростомъ, очень худа, и на видъ ей можно было дать лѣтъ семь, не больше. Среди другихъ дѣвочекъ, загорѣвшихъ, дурно остриженныхъ, одѣтыхъ въ длинныя полинялыя рубахи, она, бѣленькая, съ большими, темными глазами, съ красною ленточкой въ волосахъ, казалась забавною, точно это былъ звѣрекъ, котораго поймали въ полѣ и принесли въ избу.

— Она у меня и читать можетъ! — похвалилась Ольга, нѣжно глядя на свою дочь. — Почитай, дѣтка! — сказала она, доставая изъ угла Евангелію. — Ты почитай, а православиме послушаюгъ.

Евангеліе было старое, тяжелое, въ кожаномъ переплетѣ, съ захватанными краями, и отъ него запахло такъ, будто въ избу вошли монахи. Саша подняла брови и начала громко, нараспѣвъ:

— «Отшедшимъ же имъ, се Ангель Господень... во снѣ явился Іосифу, глаголя: «воставъ поими Отроча и Матерь Его»...

— Отроча и Матерь Его, — повторила Ольга и вся раскраснѣлась отъ волненія.

— «И бѣжи во Египеть... и буди тамо, дондеже реку ти...»

При словѣ «дондеже» Ольга не удержалась и заплакала. На нее глядя, всхлинула Марья, потомъ сестра Ивана Макарыча. Старикъ закапался и засуетился, чтобы дать внучкѣ гостинца, но ничего не нашелъ и только махнулъ рукой. И когда чтеніе кончилось, сосѣди разошлись по домамъ, растроганные и очень довольные Ольгой и Сашей.

По случаю праздника семья оставалась весь день дома.

Старуха, которую и мужъ, и невѣстки, и внуки, всё одинаково называли бабкой, старалась все дѣлать сама; сама топила печь и ставила самоваръ, сама даже ходила напоить и потомъ ронкала, что ее замучили работой. И все она безпокоилась, какъ бы кто не съѣлъ лишняго куска, какъ бы старикъ и невѣстки не сидѣли безъ работы. То слышалось ей, что гуси трактирщика идутъ задѣми на ея огородъ, и она выбѣгала изъ избы съ длинною палкой и потомъ съ полчаса пронзительно кричала около своей кадузѣ, дряблой и тощей, какъ она сама; то ей казалось, что ворона подбирается къ щиплятамъ, и она съ бранью бросалась на ворону. Сердилась и ворчала она отъ утра до вечера и часто поднимала такой крикъ, что на улицѣ останавливались прохожіе.

Со своимъ старикомъ она обращалась не ласково, обзывала его то лежебокой, то холерой. Это былъ неосновательный, ненадежный мужикъ и, быть-можетъ, если бы она не попускала его постоянно, то онъ не работалъ бы вовсе, а только сидѣлъ бы на печи да разговаривалъ. Онъ долгу рассказывалъ сыну про какихъ-то своихъ враговъ, жаловался на обиды, которыя онъ будто бы терпѣлъ каждый день отъ сосѣдей, и было скучно его слушать.

— Да, — рассказывалъ онъ, взявшись за бока. — Да... После Водвиженія черезъ недѣлю продалъ я сѣно по тридцать копеекъ за пудъ, добровольно... Да... Хорошо... Только это, значить, везу я утромъ сѣно добровольно, никого не трогаю; въ недобрый часъ, гляжу—выходитъ изъ трактира староста Антипъ Сѣдельниковъ. «Куда везешь, такой сякой?» — и меня по уху.

А у Кирыка мучительно болѣла голова съ похмелья, и ему было стыдно передъ братомъ.

— Водка-то что дѣлаетъ. Ахъ, ты, Боже мой! — бормоталъ онъ, встряхивая своею больною головою. — Ужъ вы, братецъ и сестрица, простите Христа ради, самъ не радъ.

По случаю праздника купили въ трактирѣ селедку и варили похлебку изъ селедочной головки. Въ полдень всё сѣли пить чай и пили его долго, до нота, и, казалось, распухли отъ чая, и уже послѣ этого стали ѣсть похлебку, всё изъ одного горшка. А селедку бабка спрятала.

Вечеромъ гончаръ на обрывѣ жегъ горшки. Внизу на лугу дѣвушки водили хороводъ и пѣли. Играли на гармо-

никѣ. И на зарѣчной сторонѣ тоже горѣла одна печь и пѣли дѣвушки, и издали это пѣніе казалъ стройнымъ и нѣжнымъ. Въ трактирѣ и около пумѣли мужики; они пѣли пьяными голосами, всѣ врозь, и бранились такъ, что Ольга только вздрагивала и говорила:

— Ахъ, батюшки!..

Ее удивляло, что брань слышалась непрерывно, и что громче и дольше всѣхъ бранились старики, которымъ пора уже умирать. А дѣти и дѣвушки слушали эту брань и нисколько не смущались, и видно было, что они привыкли къ ней съ колыбели.

Миновала полночь, уже потухли печи здѣсь и на той сторонѣ, а внизу на лугу и въ трактирѣ все еще гуляли. Старикъ и Кирьякъ, пьяные, взявшись за руки, толкая другъ друга плечами, подошли къ сараю, гдѣ лежали Ольга и Марья.

— Оставь, — убѣждалъ старикъ: — оставь... Она баба смирная... Грѣхъ...

— Ма-арья! — крикнулъ Кирьякъ.

— Оставь... Грѣхъ... Она баба ничего.

Оба постояли съ минуту около сарая и пошли.

— Лю-эблю я двѣты полевы-и! — запѣлъ вдругъ старикъ высокимъ, пронзительнымъ теноромъ. — Лю-эблю по лугамъ собирать!

Потомъ сплюнулъ, нехорошо выбралися и пошелъ въ избу.

IV.

Бабка поставила Сашу около своего огорода и приказала ей стеречь, чтобы не зашли гуси. Былъ жаркій августовскій день. Гуси трактирщика могли пробраться къ огороду за дами, но они теперь были заняты дѣломъ, подбирали овесъ около трактира, мирно разговаривая, и только гусака поднималъ высоко голову, какъ бы желая посмотреть, не идетъ ли старуха съ палкой; другіе гуси могли придти снизу, но эти теперь наслись далеко за рѣкой, протянувшись по лугу длинной бѣлой гирляндой. Саша постояла немного, соскучилась и, видя, что гуси не идутъ, отошла къ обрыву.

Тамъ она увидала старшую дочь Марьи, Мотьку, которая стояла неподвижно на громадномъ камнѣ и глядѣла на церковь. Марья рожала тринадцать разъ, но осталось у нея

только шестеро и всё — дѣвочки, ни одного мальчюка, и старшей было восемь лѣтъ. Мотыка, босая, въ длинной рубахѣ, стояла на припекѣ, солнце жгло ей прямо въ темя, но она не замѣчала этого и точно окаменѣла. Саша стала съ нею рядомъ и сказала, глядя на церкви:

— Въ церкви Богъ живетъ. У людей горятъ лампы да свѣчи, а у Бога лампадки красненькія, зелененькія, синенькія, какъ глазочки. Ночью Богъ ходитъ по церкви, и съ нимъ Пресвятая Богородица и Николаѣй угодничекъ — тунь, тунь, тунь... А сторожу странно, странно! И-и, касатка, — добавила она, подражая своей матери. — А когда будетъ свѣтопреставленіе, то всё церкви унесутся на небо.

— Съ ко-ло-ко-ла-ми?—спросила Мотыка басомъ, растягивая каждый слогъ.

— Съ колоколами. А когда свѣтопреставленіе, добрые пойдутъ въ рай, а сердитые будутъ горѣть въ огнѣ вѣчно и неугасимо, касатка. Моей мамѣ и тоже Марьѣ Богъ скажетъ: вы никого не обижали и за это идите направо, въ рай; а Кирылю и бабкѣ скажетъ: а вы идите налѣво, въ огонь. И кто скоромное ѣлъ, того тоже въ огонь.

Она посмотрѣла вверхъ на небо, широко раскрывъ глаза, и сказала:

— Гляди на небо, не мигай, — ангеловъ видать.

Мотыка тоже стала смотрѣть на небо, и минута прошла въ молчаніи.

— Видишь? — спросила Саша.

— Не видать, — проговорила Мотыка басомъ.

— А я вижу. Маленькіе ангелочки летаютъ по небу и крылышками — мелькъ, мелькъ, будто комарики.

Мотыка подумала немного, глядя на землю, и спросила:

— Бабка будетъ горѣть?

— Будетъ, касатка.

Отъ камня до самаго низа шель ровный, отлогій скать, покрытый мягкою зеленою травой, которую хотѣлось рукой потрогать или полежать на ней. Саша легла и скатилась внизъ. Мотыка съ серьезнымъ, строгимъ лицомъ, отдуваясь, тоже легла и скатилась, и при этомъ у нея рубаха задралась до плечъ.

— Какъ мнѣ стало смѣшно!—сказала Саша въ восторгѣ.

Онѣ обѣ пошли наверхъ, чтобы скатиться еще разъ, но въ это время послышался знакомый визгливый голосъ. О,

какъ это ужасно! Бабка, беззубая, костлявая, горбатая, съ короткими сѣдыми волосами, которые развѣвались по вѣтру, длинною палкой гнала отъ огорода гусей и кричала:

— Всю капусту потолкли, окаянные, чтобъ вамъ переколѣть, трижды анаемы, язвы, иѣтъ на васъ погибели!

Она увидѣла дѣвочекъ, бросила палку, подняла хворостину и, схвативши Сашу за шею пальцами, сухими и твердыми, какъ рогульки, стала ее сѣчь. Саша плакала отъ боли и страха, а въ это время гусакъ, переваливаясь съ ноги на ногу и вытянувъ шею, подошелъ къ старухѣ и прошипѣлъ что-то, и когда онъ вернулся къ своему стаду, то всѣ гусыни одобрительно привѣтствовали его: го-го-го! Потомъ бабка принялась сѣчь Мотьку, и при этомъ у Мотьки опять задралась рубаха. Испытывая отчаяніе, громко плача, Саша пошла къ избѣ, чтобы пожаловаться; за нею шла Мотька, которая тоже плакала, но басомъ, не вытирая слезъ, и лицо ея было уже такъ мокро, какъ будто она обмакнула его въ воду.

— Батюшки мои!—изумилась Ольга, когда обѣ онѣ вошли въ избу.—Царица Небесная!

Саша начала рассказывать, и въ это время съ пронзительнымъ крикомъ и съ бранью вошла бабка, разсердилась Оекла, и въ избѣ стало шумно.

— Ничего, ничего!—утѣшала Ольга, блѣдная, разстроенная, глядя Сашу по головѣ.—Она—бабушка, на нее грѣхъ сердиться. Ничего, дѣтка.

Николай, который былъ уже измученъ этимъ постояннымъ крикомъ, голодомъ, угаромъ, сирадомъ, который уже ненавидѣлъ и презиралъ бѣдность, которому было стыдно передъ женой и дочерью за своихъ отца и мать, свѣсилъ съ печи ноги и проговорилъ раздраженно, плачущимъ голосомъ, обращаясь къ матери:

— Вы не можете ее бить! Вы не имѣете никакого полнаго права ее биты!

— Ну, околѣваешь тамъ на печкѣ, ледаціи!—крикнула на него Оекла со злобой.—Принесла васъ сюда нелегкая, дармоѣдовъ!

И Саша, и Мотька, и всѣ дѣвочки, сколько ихъ было, забились на печи въ уголь, за спиной Николая, и оттуда слушали все это молча, со страхомъ, и слышно было, какъ

стучали ихъ маленькія сердца. Когда въ семьѣ есть больной, который болѣетъ уже давно и безнадежно, то бывають такія тяжкія минуты, когда всѣ близкіе робко, тайно, въ глубинѣ души желаютъ его смерти; и только одни дѣти боятся смерти родного человѣка и при мысли о ней всегда испытываютъ ужасъ. И теперь дѣвочки, притаивъ дыханіе, съ печальнымъ выраженіемъ на лицахъ, смотрѣли на Николая и думали о томъ, что онъ скоро умретъ, и имъ хотѣлось плакать и сказать ему что-нибудь ласковое, жалостное.

Онъ прижимался къ Ольгѣ, точно ища у нея защиты, и говорилъ ей тихо, дрожащимъ голосомъ:

— Оля, милая, не могу я больше тутъ. Силы моей нѣтъ. Ради Бога, ради Христа Нобеснаго, напиши ты своей сестрицѣ Клавдіи Абрамовнѣ, пусть продастъ и закладываетъ все, что есть у ней, пусть высылаетъ денегъ, мы уѣдемъ отсюда. О, Господи,—продолжалъ онъ съ тоской:—хоть бы однимъ глазомъ на Москву взглянуть! Хоть бы она при-
снилась мнѣ, матушка!

А когда наступилъ вечеръ и въ избѣ потемнѣло, то стало такъ тоскливо, что трудно было выговорить слово. Сердитая бабка намочила ржанныхъ корокъ въ чашкѣ и сосала ихъ долго, цѣлый часъ. Марья, подоивъ корову, принесла ведро съ молокомъ и поставила на скамью; потомъ бабка переливала изъ ведра въ кувшины, тоже долго, не спѣша, видимо довольная, что теперь, въ Успеневѣ постѣ, никто не станетъ ѣсть молока и оно все останется цѣло. И только немножко, чуть-чуть, она отлила въ блюдечко для ребенка Фекии. Когда она и Марья понесли кувшины на погребницу, Мотыка вдругъ встрепенулась, сползла съ печи и, подойдя къ скамьѣ, гдѣ стояла деревянная чашка съ корками, плеснула въ нее молока изъ блюдечка.

Бабка, вернувшись въ избу, принялась опять за свои корки, а Саша и Мотыка, сидя на печи, смотрѣли на нее, и имъ было пріятно, что она оскоромилась и теперь ужъ пойдетъ въ адъ. Онѣ утѣшились и легли спать, и Саша, засыная, воображала страшный судъ: горѣла большая печь, въ родѣ гончарной, и нечистый духъ съ рогами, какъ у боровы, весь черный, гналъ бабку въ огонь длинною палкой, какъ давеча она сама гнала гусей.

V.

На Успенье, въ одиннадцатомъ часу вечера, дѣвушки и парни, гулявшіе внизу на лугу, вдругъ подняли крикъ и визгъ и побѣжали по направленію къ деревнѣ; и тѣ, которые сидѣли наверху, на краю обрыва, въ первую минуту никакъ не могли понять, отчего это.

— Пожаръ! Пожаръ! — раздался внизу отчаянный крикъ. — Горимъ!

Тѣ, которые сидѣли наверху, оглянулись, и имъ представилась страшная, необыкновенная картина. На одной изъ крайнихъ избъ, на соломенной крышѣ стоялъ огненный, въ сажень вышиною, столбъ, который клубился и сыпалъ отъ себя во всѣ стороны искры, точно фонтанъ билъ. И тотчасъ же загорѣлась вся крыша яркимъ пламенемъ, и слышался трескъ огня.

Свѣтъ луны померкъ, и уже вся деревня была охвачена краснымъ, дрожащимъ свѣтомъ; по землѣ ходили черныя тѣни, пахло гарью; и тѣ, которые бѣжали снизу, всѣ захихались, не могли говорить отъ дрожи, толкались, падали и, съ непривычки къ яркому свѣту, плохо видѣли и не узнавали другъ друга. Было страшно. Особенно было страшно то, что надъ огнемъ, въ дыму, летали голуби и въ трактирѣ, гдѣ еще не знали о пожарѣ, продолжали пѣть и играть на гармоникѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Дядя Семень горить! — крикнулъ кто-то громкимъ, грубымъ голосомъ.

Марья металась около своей избы, плача, ломая руки, стуча зубами, хотя пожаръ былъ далеко, на другомъ краю; вышелъ Николай въ валенкахъ, повибѣгали дѣти въ рубашонкахъ. Около избы десятскаго забили въ чугунную доску. Бемъ, бемъ, бемъ... понеслось по воздуху, и отъ этого частаго, неутомимаго звона щемило за сердце и становилось холодно. Старыя бабы стояли съ образами. Изъ дворовъ выгоняли на улицу овецъ, телятъ и коровъ, выносили сундуки, овчины, кадки. Вороной жеребецъ, котораго не пускали въ табуны, такъ какъ онъ лягалъ и ранилъ лошадей, пущенный на волю, топоча, со ржаньемъ, пробѣжалъ по деревнѣ разъ и другой и вдругъ остановился около тѣлги и сталъ бить ее задними ногами.

Зазвонили и на той сторонѣ, въ церкви.

Около горѣвшей избы было жарко и такъ свѣтло, что на землѣ видна была отчетливо каждая травка. На одномъ изъ сундуковъ, которые успѣли вытащить, сидѣлъ Сементъ, рыжій мужикъ съ большимъ носомъ, въ картузѣ, надвинутомъ на голову глубоко, до ушей, въ пиджакѣ; его жена лежала лицомъ внизъ, въ забытѣ, и стонала. Какой-то старикъ, лѣтъ восьмидесяти, низенькій съ большою бородой, похожій на гнома, не здѣшній, но, очевидно, причастный къ пожару, ходилъ возлѣ, безъ шапки, съ бѣлымъ узелкомъ въ рукахъ; въ лысинѣ его отсвѣчивалъ огонь. Староста Антипъ Сѣдельниковъ, смуглый и черноволосый, какъ цыганъ, подошелъ къ избѣ съ топоромъ и вышибъ окна одно за другимъ — неизвестно для чего, потомъ сталъ рубить крыльцо.

— Бабы, воды! — кричалъ онъ. — Машину подава-ай! Поворачивайся!

Тѣ самые мужики, которые только-что гуляли въ трактирѣ, тащили на себѣ пожарную машину. Всѣ они были пьяны, спотыкались и падали, и у всѣхъ было безпомощное выраженіе и слезы на глазахъ.

— Дѣвки, воды! — кричалъ староста, тоже пьяный. — Поворачивайся, дѣвки!

Бабы и дѣвки бѣгали внизъ, гдѣ былъ ключъ, и таскали на гору полныя ведра и ушаты, и, выливъ въ машину, опять убѣгали. Таскали воду и Ольга, и Марья, и Саша, и Мотька. Качали воду бабы и мальчишки, книшка шибѣла, и староста, направляя ее то въ дверь, то въ окна, задерживалъ пальцемъ струю, отчего она шибѣла еще рѣзче.

— Молодецъ, Антипъ! — слышались одобрительные голоса. — Старайся!

А Антипъ лѣзъ въ сѣни, въ огонь и кричалъ оттуда:

— Качай! Потрудитесь, православные, по случаю такого несчастнаго происшествія!

Мужики стояли толпой возлѣ, ничего не дѣлая, и смотрѣли на огонь. Никто не зналъ, за что приняться, никто ничего не умѣлъ, а кругомъ были стога хлѣба, сѣно, сарай, кучи сухого хвороста. Стояли тутъ и Кирыакъ, и старикъ Осипъ, его отецъ, оба на-веселѣ. И, какъ бы желая оправдать свою праздность, старикъ говорилъ, обращаясь къ бабѣ, лежащей на землѣ:

— Чего, кума, колотиться! Изба заштрафована — чего тебѣ!

Семень, обращаясь то къ одному, то къ другому, разсказываль, отчего загорѣлось:

— Этотъ самый старичокъ, съ узелкомъ-то, генерала Жукова дворовый... У нашего генерала, царство небесное, въ поварахъ былъ. Приходитъ вечеромъ: «пусти, говоритъ, ночевать»... Ну, вышли по стаканчику, извѣстно... Баба заходилась около самовара, — старичка чаемъ попить, да не въ добрый часъ заставила самоваръ въ сѣняхъ, огонь изъ трубы, значить, прямо въ крышу, въ солому, оно и того. Чуть сами не сгорѣли. И шапка у старика сгорѣла, грѣхъ такой.

А въ чугунную доску били безъ устали и часто звонили въ церкви за рѣкой. Ольга, вся въ свѣту, задыхаясь, глядя съ ужасомъ на красныхъ овецъ и на розовыхъ голубей, летавшихъ въ дыму, бѣгала то внизъ, то наверхъ. Ей казалось, что этотъ звонъ острою колючкой вошелъ ей въ душу, что пожаръ никогда не окончится, что потерялась Саша... А когда въ избѣ съ шумомъ рухнулъ потолокъ, то отъ мысли, что теперь сгорить непременно вся деревня, она ослабѣла и уже не могла таскать воду, а сидѣла на обрывѣ, поставивъ возлѣ себя ведра; рядомъ и ниже сидѣли бабы и голосили, какъ по покойникѣ.

Но вотъ съ той стороны, изъ городской усадьбы, пріѣхали на двухъ подводахъ приказчики и работники и привезли съ собою пожарную машину. Пріѣхаль верхомъ студентъ въ бѣломъ кителѣ на-распашку, очень молодой. Застучали топорами, подставили къ горѣвшему срубъ лѣстницу и полѣзли по ней сразу пять человекъ, и впереди всѣхъ студентъ, который былъ красенъ и кричалъ рѣзкимъ, охрипшимъ голосомъ и такимъ тономъ, какъ будто тушеніе пожаровъ было для него привычнымъ дѣломъ. Разбирали избу по бревнамъ; растащили хлѣвъ, плетень и ближайшій стогъ.

— Не давайте ломать!—раздались въ толпѣ строгіе голоса.—Не давай!

Кирьякъ направился къ избѣ съ рѣшительнымъ видомъ, какъ бы желая помѣшать пріѣзжимъ ломать, но одинъ изъ рабочихъ повернулъ его назадъ и ударилъ по шеѣ. Послышался смѣхъ, работникъ еще разъ ударилъ, Кирьякъ упалъ и на четверенькахъ поползъ назадъ въ толпу.

Пришли съ той стороны двѣ красивыя дѣвушки въ шляпкахъ,—должно-быть, сестры студента. Онѣ стояли поодаль

и смотрѣли на пожаръ. Растасканныя бревна уже не горѣли, но сильно дымили; студентъ, работая кишкой, направлялъ струю то на эти бревна, то на мужиковъ, то на бабъ, таскавшихъ воду.

— Жоржъ! — кричали ему дѣвушки укоризненно и съ тревогой. — Жоржъ!

Пожаръ кончился. И только когда стали расходиться, замѣтили, что уже разсвѣтъ, что всё блѣдно, немножко смутно. — это всегда такъ кажется въ раннія утра, когда на небѣ гаснутъ послѣднія звѣзды. Расходясь, мужики смѣялись и подшучивали надъ поваромъ генерала Жукова и надъ шанкой, которая сгорѣла; имъ уже хотѣлось разыграть пожаръ въ шутку и какъ будто даже было жаль, что пожаръ такъ скоро кончился.

— Вы, баринъ, хорошо тушили, — сказала Ольга студенту. — Васъ бы къ намъ, въ Москву: тамъ, почитай, каждый день пожаръ.

— А вы развѣ изъ Москвы? — спросила одна изъ барышень.

— Точно такъ. Мой мужъ служилъ въ «Славянскомъ Базарѣ»-съ. А это моя дочь, — указала она на Сашу, которая озябла и жалась къ ней. — Тоже московская-съ.

Обѣ барышни сказали что-то по-французски студенту, и тотъ подаль Сашѣ двугривенный. Старикъ Осипъ видѣлъ это, и на лицѣ у него вдругъ засіялась надежда.

— Благодарить Бога, ваше высокоблагородіе, вѣтра не было, — сказалъ онъ, обращаясь къ студенту: — а то бы погорѣли въ одночасье. Ваше высокоблагородіе, господа хорошие, — добавилъ онъ конфузливо, тономъ ниже: — заря холодная, погрѣться бы... на полбутылочки съ вашей милости.

Ему ничего не дали, и онъ, крякнувъ, пошелъ домой. Ольга потомъ стояла на краю и смотрѣла, какъ обѣ повозки переѣзжали рѣку бродомъ, какъ по луку шли господа; ихъ на той сторонѣ ожидалъ экипажъ. А придя въ избу, она рассказывала мужу съ восхищеніемъ:

— Да такіе хорошие! Да такіе красивые! А барышни — какъ херувимчики.

— Чтобъ ихъ рѣзорвало! — проговорила сонная Фекла со злобой.

VI.

Марья считала себя несчастною и говорила, что ей очень хочется умереть; Феклѣ же, напротивъ, была по вкусу ея эта жизнь: и бѣдность, и нечистота, и неугомонная брань. Она ѣла, что давали, не разбирая; спала, гдѣ и на чемъ придется; помои выливала у самаго крыльца: выплеснуть съ порога, да еще пройдетя босыми ногами по лужѣ. И она съ перваго же дня возненавидѣла Ольгу и Николая именно за то, что имъ не нравилась эта жизнь.

— Погляжу, что вы тутъ будете ѣсть, дворяне московскіе!—говорила она съ злорадствомъ.—Погляжу-у!

Однажды утромъ,—это было уже въ началѣ сентября,—Фекла принесла снизу два ведра воды, розовая отъ холода, здоровая, красивая; въ это время Марья и Ольга сидѣли за столомъ и пили чай.

— Чай да сахаръ!—проговорила Фекла насмѣшливо.—Барыни какія, — добавила она, ставя ведра: — мочу себѣ взяли каждый день чай пить. Гляди-кось, не раздуло бы васъ съ чаю-то!—продолжала она, глядя съ ненавистью на Ольгу.—Нагуляла въ Москвѣ пухлую морду, толстомысяя!

Она замахнулась коромысломъ и ударила Ольгу по плечу, такъ что обѣ невѣстки только всплеснули руками и проговорили:

— Ахъ, батюшки.

Потомъ Фекла пошла на рѣку мыть бѣлье и всю дорогу бранилась такъ громко, что было слышно въ избѣ.

Прошелъ день. Наступилъ длинный осенній вечеръ. Въ избѣ мотали шелкъ; мотали всѣ, кромѣ Феклы: она ушла за рѣку. Шелкъ брали съ ближней фабрики, и вся семья вырабатывала на немъ немного — копеекъ двадцать въ недѣлю.

— При господахъ лучше было,—говорилъ старикъ, мотая шелкъ. — И работаешь, и ѣшь, и спишь, все своимъ чередомъ. Въ обѣдъ щи тебѣ и каша, въ ужинъ тоже щи и каша. Огурцовъ и канусты было вволю: ѣшь добровольно, сколько душа хочетъ. И строгости было больше. Всякій себя помнилъ.

Свѣтила только одна лампочка, которая горѣла тускло и дымилась. Когда кто-нибудь заслонялъ лампочку и большая тѣнь падала на окно, то виденъ былъ яркій лунный свѣтъ.

Старикъ Осипъ рассказывалъ, не снѣша, про то, какъ жили до воли, какъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь живетъ такъ скучно и бѣдно, охотились съ гоичими, съ борзими, съ исковичами, и во время облавъ мужиковъ поили водкой, какъ въ Москву ходили цѣлые обозы съ битою птицей для молодыхъ господъ, какъ злыхъ наказывали розгами или ссылали въ Тверскую вотчину, а добрыхъ награждали. И бабка тоже рассказала кое-что. Она все помнила, рѣшительно все. Она рассказала про свою госпожу, добрую, богобоязненную женщину, у которой мужъ былъ кутила и развратникъ, и у которой всѣ дочери повыходили замужъ. Богъ знаетъ какъ: одна вышла за пьяницу, другая—за мѣщанина, третью—увезли тайно (сама бабка, которая была тогда дѣвушкой, помогала увозить), и всѣ онѣ скоро умерли съ горя, какъ и ихъ мать. И вспомнивъ объ этомъ, бабка даже вслакнула.

Вдругъ кто-то постучалъ въ дверь, и всѣ вздрогнули.

— Дядя Осипъ, пусти почевать!

Вошелъ маленькій, лысый старичокъ, поваръ генерала Жукова, тотъ самый, у котораго сгорѣла шапка. Онъ присѣлъ, послушалъ и тоже сталъ вспоминать и рассказывать разныя исторіи. Николай, сидя на печи, свѣсивъ ноги, слушалъ и спрашивалъ все о кушаньяхъ, какія готовили при господахъ. Говорили о биткахъ, котлетахъ, разныхъ супахъ, соусахъ, и поваръ, который тоже все хорошо помнилъ, называлъ кушанья, какихъ нѣтъ теперь; было, напримеръ, кушанье, которое приготавливалось изъ бычьихъ глазъ и называлось «по утру проснувшись».

— А котлеты маршаль тогда дѣлали? — спросилъ Николай.

— Нѣтъ.

Николай укоризненно покачалъ головой и сказалъ:

— Эхъ вы, горе-повара.

Дѣвочки, сидя и лежа на печи, глядѣли внизъ, не мигая; казалось, что ихъ было очень много—точно херувимы въ облакахъ. Разказы имъ нравились; онѣ вздыхали, вздрагивали и блѣднѣли то отъ восторга, то отъ страха, а бабку, которая рассказывала интереснѣе всѣхъ, онѣ слушали не дыша, боясь пошевелинуться.

Ложились спать молча; и старики, потревоженные разсказами, взволнованные, думали о томъ, какъ хороша мо-

лодость, послѣ которой, какая бы она ни была, остается въ воспоминаніяхъ одно только живое, радостное, трогательное, и какъ странно холодна эта смерть, которая не за горами, — лучше о ней и не думать! Лампочка потухла. И потемки, и два окошка, рѣзко освѣщенные луной, и тишина, и скрипъ колыбели напоминали почему-то только о томъ, что жизнь уже прошла, что не вернешь ее никакъ... Вздремнешь, забудешься, и вдругъ кто-то трогаетъ за плечо, дуетъ въ щеку — и сна нѣтъ, тѣло такое, точно отлежалъ его, и лѣзутъ въ голову все мысли о смерти; повернулся на другой бокъ, — о смерти уже забылъ, но въ головѣ бродятъ давнія, скучныя, нудныя мысли о нуждѣ, о кормахъ, о томъ, что мука вздорожала, а немного погодя опять вспоминается, что жизнь уже прошла, не вернешь ее...

— О, Господи! — вздохнулъ поварь.

Кто-то тихо-тихо постучалъ въ окошко. Должно-быть, Ѳекла вернулась. Ольга встала и, зѣвая, шепча молитву, отперла дверь, потомъ въ сѣняхъ вынула засовъ. Но никто не входилъ, только съ улицы повѣяло холодомъ и стало вдругъ свѣтло отъ луны. Въ открытую дверь было видно и улицу, тихую, пустынную, и самую луну, которая плыла по небу.

— Кто тутъ? — окликнула Ольга.

— Я, слышался отвѣтъ. — Это я.

Около двери, прижавшись къ стѣнѣ, стояла Ѳекла, совершенно нагая. Она дрожала отъ холода, стучала зубами, и при яркомъ свѣтѣ луны казалась очень блѣдною, красивою и странною. Тѣни на ней и блескъ луны на кожѣ какъ-то рѣзко бросались въ глаза и особенно отчетливо обозначались ея темныя брови и молодая, крѣпкая грудь.

— На той сторонѣ озорники раздѣли, пустили такъ... — проговорила она. — Домой безъ одежды шла... въ чемъ мать родила. Принеси одѣться.

— Да ты въ избу иди! — тихо сказала Ольга, тоже начинающая дрожать.

— Старикки бы не увидали.

Въ самомъ дѣлѣ бабка уже безпокоилась и ворчала, и старикъ спрашивалъ: «Кто тамъ?» Ольга принесла свою рубаху и юбку, одѣла Ѳеклу и потомъ обѣ тихо, стараясь не стучать дверями, вошли въ избу.

— Это ты, гладкая? — сердито проворчала бабка, дога-

давшись, кто ато!—У, чтобъ тебя, полунощница... нѣтъ на тебя погибели!

— Ничего, ничего,—шептала Ольга, кутая Ѳеклу:—ничего, касатка.

Опять стало тихо. Въ избѣ всегда плохо спали; каждому мѣшало спать что-нибудь неотвязчивое, назойливое: старику — боль въ спинѣ, бабкѣ — заботы и злость, Марья — страхъ, дѣтямъ — чесотка и голодь. И теперь тоже сонъ былъ тревожный: поворачивались съ боку на бокъ, бредили, вставали напиться.

Ѳекла вдругъ заревѣла громко, грубымъ голосомъ, но тотчасъ же сдержала себя и изрѣдка всхлипывала, все тише и глуше, пока не смолкла. Временами съ той стороны, изъ-за рѣки, доносился бой часовъ; но часы били какъ-то странно: пробилъ пять, потомъ три.

— О, Господи!—вздыхалъ поварь.

Глядя на окна, трудно было понять: все ли еще свѣтитъ луна, или это уже разсвѣтъ. Марья поднялась и вышла и слышно было, какъ она на дворѣ доила корову и говорила: «Сто-ой!» Вышла и бабка. Было еще темно въ избѣ, но уже стали видны всѣ предметы.

Николай, который не спалъ всю ночь, слѣзъ съ печи. Онъ досталъ изъ зеленого сундучка свой фракъ, надѣлъ его и, подойдя къ окну, погладилъ рукава, подержался за фалдочки — и улыбулся. Потомъ осторожно снялъ фракъ, спряталъ въ сундукъ и опять легъ.

Марья вернулась и стала топить печь. Она, повидимому, еще не совсѣмъ очнулася отъ сна и теперь просыпалась на ходу. Ей, вѣроятно, приснилось что-нибудь или пришли на память вчерашніе рассказы, такъ какъ она сладко потянулась передъ печью и сказала:

— Нѣтъ, воля лучше!

VII.

Пріѣхалъ баринъ, — такъ въ деревнѣ называли становаго пристава. О томъ, когда и зачѣмъ онъ пріѣдетъ, было извѣстно за недѣлю. Въ Жуковѣ было только сорокъ дворовъ, но недомки, казенной и земской, накопилось больше двухъ тысячъ.

Становой остановился въ трактирѣ: онъ «выкушалъ» тутъ два стакана чаю и потомъ отправился пѣшкомъ въ избу

старосты, около которой уже поджидала толпа недоимщиковъ. Староста Антипъ Сѣдельниковъ, несмотря на молодость, — ему было только 30 лѣтъ съ небольшимъ, — былъ строгъ и всегда держалъ сторону начальства, хотя самъ былъ бѣденъ и платилъ подати неисправно. Видимо, его забавляло, что онъ — староста, и правилось сознание власти, которую онъ иначе не умѣлъ проявлять, какъ строгостью. На сходѣ его боялись и слушались; случалось, на улицѣ или около трактира онъ вдругъ налеталъ на пьянаго, свивывалъ ему руки назадъ и сажалъ въ арестантскую; разъ даже посадилъ въ арестантскую бабку за то, что она, придя на сходъ вмѣсто Осипа, стала браниться, и продержалъ ее тамъ цѣлыя сутки. Въ городѣ онъ не живалъ и книгъ никогда не читалъ, но откуда-то набрался разныхъ умныхъ словъ и любилъ употреблять ихъ въ разговорѣ, и за это его уважали, хотя и не всегда понимали.

Когда Осипъ со своею оброчною книжкой вошелъ въ избу старосты, становой, худощавый старикъ съ длинными сѣдыми бакенами, въ сѣрой тужуркѣ, сидѣлъ за столомъ въ переднемъ углу и что-то записывалъ. Въ избѣ было чисто, всѣ стѣны пестрѣли отъ картинокъ, вырѣзанныхъ изъ журналовъ, и на самомъ видномъ мѣстѣ около цѣнокъ висѣлъ портретъ Баттенберга, бывшаго болгарскаго князя. Возлѣ стола, скрестивъ руки, стоялъ Антипъ Сѣдельниковъ.

— За имъ, ваше высокоблагородіе, 119 рублей, — сказалъ онъ, когда очередь дошла до Осипа. — Передъ Святой какъ далъ рубль, такъ съ того времени ни копейки.

Приставъ поднялъ глаза на Осипа и спросилъ:

— Почему же это, братецъ?

— Явите божескую милость, ваше высокоблагородіе, — началъ Осипъ, волнуясь: — дозвольте сказать, лѣтошній годъ Люторѣцкій баринъ: «Осипъ, говоритъ, продай сѣно... Ты, говоритъ, продай». Отчего жъ? Было у меня цудовъ сто для продажи, на лоску бабы накосили... Ну, сторговались... Все хорошо, добровольно...

Онъ жаловался на старосту и то и дѣло оборачивался къ мужикамъ, какъ бы приглашая ихъ въ свидѣтели: лицо у него покраснѣло и вспотѣло, и глаза стали острые, злые.

— Я не понимаю, зачѣмъ ты это все говоришь, — сказалъ приставъ. — Я спрашиваю тебѣ... я тебѣ спрашиваю,

отчего ты не платишь недоимку? Вы всё не платите, а я за васъ отвѣчай?

— Мочи моей нѣту!

— Слова эти безъ послѣдствія, ваше высокоблагородіе,—сказалъ староста. — Дѣйствительно, Чикильдѣвы недостаточнаго класса, но извольте спросить у прочихъ, причина всѣхъ—водка, и озорники очень. Безъ всякаго пониманія.

Приставъ записать что-то и сказалъ Осеню покойно, ровнымъ тономъ, точно просилъ воды:

— Пошелъ вонъ.

Скоро онъ уѣхалъ; и когда онъ садился въ свой дешевый тарантасъ и кашлялъ, то даже по выраженію его длинной худой спины видно было, что онъ уже не помыслилъ ни объ Осенѣ, ни о старостѣ, ни о жуковскихъ недоимкахъ, а думалъ о чемъ-то своемъ собственномъ. Не успѣлъ онъ отѣхать и одну версту, какъ Антипъ Сѣдельниковъ уже выносилъ изъ избы Чикильдѣвыхъ самоваръ, а за нимъ шла бабка и кричала визгливо, напрягая грудь:

— Не отдамъ! Не отдамъ я тебѣ, окаянннй!

Онъ шелъ быстро, дѣлая широкіе шаги, а та гналась за нимъ, задыхаясь, едва не падая, горбатая, свирѣлая; платокъ у нея сползъ на плечи, сѣдые, съ зеленоватымъ отливомъ волосы развѣвались по вѣтру. Она вдругъ остановилась, и, какъ настоящая бунтовщица, стала бить себя по груди кулаками и кричать еще громче, нѣвучимъ голосомъ, и какъ бы рыдая:

— Православные, кто въ Бога вѣруетъ! Батюшки, обидѣли! Родненькіе, затѣснили! Ой, ой, голубчики, вступитесь!

— Бабка, бабка,—сказалъ строго староста:—имѣй рассудокъ въ своей головѣ!

Безъ самовара въ избѣ Чикильдѣвыхъ стало совсѣмъ скучно. Было что-то унизительное въ этомъ лишеніи, оскорбительное, точно у избы вдругъ отняли ея честь. Лучше бы ужъ староста взялъ и унесъ столъ, всѣ скамьи, всѣ горшки,—не такъ бы казалось пусто. Бабка кричала, Марья плакала и дѣвочки, глядя на нее, тоже плакали. Старикъ, чувствуя себя виноватымъ, сидѣлъ въ углу по-нуру и молчалъ. И Николай молчалъ. Бабка любила и жалѣла его, но теперь забыла жалость, набросилась на него вдругъ съ бранью, съ попреками, тыча ему кулаками подъ самое лицо. Она кричала, что это онъ виноватъ во всемъ;

въ самомъ дѣлѣ, почему онъ присылалъ такъ мало, когда самъ же въ письмахъ хвалился, что добывалъ въ «Славянскомъ Базарѣ» по 50 рублей въ мѣсяцъ? Зачѣмъ онъ сюда прѣхалъ, да еще съ семьей? Если умереть, то на какія деньги его хоронить?.. И было жалко смотрѣть на Николая, Ольгу и Сашу.

Старикъ крикнулъ, взялъ шапку и пошелъ къ старостѣ, Уже темнѣло. Антипъ Сѣдельниковъ паялъ что-то около печн, надувая щеки; было угарно. Дѣти его, тощія, неумытыя, не лучше Чикильдѣевскихъ, возились на полу; некрасивая, весноватая жена съ большимъ животомъ мотала шелкъ. Это была несчастная, убогая семья и только одинъ Антипъ выглядѣлъ молодцомъ и красавцемъ. На скамьѣ въ рядъ стояло пять самоваровъ. Старикъ помолился на Баттенберга и сказалъ:

— Антипъ, яви Божескую милость, отдай самоваръ! Христа ради!

— Принеси три рубля, тогда и получишь.

— Мочи моей нѣту!

Антипъ надувалъ щеки, огонь гудѣлъ и шипѣлъ, отсвѣчивая въ самоварахъ. Старикъ помялъ шапку и сказалъ, подумавъ:

— Отдай!

Смуглый староста казался уже совсѣмъ чернымъ и походилъ на колдуна; онъ обернулся къ Осипу и проговорилъ сурово и быстро:

— Отъ земскаго начальника все зависящее. Въ административномъ засѣданіи двадцать шестого числа можешь заявить поводъ къ своему неудовольствію словесно или на бумагѣ.

Осипъ ничего не понялъ, но удовлетворился этимъ и пошелъ домой.

Дней черезъ десять опять прѣзжалъ становой, побылъ съ часъ и уѣхалъ. Въ тѣ дни погода стояла вѣтрная, холодная; рѣка давно уже замерзла, а снѣга все не было, и люди замучались безъ дороги. Какъ-то въ праздникъ передъ вечеромъ сосѣди зашли къ Осипу посидѣть, потолковать. Говорили въ темнотѣ, такъ какъ работать было грѣхъ и огня не зажигали. Были кое-какія новости, довольно неприятныя. Такъ, въ двухъ-трехъ домахъ забрали за недоимку куръ и отправили въ волостное правленіе, и тамъ

онѣ поколѣли, такъ какъ ихъ никто не кормялъ; забрали овецъ и, пока везли ихъ связанныхъ, перекладывалъ въ каждой деревнѣ на новыя подводы, одна издохла. И теперь рѣшали вопросъ: кто виноватъ?

— Земство!—говорилъ Осипъ.—Кто жъ!

— Извѣстно, земство.

Земство обвиняли во всемъ—и въ недомкахъ, и въ притѣсненіяхъ, и въ неурожаяхъ, хотя ни одинъ не зналъ, что значить земство. И это пошло съ тѣхъ поръ, какъ богатые мужики, имѣющіе свои фабрики, лавки и постоянные дворы, побывали въ земскихъ гласныхъ, остались недовольны и потому въ своихъ фабрикахъ и трактирахъ стали бранить земство.

Поговорили о томъ, что Богъ не даетъ снѣга: воантъ дрова надо, а по кочкамъ ни ѣздить, ни ходить. Прежде, лѣтъ 15—20 назадъ и ранѣе, разговоры въ Жуковѣ были гораздо интереснѣе. Тогда у каждого старика былъ такой видъ, какъ будто онъ хранилъ какую-то тайну, что-то зналъ и чего-то ждалъ; говорили о грамотѣ съ золотою печатью, о раздѣлахъ, о новыхъ земляхъ, о кладахъ, намекали на что-то; теперь же у жуковцевъ не было никакихъ тайнъ; вся ихъ жизнь была какъ на ладони, у всѣхъ на виду, и могли они говорить только о нуждѣ и кормахъ, о томъ, что нѣтъ снѣга...

Помолчали. И опять вспомнили про куръ и овецъ и стали рѣшать, кто виноватъ.

— Земство!—проговорилъ уныло Осипъ.—Кто жъ!

VIII.

Приходская церковь была въ шести верстахъ, въ Косогоровѣ, и въ ней бывали только по нуждѣ, когда нужно было крестить, вѣнчаться или отпѣвать; молиться же ходили за рѣку. Въ праздники, въ хорошую погоду, дѣвушки наряжались и уходили толпой къ обѣднѣ, и было весело смотрѣть, какъ онѣ въ своихъ красныхъ, желтыхъ и зеленыхъ платьяхъ или черезъ дугъ; въ дурную же погоду всѣ сидѣли дома. Говѣли въ приходѣ. Съ тѣхъ, кто въ Великомъ посту не успѣвалъ отговѣться, батюшка на Святой, обходя съ крестомъ, избы, бралъ по 15 копеекъ.

Старикъ не вѣрилъ въ Бога, потому что почти никогда не думалъ о Немъ; онъ признавалъ сверхъестественное, но

думать, что это может касаться одиѣхъ лишь бабъ, и когда говорили при немъ о религiи или чудесномъ и задавали ему какой-нибудь вопросъ, то онъ говорилъ нехотѣ, почесываясь:

— А кто жъ его знаетъ!

Бабка вѣрила, но какъ-то тускло; все перемѣшалось въ ея памяти, и едва она начинала думать о грѣхахъ, о смерти, о спасенiи души, какъ нужда и заботы перехватывали ея мысль, и она тотчасъ же забывала, о чемъ думала. Молитвъ она не помнила и обыкновенно по вечерамъ, когда спать становилась передъ образами и шептала:

— Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троиручницы Божьей Матери...

Марья и Ѳекла крестились, говѣли каждый годъ, но ничего не понимали. Дѣтей не учили молиться, ничего не говорили имъ о Богѣ, не внушали никакихъ правилъ и только запрещали въ постъ ѣсть скоромное. Въ прочихъ семьяхъ было почти то же: мало, кто вѣрилъ, мало, кто понималъ. Въ то же время всѣ любили Священное Писанiе, любили нѣжно, благоговѣнно, но не было книгъ, некому было читать и объяснять, и за то, что Ольга иногда читала Евангелiе, ее уважали и всѣ говорили ей и Санѣ «вы».

Ольга часто уходила на храмовые праздники и молебны въ сосѣднiя села и въ уѣздный городъ, въ которомъ было два монастыря и двадцать семь церквей. Она была разсѣянна и, пока ходила на богомолье, совершенно забывала про семью и только, когда возвращалась домой, дѣлала вдругъ радостное открытiе, что у нея есть мужъ и дочь, и тогда говорила, улыбаясь и сiяя:

— Богъ милости прислалъ!

То, что происходило въ деревнѣ, казалось ей отвратительнымъ и мучило ее. На Илью пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили. На Покровъ въ Жуковѣ былъ приходскiй праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку. Въ первый день у Чикильдѣвыхъ зарѣзали барана и ѣли его утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ, ѣли помногу, и потомъ еще ночью дѣти вставали, чтобы поѣсть. Кирьякъ всѣ три дня былъ страшно пьянъ, пропилъ все, даже шапку и сапоги, и такъ былъ

Марью, что ее отливали водой. А потомъ всѣмъ было стыдно и тошно.

Впрочемъ, и въ Жуковѣ, въ этой Холуевкѣ, происходило разъ настоящее религиозное торжество. Это было въ августѣ, когда по всему уѣзду, изъ деревни въ деревню, носили Живоносную. Въ тотъ день, когда ее ожидали въ Жуковѣ, было тихо и пасмурно. Дѣвушки еще съ утра отиравились навстрѣчу иконѣ въ своихъ яркихъ нарядныхъ платьяхъ и принесли ее подь вечеръ, съ крестнымъ ходомъ, съ пѣніемъ, и въ это время за рѣкой трезвонили. Громадная толпа своихъ и чужихъ заперудила улицу; шумъ, пыль, давка... И старикъ, и бабка, и Кирьякъ— всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили, плача:

— Заступница, матушка! Заступница!

Всѣ какъ будто вдругъ поняли, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжкой, невыносимой нужды, отъ страшной водки.

— Заступница, матушка!—рыдала Марья.—Матушка!

Но отслужили молебенъ, улесли икону, и все пошло по старому и опять послышались изъ трактира грубые, пьяные голоса.

Смерти боялись только богатые мужики, которые чѣмъ больше богатѣли, тѣмъ меньше вѣрили въ Бога и въ спасеніе души, и лишь изъ страха передъ концомъ земнымъ, на всякій случай, ставили свѣчи и служили молебны. Мужики же побѣдѣе не боялись смерти. Старикъ и бабкѣ говорили прямо въ глаза, что они зажились, что имъ умирать пора, и они ничего. Не стѣснялись говорить въ присутствіи Николая Феклѣ, что когда Николай умретъ, то ея мужу Денису, выйдетъ льгота — вернуть со службы домой. А Марья не только не боялась смерти, но даже жалѣла, что она такъ долго не приходитъ, и бывала рада, когда у нея умирали дѣти.

Смерти не боялись, зато ко всѣмъ болѣзнямъ относились съ преувеличеннымъ страхомъ. Довольно было пустяка — разстройства желудка, легкаго озноба, какъ бабка уже ложилась на печь, куталась и начинала стонать громко и непрерывно: «Умира-а-ю!» Старикъ спѣшилъ за священникомъ, и бабку приобщали и соборовали. Очень часто говорили о простудѣ, о глισταхъ, о желвакахъ, которые хо-

дять въ животѣ и подкатываютъ къ сердцу. Больше всего боялись простуды и потому даже лѣтомъ одѣвались тепло и грѣлись на печи. Бабка любила лѣчиться и часто ѣздила въ больницу, гдѣ говорила, что ей не 70, а 58 лѣтъ; она полагала, что если докторъ узнаетъ оя настоящіе годы, то не станетъ ее лѣчить и скажетъ, что ей впору умирать, а не лѣчиться. Въ больницу обыкновенно уѣзжала она рано утромъ, забравъ съ собою двухъ-трехъ дѣвочекъ, и возвращалась вечеромъ, голодная и сердитая, — съ каплями для себя и съ мазями для дѣвочекъ. Разъ возила она и Николая, который потомъ недѣли двѣ принималъ капли и говорилъ, что ему стало легче.

Бабка знала всѣхъ докторовъ, фельдшеровъ и знахарей на тридцать верстъ кругомъ, и ни одинъ ей не нравился. На Цокровъ, когда священникъ обходилъ съ крестомъ избы, дьячокъ сказалъ ей, что въ городѣ около острога живетъ старичокъ, бывший военный фельдшеръ, который лѣчитъ очень хорошо, и посоветовалъ ей обратиться къ нему. Бабка послушалась. Когда выпалъ первый снѣгъ, она съѣздила въ городъ и привезла старичка, бородагаго, длиннополага выкреста, у котораго все лицо было покрыто синими жилками. Какъ разъ въ это время въ избѣ работали поденщики: старикъ портной въ странныхъ очкахъ кроилъ изъ лохмотьевъ жилетку и два молодыхъ парня валяли изъ шерсти валенки; Кирьякъ, котораго уволили за пьянство и который жилъ теперь дома, сидѣлъ рядомъ съ портнымъ и починялъ хомутъ. И въ избѣ было тѣсно, душно и смрадно. Выкрестъ осмотрѣлъ Николая и сказалъ, что необходимо поставить банки.

Онъ ставилъ банки, а старикъ-портной, Кирьякъ и дѣвочки стояли и смотрѣли, и имъ казалось, что они видятъ, какъ изъ Николая выходитъ болѣзнь. И Николай тоже смотрѣлъ, какъ банки, присосавшись къ груди, мало-помалу наполнялись темною кровью, и чувствовалъ, что изъ него, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто что-то выходитъ, и улыбался отъ удовольствія.

— Оно хорошо, — говорилъ портной. — Дай Богъ, чтобъ на пользу.

Выкрестъ поставилъ двѣнадцать банокъ и потомъ еще двѣнадцать, напился чаю и уѣхалъ. Николай сталъ дрожать; лицо у него осунулось и, какъ говорили бабы, ска-

лось въ кулачокъ; пальцы посинѣли. Онъ кутался и въ одѣяло, и въ тулупъ, но становилось все холоднѣе. Къ вечеру онъ затосковалъ; просилъ, чтобы его положили на полъ, просилъ, чтобы портной не курилъ, потому затихъ подъ тулупомъ и къ утру умеръ.

IX.

О, какая суровая, какая длинная зима!

Уже съ Рождества не было своего хлѣба и муки покупали. Кирьякъ, жившій теперь дома, шумѣлъ по вечерамъ, навоя ужасъ на всѣхъ, а по утрамъ мучился отъ головной боли и стыда, и на него было жалко смотрѣть. Въ хлѣву день и ночь раздавалось мычанье голодной коровы, надрывавшее душу у бабки и Марьи. И, какъ нарочно, морозы все время стояли трескучіе, навалило высокіе сугробы; и зима затянулась: на Благовѣщеніе задувала настоящая зимняя вьюга, а на Святой шелъ снѣгъ.

Но, какъ бы ни было, зима кончилась. Въ началѣ апрѣля стояли теплые дни и морозныя ночи, зима не уступала, но одинъ теплый денекъ пересилилъ, наконецъ, — и потекли ручьи, заплѣли птицы. Весь лугъ и кусты около рѣки утонули въ весеннихъ водахъ и между Жуковымъ и тою стороной все пространство сплошь было уже занято громаднымъ заливомъ, на которомъ тамъ-и-сямъ вспархивали стаями дикія утки. Весенній закатъ, пламенный, съ пышными облаками, каждый вечеръ давалъ что-нибудь необыкновенное, новое, невѣроятное, именно то самое, чему не вѣришь потомъ, когда эти же краски и эти же облака видишь на картинѣ.

Журавли летѣли быстро-быстро и кричали грустно, будто звали съ собою. Стоя на краю обрыва, Ольга подолгу смотрѣла на разливъ, на солнце, на свѣтлую, точно помолодѣвшую церковь, и слезы текли у нея и дыханіе захватывало оттого, что страстно хотѣлось уйти куда-нибудь, куда глаза глядятъ, хоть на край свѣта. А ужъ было рѣшено, что она пойдетъ опять въ Москву, въ горничныя, и съ нею отправится Кирьякъ наниматься въ дворники или куда-нибудь. Ахъ, скорѣе бы уйти!

Когда подсохло и стало тепло, собрались въ путь. Ольга и Саша, съ котомками на спинахъ, обѣ въ лаптяхъ, вышли чуть свѣтъ; вышла и Марья, чтобы проводить ихъ.

Кирьякъ былъ нездоровъ, задержался дома еще на недѣлю. Ольга въ послѣдній разъ помолилась на церковь, думая о своемъ мужѣ, и не заплакала, только лицо у нея поморщилось и стало некрасивымъ, какъ у старухи. За зиму она похудѣла, подурнѣла, немного посѣдѣла и уже вмѣсто прежней миловидности и пріятной улыбки на лицѣ у нея было покорное, печальное выраженіе пережитой скорби, и было уже что-то тупое и неподвижное въ ея взглядѣ, точно она не слышала. Ей было жаль разставаться съ деревней и съ мужиками. Она вспоминала о томъ, какъ несли Николая и около каждой избы заказывали панихиду, и какъ всѣ плакали, сочувствуя ея горю. Въ теченіе лѣта и зимы бывали такіе часы и дни, когда казалось, что эти люди живутъ хуже скотовъ, жить съ ними было страшно; они грубы, не честны, грязны, не трезвы, живутъ не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, боятся и подозрѣваютъ другъ друга. Кто держитъ кабакъ и спиваетъ народъ? Мужикъ. Кто растрчиваетъ и пропиваетъ мирскія, школьныя, церковныя деньги? Мужикъ. Кто укралъ у соседа, поджогъ, ложно показалъ на судѣ за бутылку водки? Кто въ земскихъ и другихъ собраніяхъ первый ратуетъ противъ мужиковъ? Мужикъ. Да, жить съ ними было страшно, но все же они люди, они страдаютъ и плачутъ, какъ люди, и въ жизни ихъ нѣтъ ничего такого, чему нельзя было бы найти оправданія. Тяжкій трудъ, отъ котораго по ночамъ болитъ все тѣло, жестокія зимы, скудные урожан, тѣснота, а помощи нѣтъ и не откуда ждать ея. Тѣ, которые богаче и сильнѣе ихъ, помочь не могутъ, такъ какъ сами грубы, не честны, не трезвы и сами бранятся также отвратительно; самый мелкій чиновникъ или приказчикъ обходится съ мужиками, какъ съ бродягами, и даже старшинамъ и церковнымъ старостамъ говорить «ты», и думаетъ, что имѣетъ на это право. Да и можетъ ли быть какая-нибудь помощь или добрый примѣръ отъ людей корыстолюбивыхъ, жадныхъ, развратныхъ, лѣнивыхъ, которые наѣзжаютъ въ деревню только затѣмъ, чтобы оскорбить, обобрать, напугать? Ольга вспомнила, какой жалкій, приниженный видъ былъ у стариковъ, когда зимою водили Кирьяка наказывать розгами... И теперь ей было жаль всѣхъ этихъ людей, больно, и она, пока шла, все оглядывалась на избы.

Проводивъ вереты три, Марья простилась, потомъ стала на колѣни и заголосила, припадая лицомъ къ землѣ:

— Опять я одна осталася, бѣдная моя головушка, бѣдная-несчастливая...

И долго она такъ голосила, и долго еще Ольгѣ и Сашѣ видно было, какъ она, стоя на колѣняхъ, все кланялась кому-то въ сторону, обхвативъ руками голову, и надъ ней летали грачи.

Солнце поднялось высоко, стало жарко. Жуково осталась далеко позади. Идти было въ охотку, Ольга и Саша скоро забыли и про деревню, и про Марью, имъ было весело и все развлекало ихъ. То курганы, то рядъ телеграфныхъ столбовъ, которые другъ за другомъ идутъ неизвѣстно куда, исчезая на горизонтѣ, и проволоки гудятъ таинственно; то виденъ вдали хуторокъ, весь въ зелени, потягиваетъ отъ него влагой и коноплей, и кажется почему-то, что тамъ живутъ счастливые люди; то лошадиный скелеть, одиноко бѣляющій въ полѣ. А жаворонки заливаются неутомно, перекликаются перепела; и дергачъ кричитъ такъ, будто въ самомъ дѣлѣ кто-то дергаетъ за старую, желѣзную скобу.

Въ полдень Ольга и Саша пришли въ большое село. Тутъ на широкой улицѣ встрѣтился имъ новаръ генерала Жукова, старичокъ. Ему было жарко, и потная, красная лысина его сіяла на солнцѣ. Онъ и Ольга не узнали другъ друга, потомъ оглянулись въ одно время, узнали и, не сказавъ ни слова, пошли дальше каждый своею дорогою. Остановившись около избы, которая казалась побогаче и новѣе, передъ открытыми окнами, Ольга поклонилась и сказала громко, тонкимъ, пѣвучимъ голосомъ:

— Православные христіане, подайте милостыню Христа ради, что милость ваша, родителямъ вашимъ царство небесное, вѣчный покой.

— Православные христіане, — запѣла Саша: — подайте Христа ради, что милость ваша, царство небесное...

МОЯ ЖИЗНЬ.

(Разсказъ провинціала.)

I.

Управляющій сказалъ мнѣ: «Держу васъ только изъ уваженія къ вашему почтенному батюшкѣ, а то бы вы у меня давно полетѣли». Я ему отвѣтилъ: «Вы слишкомъ льстите мнѣ, ваше превосходительство, полагая что я умѣю летать». И потомъ я слышалъ, какъ онъ сказалъ: «Уберите этого господина, онъ портитъ мнѣ нервы».

Дня черезъ два меня уволили. Итакъ, за все время, пока я считаюсь взрослымъ, къ великому огорченію моего отца, городского архитектора, я перемѣнилъ девять должностей. Я служилъ по различнымъ вѣдомствамъ, но всѣ эти девять должностей были похожи одна на другую, какъ капли воды: я долженъ былъ сидѣть, писать, выслушивать глушья или грубья замѣчанія и ждать, когда меня уволятъ.

Отецъ, когда я пришелъ къ нему, сидѣлъ глубоко въ креслѣ, съ закрытыми глазами. Его лицо, тонкое, сухое, съ низымъ отливомъ на бритыхъ мѣстахъ (лицомъ онъ походилъ на стараго католическаго органиста), выражало смиреніе и покорность. Не отвѣчая на мое привѣтствіе и не открывая глазъ, онъ сказалъ:

— Если бы моя дорогая жена, а твоя мать была жива, то твоя жизнь была бы для нея источникомъ постоянной скорби. Въ ея преждевременной смерти я усматриваю промысль Божій. Прошу тебя, несчастный,—продолжалъ онъ, открывая глаза: научи: что мнѣ съ тобою дѣлать?

Прежде, когда я былъ помоложе, мои родные и знакомые знали, что со мною дѣлать: одни совѣтовали мнѣ поступить въ вольноопредѣляющіеся, другіе — въ аптеку, третьи — въ телеграфъ; теперь же, когда мнѣ уже минуло двадцать пять и показалась даже сѣдина въ вискахъ, и когда я побывалъ уже и въ вольноопредѣляющихся, и въ фармацевтахъ, и на телеграфѣ, все земное для меня, казалось, было уже исчерпано, и уже мнѣ не совѣтовали, а лишь вздыхали, или покачивали головами.

— Что ты о себѣ думаешь? — продолжалъ отецъ. — Въ твои годы молодые люди имѣютъ уже прочное общественное положеніе, а ты взгляни на себя: пролетарій, нищій, живешь на шеѣ отца!

И, по обыкновенію, онъ сталъ говорить о томъ, что теперешніе молодые люди гибнутъ, гибнутъ отъ невѣрія, матеріализма и излишняго самомирія, и что надо запретить любительскіе спектакли, такъ какъ они отвлекаютъ молодыхъ людей отъ религіи и обязанностей.

— Завтра мы пойдемъ вмѣстѣ, и ты извинишься передъ управляющимъ и пообѣщаешь ему служить добросовѣстно, — заключилъ онъ. — Ни одного дня ты не долженъ оставаться безъ общественнаго положенія.

— Я прошу васъ выслушать меня, — сказалъ я угрюмо, не ожидая ничего хорошаго отъ этого разговора. — То, что вы называете общественнымъ положеніемъ, составляетъ привилегію капитала и образованія. Небогатые же и необразованные люди добываютъ себѣ кусокъ хлѣба физическимъ трудомъ, и я не вижу основанія, почему я долженъ быть исключеніемъ.

— Когда ты начинаешь говорить о физическомъ трудѣ, то это выходитъ глупо и пошло! — сказалъ отецъ съ раздраженіемъ. — Пойми ты, тупой человѣкъ, пойми, безмозглая голова, что у тебя, кромѣ грубой физической силы, есть еще духъ Божій, святой огонь, который въ высочайшей степени отличаетъ тебя отъ осла или отъ гада и приближаетъ къ божеству! Этотъ огонь добывался тысячи лѣтъ лучшими изъ людей. Твой прадѣдъ Полозневъ, генералъ, сражался при Бородинѣ, дѣдъ твой былъ поэтъ, ораторъ и предводитель дворянства, дядя — педагогъ, наконецъ, я, твой отецъ, — архитекторъ! Всѣ Полозневы хранили святой огонь для того, чтобы ты погасилъ его!

— Надо быть справедливымъ,—сказалъ я.—Физическій трудъ несутъ миллионы людей.

— И пускай несутъ! Другого они ничего не умѣютъ дѣлать! Физическимъ трудомъ можетъ заниматься всякій, даже набитый дуракъ и преступникъ, этотъ трудъ есть отличительное свойство раба и варвара, между тѣмъ какъ огонь данъ въ удѣлъ лишь немногимъ!

Продолжать этотъ разговоръ было бесполезно. Отецъ обожалъ себя, и для него было убѣдительно только то, что говорилъ онъ самъ. Къ тому же я зналъ очень хорошо, что это высокомеріе, съ какимъ онъ отзывался о черномъ трудѣ, имѣло въ своемъ основаніи не столько соображенія насчетъ святого огня, сколько тайный страхъ, что я поступлю въ рабочіе и заставлю говорить о себѣ весь городъ; главное же, всѣ мои сверстники давно уже окончили въ университетѣ и были на хорошей дорогѣ, и сынъ управляющаго конторой Государственнаго банка былъ уже коллежскимъ ассесоромъ, я же, единственный сынъ, былъ ничѣмъ! Продолжать разговоръ было бесполезно и неприятно, но я все сидѣлъ и слабо возражалъ, надѣясь, что меня, наконецъ, поймутъ. Вѣдь весь вопросъ стоялъ просто и ясно, и только касался способа, какъ мнѣ добыть кусокъ хлѣба, но простоты не видѣли, а говорили мнѣ, слащаво округляя фразы, о Бородинѣ, о святомъ огнѣ, о дядѣ, забытомъ поэтѣ, который когда-то писалъ плохіе и фальшивые стихи, грубо обзывали меня безмозглою головой и тупымъ человѣкомъ. А какъ мнѣ хотѣлось, чтобы меня поняли! Несмотря ни на что, отца и сестру я люблю, и во мнѣ съ дѣтства застѣла привычка спрашиваться у нихъ, застѣла такъ крѣпко, что я едва ли отдѣлаюсь отъ нея когда-нибудь; бываю я правъ или виноватъ, но я постоянно боюсь огорчить ихъ, боюсь, что вотъ у отца отъ волненія покраснѣла его тощая шея, и какъ бы съ нимъ не сдѣлался ударъ.

— Сидѣть въ душевной комнатѣ,—проговорилъ я:—перелистывать, соперничать съ пишущей машиной для человѣка моихъ лѣтъ стыдно и оскорбительно. Можетъ ли тутъ быть рѣчь о святомъ огнѣ!

— Все-таки это умственный трудъ,—сказалъ отецъ.— Но довольно, прекратимъ этотъ разговоръ, и во всякомъ случаѣ, я предупреждаю: если ты не поступишь опять на службу и последуешь своимъ презрѣннымъ наклонностямъ,

то я и моя дочь лишимъ тебя нашей любви. Я лишу тебя наследства — клянусь истиннымъ Богомъ!

Совершенно искренно, чтобы показать всю чистоту побуждений, какими я хотѣлъ руководиться во всей своей жизни, я сказалъ:

— Вопросъ о наследствѣ для меня не представляется важнымъ. Я заранѣе отказываюсь отъ всего.

Почему-то, совершенно неожиданно для меня, эти слова сильно оскорбили отца. Онъ весь побагровѣлъ.

— Не смѣй такъ разговаривать со мною, глупецъ! — крикнулъ онъ тонкимъ, взыгненнымъ голосомъ: — Негодяй! — И быстро и ловко, привычнымъ движеніемъ ударилъ меня по щекамъ разъ и другой. — Ты сталъ забываться!

Въ дѣтствѣ, когда меня билъ отецъ, я долженъ былъ стоять прямо, руки по швамъ, и глядѣть ему въ лицо. И теперь, когда онъ билъ меня, я совершенно терялся и, точно мое дѣтство все еще продолжалось, вытягивался и старался смотрѣть прямо въ глаза. Отецъ мой былъ старъ и очень худъ, но, должно-быть, тонкія мѣшочки его были крѣпки, какъ ремни, потому что дрался онъ очень больно.

Я понялся навздъ въ переднюю, и тутъ онъ схватилъ свой зонтикъ и нѣсколько разъ ударялъ меня по головѣ и по плечамъ; въ это время сестра отворила изъ гостиной дверь, чтобы узнать, что за шумъ, но тотчасъ же съ выраженіемъ ужаса и жалости отвернулась, не сказавъ въ мою защиту ни одного слова.

Намѣреніе мое не возвращаться въ канцелярію, а начать новую рабочую жизнь, было во мнѣ непоколебимо. Оставалось только выбрать родъ занятія — и это не представлялось особенно труднымъ, такъ какъ мнѣ казалось, что я былъ очень силенъ, выносливъ, способенъ на самый тяжкій трудъ. Мнѣ предстояла однообразная, рабочая жизнь съ проголодью, вонью и грубостью обстановки, съ постоянною мыслью о заработкѣ и кускѣ хлѣба. И — кто знаетъ? — возвращаясь съ работы по Большой Дворянской, я, быть-можетъ, не разъ еще позавидую инженеру Должикову, живущему умственнымъ трудомъ, но теперь думать обо всѣхъ этихъ будущихъ моихъ невзгодахъ мнѣ было весело. Когда-то я мечталъ о духовной дѣятельности, воображая себя то учителемъ, то врачомъ, то писателемъ, но мечты такъ и остались мечтами. Наклонность къ умственнымъ наслажде-

ніямъ, — напрімѣръ, къ театру и чтенію, — у меня была развита до страсти, но была ли способность къ умственному труду, — не знаю. Въ гимназін у меня было непобѣдимое отвращеніе къ греческому языку, такъ что меня должны были взять изъ четвертаго класса. Долго ходили репетиторы и приготавлиали меня въ пятый классъ, потому я служилъ по различнымъ вѣдомствамъ, проводя большую часть дня совершенно праздно, и мнѣ говорили, что это — умственный трудъ; моя дѣятельность въ сферѣ учебной и служебной не требовала ни напряженія ума, ни таланта, ни личныхъ способностей, ни творческаго подъема духа: она была машинной; а такой умственный трудъ я ставлю ниже физическаго, презираю его и не думаю, чтобы онъ хотя одну минуту могъ служить оправданіемъ праздной, беззаботной жизни, такъ какъ самъ онъ не что иное, какъ обманъ, одинъ изъ видовъ той же праздности. По всей вѣроятности, настоящаго умственнаго труда я не зналъ никогда.

Наступилъ вечеръ. Мы жили на Большой Дворянской — это была главная улица въ городѣ. и на ней по вечерамъ, за неимѣніемъ порядочнаго городского сада, гуляли нашъ beau monde. Эта прелестная улица отчасти замѣняла садъ, такъ какъ по обѣ стороны ея росли тополи, которые благоухали, особенно послѣ дождя, и изъ-за заборовъ и палисадниковъ нависали акаціи, высокіе кусты сирени, черемуха, яблони. Майскія сумерки, нѣжная молодая зелень съ тѣнями, запахъ сирени, гудѣнье жуковъ, тишина, тепло — какъ все это ново и какъ необыкновенно, хотя весна повторяется каждый годъ! Я стоялъ у калитки и смотрѣлъ на гуляющихъ. Съ большинствомъ изъ нихъ я росъ и когда-то шалилъ вмѣстѣ, теперь же близость моя могла бы смутить ихъ, потому что одѣтъ я былъ бѣдно, не по модѣ, и про мои очень узкія брюки и большіе, неуклюжіе сапоги, говорили, что это у меня макароны на корабляхъ. Къ тому же въ городѣ у меня была дурная репутація оттого, что я не имѣлъ общественнаго положенія и часто игралъ въ дешевыхъ трактирахъ на бильярдѣ, и еще оттого, быть-можетъ, что меня два раза, безъ всякаго съ моей стороны повода, водили къ жандармскому офицеру.

Въ большомъ домѣ напротивъ, у инженера Должикова играли на роялѣ. Пачинало темнѣть, и на небѣ замигали

звѣзды. Вотъ, медленно, отвѣчая на поклонъ, прошелъ отецъ въ старомъ цилиндрѣ съ широкими загнутыми вверхъ полями, подъ-руку съ сестрой.

— Взгляни! — говорилъ онъ сестрѣ, указывая на небо тѣмъ самымъ зонтикомъ, которымъ давеча билъ меня. — Взгляни на небо! Звѣзды, даже самыя маленькія, — все это міры! Какъ ничтоженъ человѣкъ въ сравненіи со все-ленной!

И говорилъ онъ это такимъ тономъ, какъ будто ему было чрезвычайно лестно и пріятно, что онъ такъ ничтоженъ. Что это за бездарный человѣкъ! Къ сожалѣнію, онъ былъ у насъ единственнымъ архитекторомъ, и за послѣднія 15—20 лѣтъ, на моей памяти, въ городѣ не было построено ни одного порядочнаго дома. Когда ему заказывали планъ, то онъ обыкновенно чертилъ сначала залъ и гостиную; какъ въ былое время институтки могли танцовать только отъ печки, такъ и его художественная идея могла исходить и развиваться только отъ зала и гостиной. Къ нимъ онъ пририсовывалъ столовую, дѣтскую, кабинетъ, соединяя комнаты дверями, и потомъ всѣ онѣ неизбежно оказывались проходными, и въ каждой было по двѣ, даже по три лишнія двери. Должно-быть, идея у него была неясная, крайне спутанная, куца; всякій разъ, точно чувствуя, что чего-то не хватаетъ, онъ прибѣгалъ къ разнаго рода пристройкамъ, присаживая ихъ одну къ другой, и я какъ сейчасъ вижу узкія сѣнцы, узкіе коридорчики, кривыя лѣстнички, ведущія въ антресоли, гдѣ можно стоять только согнувшись и гдѣ вмѣсто пола — три громадныхъ ступени въ родѣ банныхъ полокъ; а кухня непременно подъ домою, со сводами и съ кирпичнымъ поломъ. У фасада упрямое, черствое выраженіе, линіи сухія, робкія, крыша низкая, приплюснутая, а на толстыхъ, точно едобныхъ, трубахъ непременно проволочные колпаки съ черными визгливыми флюгерами. И почему-то всѣ эти, выстроенные отцомъ, дома, похожіе другъ на друга, смутно напоминали мнѣ его цилиндръ, его затылокъ, сухой и упрямый. Съ теченіемъ времени въ городѣ къ бездарности отца приглядѣлись, она укоренилась и стала нашимъ стилемъ.

Этотъ стиль отецъ внесъ и въ жизнь моей сестры. Начать съ того, что онъ назвалъ ее Клеопатрой (какъ меня

назвалъ Мисаиломъ). Когда она была еще дѣвочкой, ояъ пугалъ ее напоминаніемъ о звѣздахъ, о древнихъ мудрецахъ, о нашихъ предкахъ, подолгу объяснялъ ей, что такое жизнь, что такое долгъ; и теперь, когда ей было уже 26 лѣтъ, продолжалъ то же самое, позволяя ей ходить подъ руку только съ нимъ однимъ и воображая почему-то, что рано или поздно долженъ явиться приличный молодой человекъ, который пожелаетъ вступить съ нею въ бракъ изъ уваженія къ его личнымъ качествамъ. А она обожала отца, боялась и вѣрила въ его необыкновенный умъ.

Стало совсѣмъ темно, и улица мало-по-малу опустѣла. Въ домѣ, что напротивъ, затихла музыка; отворились настежь ворота, и по нашей улицѣ, балуясь, мягко играя бубенчиками, покатила тройка. Это инженеръ съ дочерью поѣхалъ кататься. Пора спать!

Въ домѣ у меня была своя комната, но жилъ я на дворѣ въ хибаркѣ, подъ одною крышею съ кирпичнымъ сараемъ, которую построили когда-то, вѣроятно, для храненія сбури, — въ стѣны были вбиты большіе костыли, — теперь же она была лишней, и отецъ вотъ уже тридцать лѣтъ складывалъ въ ней свою газету, которую для чего-то переплеталъ по полугодіямъ и не позволялъ никому трогать. Живя здѣсь, я рѣже попадался на глаза отцу и его гостямъ, и мнѣ казалось, что если я живу не въ настоящей комнатѣ и не каждый день хожу въ домъ обѣдать, то слова отца, что я живу у него на шеѣ, звучатъ уже какъ будто не такъ обидно.

Меня поджидала сестра. Она тайно отъ отца принесла мнѣ ужинъ: небольшой кусочекъ холодной телятины и ломтикъ хлѣба. У насъ въ домѣ часто повторяли: «деньги счетъ любятъ», «копейка рубль бережетъ» и тому подобное, и сестра, подавленная этими пошлостями, старалась только о томъ, ~~какъ~~ бы сократить расходы, и оттого питались мы дурно. Поставивъ тарелку на столъ, она сѣла на мою постель и заплакала.

— Мисаиль, — сказала она: — что ты съ нами дѣлаешь?

Она не закрывала лица, слезы у нея капали на грудь и на руки, и выраженіе было скорбное. Она упала на подушку и дала волю слезамъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и всхлипывая.

— Ты опять оставилъ службу... — проговорила она. — О, какъ это ужасно!

— Но пойми, сестра, пойми... — сказалъ я, и оттого, что она плакала, мною овладѣло отчаяніе.

Какъ нарочно, въ лампочкѣ моей выгорѣлъ уже весь керосинъ, она коптила, собираясь погаснуть, и старыя кисточки на стѣнахъ глядѣли сурово, и тѣни ихъ мигали.

— Пощади насъ! — сказала сестра, поднимаясь. — Отецъ въ страшномъ горѣ, а я больна, схожу съ ума. Что съ тобою будетъ? — спрашивала она, рыдая и протягивая ко мнѣ руки. — Прошу тебя, умоляю, именемъ нашей покойной мамы прошу: иди опять на службу!

— Не могу, Клеопатра! — сказалъ я, чувствуя, что еще немного — и я сдамся. — Не могу!

— Почему? — продолжала сестра. Почему? Ну, если не поладилъ съ начальникомъ, ищи себѣ другое мѣсто. Напримеръ, отчего бы тебѣ не пойти служить на желѣзную дорогу? Я сейчасъ говорила съ Анютой Благово, она увѣряетъ, что тебя примутъ на желѣзную дорогу, и даже обѣщала похлопотать за тебя. Бога ради, Мисаилъ, подумай! Подумай, умоляю тебя!

Мы поговорили еще немного, и я сдамся. Я сказалъ, что мысль о службѣ на строящейся желѣзной дорогѣ мнѣ еще ни разу не приходила въ голову и что, пожалуй, я готовъ попробовать.

Она радостно улыбнулась сквозь слезы и пожала мнѣ руку и потомъ все еще продолжала плакать, такъ какъ не могла остановиться, а я пошелъ въ кухню за керосиномъ.

II.

Среди охотниковъ до любительскихъ спектаклей, концертовъ и живыхъ картинъ съ благотворительной цѣлью первое мѣсто въ городѣ принадлежало Ажогинимъ, жившимъ въ собственномъ домѣ на Большой Дворянской; они всякій разъ давали помѣщеніе и они же принимали на себя всѣ хлопоты и расходы. Эта богатая помѣщичья семья имѣла въ уѣздѣ тысячъ около трехъ десятинъ съ роскошною усадьбой, но деревни не любила и жила зиму и лѣто въ городѣ. Состояла она изъ матери, высокой, худощавой, деликатной дамы, носившей короткіе волосы, короткую коф-

точку и плоскую юбку на англійскій манеръ,—и трехъ до черей, которыхъ, когда говорили о нихъ, называли не по именамъ, а просто: старшая, средняя и младшая. Всѣ онѣ были съ некрасивыми, острыми подбородками, близоруки, сутулы, одѣты такъ же, какъ мать, непріятно шепелявили и все-таки, несмотря на это, обязательно участвовали въ каждомъ представленіи и постоянно дѣлали что-нибудь съ благотворительною цѣлью — играли, читали, пѣли. Онѣ были очень серьезны и никогда не улыбались, и даже въ водевиляхъ съ пѣніемъ играли безъ малѣйшей веселости, съ дѣловымъ видомъ, точно занимались бухгалтеріей.

Я любилъ наши спектакли, а особенно репетиціи, частыя, немножко безтолковыя, шумныя, послѣ которыхъ намъ всегда давали ужинать. Въ выборѣ пьесъ и въ распредѣленіи ролей я не принималъ никакого участія. На мнѣ лежала закулисная часть. Я писалъ декорации, переписывалъ роли, суфлировалъ, гримировалъ и на меня было возложено также устройство разныхъ эффектовъ въ родѣ грома, пѣнія соловья и т. п. Такъ какъ у меня не было общественнаго положенія и порядочнаго платья, то на репетиціяхъ я держался особнякомъ, въ тѣни кулисъ, и застѣнчиво молчалъ.

Декорации писалъ я у Ажогиныхъ въ сараѣ или на дворѣ. Мнѣ помогалъ маляръ, пли, какъ онъ самъ называлъ себя, подрядчикъ малярныхъ работъ, Андрей Ивановъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, высокій, очень худой и блѣдный, съ впалую грудью, съ впалыми висками и съ синевой подъ глазами, немножко даже страшный на видъ. Онъ былъ боленъ какою-то изнурительною болѣзнью, и каждую осень и весну говорили про него, что онъ отходитъ, но онъ, полежавши, вставалъ и потомъ говорилъ съ удивленіемъ: «А я опять не померъ!»

Въ городѣ его звали Рѣдькой и говорили, что это его настоящая фамилія. Онъ любилъ театръ такъ же, какъ я, и едва до него доходили слухи, что у насъ затѣвается спектакль, какъ онъ бросалъ всѣ свои работы и шелъ къ Ажогинымъ писать декорации.

На другой день послѣ объясненія съ сестрой, я съ утра до вечера работалъ у Ажогиныхъ. Репетиція была назначена въ семь часовъ вечера, и за часъ до начала въ залѣ уже были ль сборъ всѣ любители, и по сценѣ ходили стар-

шая, средняя и младшая и читали по тетрадкамъ. Рѣдка въ длинномъ рыжемъ пальто и въ шарфѣ, намотанномъ на шею, уже стоялъ, прислонившись вискомъ къ стѣнѣ, и смотрѣлъ на сцену съ набожнымъ выраженіемъ. Ажогина-мать подходила то къ одному, то къ другому гостю и говорила каждому что-нибудь пріятное. У нея была манера пристально смотрѣть въ лицо и говорить тихо, какъ по секрету.

— Должно-быть, трудно писать декорациі,—сказала она тихо, подходя ко мнѣ.— А мы только-что съ мадамъ Муффе говорили о предразсудкахъ, и я видѣла, какъ вы вошли. Богъ мой, я всю, всю мою жизнь боролась съ предразсудками! Чтобы убѣдить прислугу, какіе пустяки всѣ эти ихъ страхи, я у себя всегда зажигаю три свѣчи и всѣ свои важныя дѣла начинаю тринадцатаго числа.

Пришла дочь инженера Должикова, красивая, полная блондинка, одѣтая, какъ говорили у насъ, во все парижское. Она не играла, но на репетиціяхъ для нея ставили стулъ на сценѣ, и спектаклей не начинали раньше, пока она не появлялась въ первомъ ряду, сіяя и изумляя всѣхъ своимъ нарядомъ. Ей, какъ столичной штучкѣ, разрѣшалось во время репетицій дѣлать замѣчанія, и дѣлала она ихъ съ милою, снисходительною улыбкой, и видно было, что на наши представленія она смотрѣла, какъ на дѣтскую забаву. Про нее говорили, что она училась пѣть въ петербургской консерваторіи и будто даже пѣла зиму пѣла въ частной оперѣ. Она мнѣ очень нравилась, и обыкновенно на репетиціяхъ и во время спектакля я не спускалъ съ нея глазъ.

Я уже взялъ тетрадку, чтобы начать суфлировать, какъ неожиданно появилась сестра. Не снимая манто и шляпы, она подошла ко мнѣ и сказала:

— Прошу тебя, пойдемъ!

Я пошелъ. За сценой, въ дверяхъ стояла Аниута Благого, тоже въ шляпкѣ, съ темною вуалькой. Это была дочь товарища председателя суда, служившаго въ нашемъ городѣ давно, чуть ли не съ самаго основанія окружного суда. Такъ какъ она была высока ростомъ и хорошо сложена, то участіе ея въ живыхъ картинахъ считалось обязательнымъ, и когда она изображала какую-нибудь фею или Славу, то лицо ея горѣло отъ стыда; но въ спектакляхъ

она не участвовала, а заходила на репетицію только на минутку, по какому-нибудь дѣлу, и не шла въ залъ. И теперь видно было, что она зашла только на минутку.

— Мой отецъ говорилъ о васъ, — сказала она сухо, не глядя на меня и краснѣя. — Должниковъ обѣщаль вамъ мѣсто на желѣзной дорогѣ. Отправляйтесь къ нему завтра, онъ будетъ дома.

Я поклонился и поблагодарилъ за хлопоты.

— А это вы можете оставить, — сказала она, указавъ на тетрадку.

Она и сестра подошли къ Ажогиней и минуты двѣ шептались съ нею, поглядывая на меня. Онѣ совѣтовались о чемъ-то.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказала Ажогина тихо, подходя ко мнѣ и пристально глядя въ лицо: — въ самомъ дѣлѣ, если это отвлекаетъ васъ отъ серьезныхъ занятій, — она потянула изъ моихъ рукъ тетрадь: — то вы можете передать кому-нибудь другому. Не безпокойтесь, мой другъ, идите себѣ съ Богомъ.

Я простился съ нею и вышелъ сконфуженный. Спускаясь внизъ по лѣстницѣ, я видѣлъ, какъ уходили сестра и Анята Благово; онѣ оживленно говорили о чемъ-то, должно-быть, о моемъ поступленіи на желѣзную дорогу, и смѣшили. Сестра раньше никогда не была на репетиціяхъ, и теперь, вѣроятно, ее мучила совѣсть, и она боялась, какъ бы отецъ не узналъ, что она безъ его позволенія была у Ажогинихъ.

Я отправился къ Должикову на другой день, въ первомъ часу. Лакей проводилъ меня въ очень красивую комнату, которая была у инженера гостиной и, въ то же время, рабочимъ кабинетомъ. Тутъ было все мягко, изящно и для такого непривычнаго человѣка, какъ я, даже странно. Дорогие ковры, громадные кресла, бронза, картины, золотыя и плюшевыя рамы; на фотографіяхъ, разбросанныхъ по стѣнамъ, очень красивыя женщины, умныя, прекрасныя лица, свободныя позы; изъ гостиной дверь ведетъ прямо въ садъ, на балконъ, видна сирень, виденъ столъ, накрытый для завтрака, много бутылокъ, букетъ изъ розъ, пахнетъ весной и дорогою сигарой, пахнетъ счастьемъ — и все, кажется, такъ и хочетъ сказать, что вотъ-де пожилъ человѣкъ, потрудился и достигъ, наконецъ, счастья, возмож-

паго на землѣ. За письменнымъ столомъ сидѣла дочь инженера и читала газету.

— Вы къ отцу?—спросила она.—Онъ принимаетъ душъ, сейчасъ придетъ. Посидите пока, прошу васъ.

И сѣлъ.

— Вы вѣдь, кажется, противъ насъ живете?—спросила она, опять, послѣ нѣкотораго молчанія

— Да.

— Я отъ скуки каждый день наблюдаю изъ окна, ужъ вы извините,—продолжала она, глядя въ газету:—и часто вижу васъ и вашу сестру. У нея всегда такое доброе сосредоточенное выраженіе.

Вошелъ Должиковъ. Оня вытиралъ полотенцемъ шею.

— Папа, monsieur Полозневъ,—сказала дочь.

— Да, да, мнѣ говорилъ Благово,—живо обратился онъ ко мнѣ, не подавая руки.—Но, послушайте, чтѣ же я могу вамъ дать? Какія у меня мѣста? Странные вы люди, господа! — продолжалъ онъ громко и такимъ тономъ, какъ будто дѣлалъ мнѣ выговоръ.—Ходитъ васъ ко мнѣ по двадцать человѣкъ въ день, вообразили, что у меня департаментъ! У меня линія, господа, у меня каторжныя работы, мнѣ нужны механики, слесаря, землекопы, столяры, колодезники, а вѣдь всѣ вы можете только сидѣть и писать, больше ничего! Всѣ вы писатели!

И отъ него пахнуло на меня тѣмъ же счастьемъ, чтѣ и отъ его ковровъ и кресель. Полный, здоровый, съ красными щеками, съ широкою грудью, вымытый, въ ситцевой рубахѣ и шароварахъ, точно фарфоровый, игрушечный, ящикъ. У него была круглая, курчавая бородка — и ни одного сѣдого волоска, носъ съ горбинкой, а глаза темные, ясные, невинные.

— Чтѣ вы умѣете дѣлать? — продолжалъ онъ. — Ничего вы не умѣете! Я инженеръ-сѣ, я обезпеченный человѣкъ-сѣ, по, прежде чѣмъ мнѣ дали дорогу, я долго теръ лямку, я ходилъ машинистомъ, два года работалъ въ Бельгін, какъ простой смазчикъ. Посудите сами, любезнѣйшій, какую работу я могу вамъ предложить?

— Конечно, это такъ... — пробормоталъ я въ сильномъ смущеніи, не вынося его ясныхъ, невинныхъ глазъ.

— По крайней мѣрѣ, умѣете ли вы управляться съ аппаратомъ?—спросилъ онъ, подумавъ.

— Да, я служилъ на телеграфѣ.

— Гм... Ну, тамъ посмотримъ. Отправляйтесь пока въ Дубечню. Тамъ у меня уже сидитъ одинъ, но дрянъ ужасная.

— А въ чемъ будутъ заключаться мои обязанности? — спросилъ я.

— Тамъ увидимъ. Отправляйтесь пока, я распоряжусь. Только, пожалуйста, у меня не пьянствовать и не беспокоить меня никакими просьбами. Выгону.

Онъ отошелъ отъ меня и даже головой не кивнулъ. Я поклонился ему и его дочери, читавшей газету, и вышелъ. На душѣ у меня было тяжело до такой степени, что когда сестра стала спрашивать, какъ принялъ меня инженеръ, то я не могъ выговорить ни одного слова.

Чтобы идти въ Дубечню, я всталъ рано утромъ, съ восходомъ солнца. На нашей Большой Дворянской не было ни души, всѣ еще спали, и шаги мои раздавались одиноко и глухо. Тополн, покрытые росой, наполняли воздухъ иѣжнымъ ароматомъ. Мнѣ было грустно и не хотѣлось уходить изъ города. Я любилъ свой родной городъ. Онъ казался мнѣ такимъ красивымъ и теплымъ! Я любилъ эту зелень, тихія солнечныя утра, звонъ нашихъ колоколовъ; но люди, съ которыми я жилъ въ этомъ городѣ, были мнѣ скучны, чужды и порой даже гадки. Я не любилъ и не понималъ ихъ.

Я не понималъ, для чего и чѣмъ живутъ всѣ эти шестьдесятъ пять тысячъ людей. Я зналъ, что Кимры добываютъ себѣ пропитаніе сагогами, что Тула дѣлаетъ самовары и ружья, что Одесса портовый городъ, но что такое нашъ городъ и что онъ дѣлаетъ — я не зналъ. Большая Дворянская и еще двѣ улицы почище жили на готовые капиталы и на жалованье, получаемое чиновниками изъ казны; но чѣмъ жили остальные восемь улицъ, которыя тянулись параллельно версты на три и исчезали за холмомъ, — это для меня было всегда непостижимою загадкой. И какъ жили эти люди, стыдно сказать! Ни сада, ни театра, ни порядочнаго оркестра; городская и клубная бібліотеки посѣщались только евреями-подростками, такъ что журналы и новыя книги по мѣсяцамъ лежали неразрѣзанными; богатые и интеллигентные спали въ душныхъ, тѣсныхъ спальняхъ, на деревянныхъ кроватяхъ съ клопами, дѣтей держали въ отврати-

тельно грязныхъ помѣщеніяхъ, называемыхъ дѣтскими, а слуги, даже старыя и почтенныя, спали въ кухнѣ на полу и укрывались лохмотьями. Въ скоромные дни въ домахъ пахло борщомъ, а въ постные — осетриной, жареной на подсолнечномъ маслѣ. Ъли не вкусно, пили нездоровую воду. Въ думѣ, у губернатора, у архіерея, всюду въ домахъ много лѣтъ говорили о томъ, что у насъ въ городѣ нѣтъ хорошей и дешевой воды и что необходимо занять у казны двѣсти тысячъ на водопроводъ; очень богатые люди, которыхъ у насъ въ городѣ можно было насчитать десятка три, и которые, случалось, проигрывали въ карты цѣлыя имѣнія, тоже пили дурную воду и всю жизнь говорили съ азартомъ о займѣ — и я не понималъ этого; мнѣ казалось, было бы проще взять и выложить эти двѣсти тысячъ изъ своего кармана.

Во всемъ городѣ я не зналъ ни одного честнаго чело-вѣка. Мой отецъ бралъ взятки и воображалъ, что это даютъ ему изъ уваженія къ его душевнымъ качествамъ; гимназисты, чтобы переходить изъ класса въ классъ, поступали на хлѣба къ своимъ учителямъ, и эти брали съ нихъ большія деньги; жена воинскаго начальника во время набора брала съ рекрутовъ и даже позволяла угощать себя и разъ въ церкви никакъ не могла подняться съ колѣнъ, такъ какъ была пьяна; во время набора брали и врачи, а городской врачъ и ветеринаръ обложили налогомъ мясныя лавки и трактиры; въ уѣздномъ училищѣ торговали свидѣльствами, дававшими льготу по третьему разряду; благочинные брали съ подчиненныхъ причтовъ и церковныхъ старость; въ городской, мѣщанской, во врачебной и во всѣхъ прочихъ управахъ каждому просителю кричали вслѣдъ: — «Благодарить надо!» — и проситель возвращался, чтобы дать 30—40 копеекъ. А тѣ, которые взятокъ не брали, какъ, наиримѣръ, чины судебного вѣдомства, были надменныя, подавали два пальца, отличались холодностью и узостью сужденій, играли много въ карты, много пили, женились на богатыхъ и, несомнѣнно, имѣли на среду вредное, развращающее вліяніе. Лишь отъ однихъ дѣвушекъ вѣяло нравственною чистотой; у большинства изъ нихъ были высокія стремленія, честныя, чистыя души; но онѣ не понимали жизни и вѣрили, что взятки даются изъ уваженія къ душевнымъ качествамъ, и, выйдя замужъ, скоро старились,

опускались и безнадежно тонули въ тишѣ пошлаго, мѣщанскаго существованія.

III.

Въ нашей мѣстности строилась желѣзная дорога. Наканунѣ праздниковъ по городу толпами ходили оборванцы, которыхъ звали «чугункой» и которыхъ боялись. Нерѣдко приходилось мнѣ видѣть, какъ оборванца съ окровавленною физиономіей, безъ шапки, вели въ полицію, а сзади, въ видѣ вещественнаго доказательства, несли самоваръ или недавно вымытое, еще мокрое бѣлье. «Чугунка» обыкновенно толпилась около кабаковъ и на базарахъ; она пила, ѣла, нехорошо бранилась и каждую мимо проходящую женщину легкаго поведенія провожала пронзительнымъ свистомъ. Наши лавочники, чтобы позабавить эту голодную рвань, поили собакъ и кошекъ водкой, или привязывали собакъ къ хвосту жестянку изъ-подъ керосина, поднимали свистъ, и собака мчалась по улицѣ, гремя жестянкой, визжа отъ ужаса; ей казалось, что ее преслѣдуетъ по пятамъ какое-то чудовище, она бѣжала далеко за городъ, въ поле и тамъ выбивалась изъ силъ; и у насъ въ городѣ было нѣсколько собакъ, постоянно дрожавшихъ, съ поджатыми хвостами, про которыхъ говорили, что онѣ не перенесли такой забавы, сошли съ ума.

Вокзалъ строился въ пяти верстахъ отъ города. Говорили, что инженеры за то, чтобы дорога подходила къ самому городу, просили взятку въ пятьдесятъ тысячъ, а городское управленіе соглашалось дать только сорокъ, разошлись въ десять тысячахъ, и теперь горожане раскаивались, такъ какъ предстояло проводить до вокзала шоссе, которое по смѣтѣ обходилось дороже. По всей линіи были уже положены шпалы и рельсы, и ходили служебные поѣзда, возившіе строительный матеріалъ и рабочихъ, и поддержка была только за мостами, которые строилъ Должиковъ, да кое-гдѣ не были еще готовы станціи.

Дубечня—такъ называлась наша первая станція—находилась въ семнадцати верстахъ отъ города. Я шелъ пѣшкомъ. Ярко зеленѣли озимь и яровья, охваченныя утреннимъ солнцемъ. Мѣсто было ровное, веселое, и вдали ясно вырисовывались вокзалъ, курганы, далекія усадьбы... Какъ хорошо было тутъ на волѣ! И какъ я хотѣлъ проникнуться

сознаніемъ свободы, хотя бы на одно это утро, чтобы не думать о томъ, что дѣлалось въ городѣ, не думать о своихъ нуждахъ, не хотѣть ѣсть! Ничто такъ не мѣшало мнѣ жить, какъ острое чувство голода, когда мои лучшія мысли странно мѣшались съ мыслями о гречневой кашѣ, о котлетахъ, о жареной рыбѣ. Вотъ я стою одинъ въ полѣ и смотрю вверхъ на жаворонка, который повисъ въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ и заился, точно въ истерикѣ, а самъ думаю: «Хорошо бы теперь поѣсть хлѣба съ масломъ!» Или вотъ сажусь у дороги и закрываю глаза, чтобы отдохнуть, прислушаться къ этому чудесному майскому шуму, и мнѣ припоминается, какъ пахнетъ горячій картофель. При моемъ большомъ ростѣ и крѣпкомъ сложеніи мнѣ приходилось ѣсть вообще мало, и потому главнымъ чувствомъ моимъ въ теченіе дня былъ голодъ, и потому, быть-можетъ, я отлично понималъ, почему такое множество людей работаетъ только для куска хлѣба и можетъ говорить только о харчахъ.

Въ Дубчинѣ штукатурили внутри станцію и строили верхній деревянный этажъ у водокачки. Было жарко, пахло известкой, и рабочіе вяло бродили по кучамъ щепы и мусора; около своей будки спалъ стрѣлочникъ, и солнце жгло ему прямо въ лицо. Ни одного дерева. Слабо гудѣла телеграфная проволока, и на ней кое-гдѣ отдыхали ястреба. Бродя тоже по кучамъ, не зная, что дѣлать, я вспоминалъ, какъ инженеръ на мой вопросъ, въ чемъ будутъ заключаться мои обязанности, отвѣтилъ мнѣ: «Тамъ увидимъ». Но что можно было увидѣть въ этой пустынѣ? Штукатуры говорили про десятника и про какого-то Федота Васильева, я не понималъ, и мною мало-по-малу овладѣла тоска, — тоска физическая, когда чувствуешь свои руки, ноги и все свое большое тѣло и не знаешь, что дѣлать съ ними, куда дѣваться.

Походивъ, по крайней мѣрѣ, съ два часа, я замѣтилъ, что отъ станціи куда-то вправо отъ линіи шли телеграфные столбы и черезъ полторы-двѣ версты оканчивались у бѣлаго каменнаго забора; рабочіе сказали, что тамъ контора, и, наконецъ, я сообразилъ, что мнѣ нужно именно туда.

Это была очень старая, давно заброшенная усадьба. Заборъ изъ бѣлаго ноздреватаго камня уже вывѣтрился и обвалился мѣстами, и на флигелѣ, который своею глухою

стѣной выходилъ въ поле, крыша была ржавая, и на ней кое-гдѣ блестяли латки изъ жести. Въ ворота былъ виденъ просторный дворъ, поросшій бурьяномъ, и старый барскій домъ съ жалюзи на окнахъ и съ высокою крышей, рыжею отъ ржавчины. По сторонамъ дома, направо и налево, стояли два одинаковыхъ флигеля; у одного окна были забиты досками, около другого, съ открытыми окнами, висѣло на веревкѣ бѣлье и ходили телята. Послѣдній телеграфный столбъ стоялъ во дворѣ, и проволока отъ него шла къ окну того флигеля, который своею глухою стѣной выходилъ въ поле. Дверь была отворена, я вошелъ. За столомъ у телеграфнаго станка сидѣлъ какой-то господинъ съ темною, кудрявою головой, въ пиджакѣ изъ парусинки; онъ сурово, исподлобья поглядѣлъ на меня, но тотчасъ же улыбнулся и сказалъ:

— Здравствуй, маленькая польза!

Это былъ Иванъ Чепраковъ, мой товарищъ по гимназiи, котораго исключили изъ второго класса за куренiе табаку. Мы вмѣстѣ когда-то, въ осеннее время, ловили щегловъ, чижей и дубоносовъ и продавали ихъ на базарѣ рано утромъ, когда еще наши родители спали. Мы подстерегали стайки перелетныхъ скворцовъ и стрѣляли въ нихъ мелкою дробью, потомъ подбирали раненыхъ, и одни у насъ умирали въ страшныхъ мученiяхъ (я до сихъ поръ еще помню, какъ они ночью стонали у меня въ клѣткѣ), другихъ, которые выздоравливали, мы продавали и нагло божились при этомъ, что все это одни самцы. Какъ-то разъ на базарѣ у меня остался одинъ только скворецъ, котораго я долго предлагалъ покупателямъ и, наконецъ, сбылъ за копейку. «Все-таки маленькая польза!» — сказалъ я себѣ въ утѣшенiе, пряча эту копейку, и съ того времени уличные мальчишки и гимназисты прозвали меня маленькою пользой; да и теперь еще мальчишки и лавочники, случалось, дразнили меня такъ, хотя, кромѣ меня, уже никто не помнилъ, откуда произошло это прозвище.

Чепраковъ былъ не крѣпкаго сложенiя: узкогрудый, сутулый, длинноногий. Галстукъ веревочкой, жилетка не было вовсе, а сапоги хуже моихъ—съ кривыми каблуками. Онъ рѣдко мигалъ глазами и имѣлъ стремительное выраженiе, будто собирался что-то схватить, и все суетился.

— Да ты постой, — говорилъ онъ, суетясь. — Да ты послушай!.. О чемъ бишь я только-что говорилъ?

Мы разговорились. Я узналъ, что имѣніе, въ которомъ я теперь находился, еще недавно принадлежало Чепраковымъ и только прошлою осенью перешло къ инженеру Должикову, который полагалъ, что держать деньги въ землѣ выгоднѣе, чѣмъ въ бумагахъ, и уже купилъ въ нашихъ краяхъ три порядочныхъ имѣнія съ переводомъ долга; мать Чепракова при продажѣ выговорила себѣ право жить въ одномъ изъ боковыхъ флигелей еще два года и выпросила для сына мѣсто при конторѣ.

— Еще бы ему не покупать! — сказалъ Чепраковъ про инженера. — Съ однихъ подрядчиковъ деретъ сколько! Со всѣхъ деретъ!

Потомъ онъ повелъ меня обѣдать, рѣшивъ суетливо, что жить я буду съ нимъ вдвоемъ во флигелѣ, а столоваться у его матери.

— Она у меня скряга, — сказалъ онъ: — но дорого съ тебя не возьметъ.

Въ маленькихъ комнатахъ, гдѣ жила его мать, было очень тѣсно; всѣ онѣ, даже сѣни и передняя, были загромождены мебелью, которую послѣ продажи имѣнія перенесли сюда изъ большого дома; и мебель была все старинная, изъ краснаго дерева. Госпожа Чепракова, очень полная, пожилая дама, съ косыми китайскими глазами, сидѣла у окна въ большомъ креслѣ и вязала чулокъ. Приняла она меня церемонно.

— Это, мамаша, Полозневъ, — представилъ меня Чепраковъ. — Онъ будетъ служить тутъ.

— Вы дворянинъ? — спросила она страннымъ, неприятнымъ голосомъ; мнѣ показалось, будто у нея въ горлѣ клочечъ жиръ.

Да, — отвѣтилъ я.

— Садитесь.

Обѣдъ былъ плохой. Подавали только пирогъ съ горькимъ творогомъ и молочный супъ. Елена Никифоровна, хозяйка, все время какъ-то странно подмигивала то однимъ глазомъ, то другимъ. Она говорила, ѣла, но во всей ея фигурѣ было уже что-то мертвенное и даже какъ будто чувствовался запахъ трупа. Жизнь въ ней едва теплилась, теплилось и сознание, что она — барыня-помѣщица, имѣвшая когда-то своихъ крѣпостныхъ, что она — генеральша, которую прислуга обязана величать превосходительствомъ; и когда

эти жалкіе остатки жизни вспыхивали въ ней на мгновение, то она говорила сыну:

— Жанъ, ты не такъ держишь ножъ!

Или же говорила мнѣ, тяжело переводя духъ, съ жеманствомъ хозяйки, желающей занять гостя:

— А мы, знаете, продали наше имѣніе. Конечно, жаль, привыкли мы тутъ, но Должиковъ общалъ сдѣлать Жана начальникомъ станціи Дубечни, такъ-что мы не уѣдемъ отсюда, будемъ жить тутъ на станціи, а это все равно, что въ имѣніи. Инженеръ такой добрый! Не находите ли вы, что онъ очень красивъ?

Еще недавно Чепраковы жили богато, но послѣ смерти генерала все измѣнилось. Елена Никифоровна стала сосряться съ сосѣдами, стала судиться, не доплачивать приказчикамъ и рабочимъ; все боялась, какъ бы ея не ограбили— и въ какія-нибудь десять лѣтъ Дубечня стала неузнаваемою.

Позади большого дома былъ старый садъ, уже одичавшій, заглушенный бурьяномъ и кустарникомъ. Я прошелся по террасѣ, еще крѣпкой и красивой; сквозь стеклянную дверь видна была комната съ паркетнымъ поломъ, должно-быть, гостиная; старинное фортепіано, да на стѣнахъ гравюры въ широкихъ рамахъ изъ краснаго дерева—и больше ничего. Отъ прежнихъ цвѣтниковъ уцѣлѣли одни піоны и маки, которые поднимали изъ травы свои бѣлыя и ярко красныя головы; по дорожкамъ, вытягиваясь, мѣшая другъ другу, росли молодые клены и вязы, уже оципанные коровами. Было густо, и садъ казался непроходимымъ, но это только вблизи дома, гдѣ еще стояли тополи, сосны и старыя липы-сверстницы, уцѣлѣвшія отъ прежнихъ аллей, а дальше за ними садъ расчищали для сѣнокоса, и тутъ уже не парило, паутина не лѣзла въ ротъ и въ глаза, подувалъ вѣтерокъ; чѣмъ дальше въ глубь, тѣмъ просториѣе, и уже росли на просторѣ вишни, сливы, раскидистыя яблони, обезображенные подпорками и гангреной, и груши такія высокія, что даже не вѣрилось, что это груши. Эту часть сада арендовали наши городскія торговки, а сторожилъ ее отъ воровъ и скворцовъ мужикъ-дурачокъ, жившій въ шалашѣ.

Садъ, все больше рѣдѣя, переходя въ настоящій лугъ, спускался къ рѣкѣ, поросшей зеленымъ камышомъ и ивнякомъ; около мельничной плотины былъ плѣсъ, глубокій и рыбный, сердито шумѣла небольшая мельница съ соломен-

ною крышей, неистово квакали лягушки. На водѣ, гладкой, какъ зеркало, изрѣдка ходили круги, да вздрагивали рѣчные лилин, потревоженные веселою рыбой. По ту сторону рѣчки находилась деревушка Дубечня. Тихій, голубой плѣсъ манилъ къ себѣ, обѣщая прохладу и покой. И теперь все это—и плѣсъ, и мельница, и уютные берега принадлежали инженеру!

И вотъ началась моя новая служба. Я получалъ телеграммы и отправлялъ ихъ дальше, писалъ разныя вѣдомости и переписывалъ на-чисто требовательныя записи, претензїи и рапорты, которые присылались къ намъ въ контору безграмотными десятниками и мастерами. Но большую часть дня я ничего не дѣлалъ, а ходилъ по комнатамъ ожидая телеграммъ, или сажалъ во флигелѣ мальчика, а самъ уходилъ въ садъ и гулялъ, пока мальчикъ не прибѣгалъ сказать, что стучитъ аппаратъ. Обѣдалъ я у госпожи Чепраковой. Мясо подавали очень рѣдко, блюда все были молочныя, а въ среды и въ пятницы—постныя, и въ эти дни подавались къ столу розовыя тарелки, которыя назывались постными. Чепракова постоянно подмигивала—это была у нея такая привычка, и въ ея присутствїи мнѣ всякій разъ становилось не по-себѣ.

Такъ какъ работы во флигелѣ не хватало и на одного, то Чепраковъ ничего не дѣлалъ, а только спалъ или уходилъ съ ружьемъ на плѣсъ стрѣлять утокъ. По вечерамъ онъ напивался въ деревнѣ или на станицѣ, и передъ тѣмъ, какъ спать, смотрѣлся въ зеркальце и кричалъ:

— Здравствуй, Иванъ Чепраковъ!

Пьяный онъ былъ очень блѣденъ и все потиралъ руки и смѣялся, точно ржалъ: ги-ги-ги! Изъ озорства онъ раздѣвался до-нага и бѣгалъ по полю голый. Блѣ мухъ и говорилъ, что онѣ кисленькія.

IV.

Какъ-то послѣ обѣда онъ прибѣжалъ во флигель, запыхавшись, и сказалъ:

— Ступай, тамъ сестра твоя прїѣхала.

Я вышелъ. Въ самомъ дѣлѣ, у крыльца большого дома стояла городская извозничья линейка. Прїѣхала моя сестра, а съ нею Анята Благово и еще какой-то господинъ въ

военномъ кителѣ. Подойдя ближе, я узналъ военного: это былъ братъ Анюты, докторъ.

— Мы къ вамъ на пикникъ прѣхали,—сказалъ онъ.— Ничего?

Сестра и Анюта хотѣли спросить, какъ мнѣ тутъ живетъ, но обѣ молчали и только смотрѣли на меня. Я тоже молчалъ. Онѣ поняли, что мнѣ тутъ не нравится, и у сестры навернулись слезы, а Анюта Благово стала красной. Пошли въ садъ. Докторъ шелъ впереди всѣхъ и говорилъ восторженно:

— Вотъ такъ воздухъ! Мать честная, вотъ такъ воздухъ.

По наружному виду это былъ еще совсѣмъ студентъ. И говорилъ, и ходилъ онъ, какъ студентъ, и взглядъ его сѣрыхъ глазъ былъ такой же живой, простой и открытый, какъ у хорошаго студента. Рядомъ со своею высокою и красивою сестрой онъ казался слабымъ, жидкимъ; и борода у него была жидкая, и голосъ тоже—жиденскій, тенорокъ, довольно, впрочемъ, пріятный. Онъ служилъ гдѣ-то въ полку и теперь прѣхалъ въ отпускъ къ своимъ, и говорилъ, что осенью поѣдетъ въ Петербургъ держать экзаменъ на доктора медицины. У него уже была своя семья—жена и трое дѣтей; женился онъ рано, когда еще былъ на второмъ курсѣ, и теперь въ городѣ рассказывали про него, что онъ несчастливъ въ семейной жизни и уже не живетъ съ женой.

— Который теперь часъ?—безпокоилась сестра.—Намъ бы пораньше вернуться, папа отпустилъ меня къ брату только до шести часовъ.

— Охъ, ужъ вашъ папа!—вздыхнулъ докторъ.

Я поставилъ самоваръ. На коврѣ передъ террасой большого дома мы пили чай, и докторъ, стоя на колѣняхъ, пилъ изъ блюдечка и говорилъ, что онъ испытываетъ блаженство. Потомъ Чепраковъ сходилъ за ключомъ и отперъ стеклянную дверь, и всѣ мы вошли въ домъ. Было здѣсь сумрачно, таинственно, пахло грибами, и шаги наши издавали гулкой шумъ, точно подъ поломъ былъ подвалъ. Докторъ, стоя, тронулъ клавиши фортепіано, и оно отвѣтило ему слабо, дрожащимъ, силнымъ, но еще стройнымъ аккордомъ; онъ попробовалъ голосъ и запѣлъ какой-то романсъ, морщась и нетерпѣливо стуча ногой, когда какой-нибудь

клавншъ оказывался нѣмымъ. Моя сестра уже не собралась домой, а въ волненіи ходила по комнатѣ и говорила:

— Мнѣ весело! Мнѣ очень, очень весело!

Въ ея голосѣ слышалось удивленіе, точно ей казалось невѣроятнымъ, что у нея тоже можетъ быть хорошо на душѣ. Это первый разъ въ жизни я видѣлъ ее такою веселою. Она даже похорошѣла. Въ профиль она была некрасива, у нея носъ и ротъ какъ-то выдавались впередъ и было такое выраженіе, точно она дула, но у нея были прекрасные темные глаза, блѣдный, очень нѣжный цвѣтъ лица и трогательное выраженіе доброты и печали, и когда она говорила, то казалась миловидною и даже красивою. Мы оба, я и она, уродились въ нашу мать, широкіе въ плечахъ, сильные, выносливые, но блѣдность у нея была болѣзненная, она часто кашляла, и въ глазахъ у нея я иногда подмѣчалъ выраженіе, какое бываетъ у людей, которые серьезно больны, но почему-то скрываютъ это. Въ ея теперешней веселости было что-то дѣтское, наивное, точно та радость, которую во время нашего дѣтства пригнетали и заглушали суровымъ воспитаніемъ, вдругъ проснулась теперь въ душѣ и вырвалась на свободу.

Но когда наступилъ вечеръ, и подали лошадей, сестра притихла, осунулась и сѣла на лянейку съ такимъ видомъ, какъ будто это была скамья подсудимыхъ.

Вотъ они всѣ уѣхали, шумъ затихъ... Я вспомнилъ, что Анюта Благово за все время не сказала со мною ни одного слова.

«Удивительная дѣвушка! — подумалъ я. — Удивительная дѣвушка!»

Наступилъ Петровскій постъ, и насъ уже каждый день кормили постнымъ. Отъ праздности и неопредѣленности положенія, меня тяготила физическая тоска, и я, недовольный собою, вялый, голодный, слонялся по усадьбѣ и только ждалъ подходящаго настроенія, чтобы уйти.

Какъ-то передъ вечеромъ, когда у насъ во флигелѣ сидѣлъ Рѣдька, неожиданно вошелъ Должиковъ, сильно загорѣвшій и сѣрый отъ пыли. Онъ три дня пробылъ на своемъ участкѣ и теперь пріѣхалъ въ Дубечню на паровозѣ, а къ намъ со станціи пришелъ пѣшкомъ. Въ ожиданіи экипажа, который долженъ былъ придти изъ города, онъ со своимъ приказникомъ обошелъ усадьбу, громкимъ

голосомъ давая приказанія, потомъ цѣлый часъ сидѣлъ у насъ во флигелѣ и писалъ какія-то письма; при немъ на его имя приходили телеграммы, и онъ самъ выстукивалъ отвѣты. Мы трое стояли молча, на-вытяжку.

— Какіе беспорядки!—сказалъ онъ, брезгливо заглянувъ въ вѣдомость. — Черезъ двѣ недѣли я перевожу контору на станцію и ужъ не знаю, что мнѣ съ вами дѣлать, господа.

— Я стараюсь, ваше высокородіе, — проговорилъ Чепраковъ.

— То-то, вижу, какъ вы стараетесь. Только жалованье умѣете получать,—продолжалъ инженеръ, глядя на меня.— Все надѣетесь на протекцію, какъ бы поскорѣе и полегче faire la carrière. Ну, я не посмотрю на протекцію. За меня никто не хлопоталъ-съ. Прежде чѣмъ мнѣ дали дорогу, я ходилъ машинистомъ, работалъ въ Бельгін, какъ простой смазчикъ-съ. А ты, Пантелей, что здѣсь дѣлаешь?—спросилъ онъ, повернувшись къ Рѣдкѣ. — Пьянствуешь съ ними?

Онъ всѣхъ простыхъ людей почему-то называлъ Пантелеями, а такихъ, какъ я и Чепраковъ, презиралъ и за глаза обзывалъ пьяницами, скотами, сволочью. Вообще къ мелкимъ служащимъ онъ былъ жестокъ и штрафовалъ, и гонялъ ихъ со службы холодно, безъ объясненій.

Наконецъ, пріѣхали за нимъ лошади. Онъ на прощанье пообѣщалъ уволить всѣхъ насъ черезъ двѣ недѣли, обозвалъ приказчика болваномъ и затѣмъ, развалившись въ коляскѣ, покатилъ въ городъ.

— Андрей Ивановичъ,—сказалъ я Рѣдкѣ:—возьмите меня къ себѣ въ рабочіе.

— Ну, что жъ!

И мы пошли вмѣстѣ по направленію къ городу. Когда станція и усадьба остались далеко за нами, я спросилъ:

— Андрей Ивановичъ, зачѣмъ вы давеча приходили въ Дубечню?

— Первое, ребята мои работаютъ на линіи, а второе—приходилъ къ генеральшиѣ проценты платить. Лѣтотиній годъ я у нея полсотню взялъ и плачу теперь ей по рублю въ мѣсяць.

Маляръ остановился и взялъ меня за пуговицу.

— Мисаилъ Алексѣичъ, ангелъ вы нашъ, — продолжалъ

онъ:—я такъ понимаю, ежели какой простой человекъ или господинъ беретъ даже самый малый процентъ, тотъ уже есть злодѣй. Въ такомъ человекѣ не можетъ правда существовать.

Тошій блѣдный, страшный Рѣдка закрылъ глаза, покачалъ головой и изрекъ тономъ философа:

— Тля ѣсть траву, ржа—жельзо, а джа—душу. Господи, спаси насъ грѣшныхъ!

V.

Рѣдка былъ не практиченъ и плохо умѣлъ соображать; набиралъ онъ работы больше, чѣмъ могъ исполнить, и при расчетѣ тревожился, терялся и потому почти всегда бывалъ въ убыткѣ. Онъ красилъ, вставлялъ стекла, оклеивалъ обоями и даже принималъ на себя кровельныя работы, и я помню, какъ онъ, бывало, изъ-за ничтожнаго заказа бѣгалъ дня по три, отыскивая кровельщиковъ. Это былъ превосходный мастеръ, случалось ему иногда зарабатывать до десяти рублей въ день, и если бы не это желаніе — во что бы то ни стало, быть главнымъ и называться подрядчикомъ, то у него, вѣроятно, водились бы хорошія деньги.

Самъ онъ получалъ издѣльно, а мнѣ и другимъ ребятамъ платилъ поденно, отъ семидесяти копеекъ до рубля въ день. Пока стояла жаркая и сухая погода, мы исполняли разныя наружныя работы, главнымъ образомъ красили крыши. Съ непривычки моимъ ногамъ было горячо, точно я ходилъ по раскаленной плитѣ, а когда надѣвалъ валенки, то ногамъ было душно. Но это только на первыхъ порахъ, потомъ же я привыкъ и все пошло, какъ по маслу. Я жилъ теперь среди людей, для которыхъ трудъ былъ обязательенъ и неизбѣженъ и которые работали, какъ ломовыя лошади, часто не сознавая нравственнаго значенія труда и даже никогда не употребляя въ разговорѣ самаго слова «трудъ»; около нихъ и я тоже чувствовалъ себя ломовикомъ, все болѣе проникаясь обязательностью и неизбѣжностью того, что я дѣлалъ, и это облегчало мнѣ жизнь, избавляя отъ всякихъ сомнѣній.

Въ первое время все занимало меня, все было ново, точно я вновь родился. Я могъ спать на землѣ, могъ ходить босикомъ, — а это чрезвычайно приятно; могъ стоять

въ толпѣ простого народа, никого не стѣсняя, и когда на улицѣ падала извозничья лошадь, то я бѣжалъ и помогаль поднять ее, не боясь запачкать свое платье. А, главное, я жилъ на свой собственный счетъ и никому не былъ въ тягость!

Окраска крышъ, особенно съ нашею олифой и краской, считалась очень выгоднымъ дѣломъ, и потому эту грубой, скучной работою не брезговали даже такіе хорошіе мастера, какъ Рѣдка. Въ короткихъ брючкахъ, съ тонкими лиловыми ногами, онъ ходилъ по крышѣ, похожій на анста, и я слышалъ, какъ, работая кистью, онъ тяжело вздыхаль и говорилъ:

— Горе, горе намъ, грѣшнымъ!

По крышѣ онъ ходилъ такъ же свободно, какъ по полу. Несмотря на то, что онъ былъ боленъ и блѣденъ, какъ мертвецъ, приткость у него была необыкновенная; онъ такъ же, какъ молодые, красилъ куполъ и главы церкви безъ подмостковъ, только при помощи лѣстницъ и веревки, и было немножко страшно, когда онъ тутъ, стоя на высотѣ, далеко отъ земли, выпрямлялся во весь свой ростъ и изрекалъ неизвѣстно для кого:

— Тля ѣсть траву, ржа—желѣзо, а лжа—душу!

Или же, думая о чемъ-нибудь, отвѣчалъ вслухъ своимъ мыслямъ:

— Все можетъ быть! Все можетъ быть!

Когда я возвращался съ работы домой, то всѣ эти, которые сидѣли у воротъ на лавочкахъ, всѣ приказчики, мальчишки и ихъ хозяева пускали мнѣ вслѣдъ разныя замѣчанія, насмѣшливыя и злобныя, и это на первыхъ порахъ волновало меня и казалось просто чудовищнымъ.

— Маленькая польза!—слышалось со всѣхъ сторонъ. — Маляръ! Охра!

И никто не относился ко мнѣ такъ немилостиво, какъ именно тѣ, которые еще такъ недавно сами были простыми людьми и добывали себѣ кусокъ хлѣба чернымъ трудомъ. Въ торговыхъ рядахъ, когда я проходилъ мимо желѣзной лавки, меня, какъ бы нечаянно, обливали водой, и разъ даже швырнули въ меня палкой. А одинъ купецъ-рыбникъ, сѣдой старикъ, загородилъ мнѣ дорогу и сказалъ, глядя на меня со злобой:

— Не тебя, дурака, жалко! Отца твоего жалко!

А мои знакомые при встрѣчахъ со мною почему-то конфузились. Одни смотрѣли на меня, какъ на чудака и шута, другимъ было жаль меня, третьи же не знали, какъ относиться ко мнѣ, и понять ихъ было трудно. Какъ-то днемъ, въ одномъ изъ переулковъ около нашей Большой Дворянской, я встрѣтилъ Анюту Благово. Я шелъ на работу и несъ двѣ длинныхъ кисти и ведро съ краской. Узнавъ меня, Анюта вспыхнула.

— Прошу васъ не кланяться мнѣ на улицѣ...— проговорила она первно, сурово, дрожащимъ голосомъ, не подавая мнѣ руки, и на глазахъ у нея вдругъ заблестѣли слезы.— Если, по-вашему, все это такъ нужно, то пусть... пусть, но прошу васъ, не встрѣчайтесь со мною!

Я уже жилъ не на Большой Дворянской, а въ предмѣстьѣ Макарихѣ, у своей няни Карповны, доброй, но мрачной старушки, которая всегда предчувствовала что-нибудь дурное, боялась всѣхъ сновъ вообще и даже въ пчелахъ и въ осахъ, которыя залетали къ ней въ комнату, видѣла дурныя примѣты. И то, что я сдѣлался рабочимъ, по ея мнѣнію, не предвѣщало ничего хорошаго.

— Пропала твоя головушка! — говорила она печально, покачивая головой.— Пропала!

Съ нею въ домикъ жилъ ея пріемышъ Прокофій, мясникъ, громадный, неуклюжій малый лѣтъ тридцати, рыжій, съ жесткими усами. Встрѣчаясь со мною въ сѣняхъ, онъ молча и почтительно уступалъ мнѣ дорогу, и, если былъ пьянъ, то всей пятерней дѣлалъ мнѣ подъ-козырекъ. По вечерамъ онъ ужиналъ и сквозь дощатую перегородку мнѣ слышно было, какъ онъ кричалъ и вздыхалъ, выпивая рюмку за рюмкой.

— Мамаша!—звалъ онъ вполголоса.

— Ну? — отзывалась Карповна, любившая безъ памяти своего пріемыша.—Что сынокъ?

— Я вамъ, мамаша, могу снисхождение сдѣлать. Въ сей земной жизни буду васъ питать на старости лѣтъ въ юдоли, а когда помрете, на свой счетъ похороню. Сказалъ — и вѣрно.

Вставалъ я каждый день до восхода солнца, ложился рано. Ъли мы, маляры, очень много и спали крѣпко, и только почему-то по ночамъ сильно билось сердце. Съ товарищами я не ссорился. Брань, отчаянныя клятвы и по-

желанія въ родѣ того, напримѣръ, чтобы лопнули глаза или схватила холера, не прекращались весь день, но, тѣмъ не менѣе, все-таки жили мы между собою дружно. Ребята подозрѣвали во мнѣ религіознаго сектанта и добродушно подшучивали надо мною, говоря, что отъ меня даже родной отецъ отказался, и тутъ же рассказывали, что сами они рѣдко заглядываютъ въ храмъ Божій и что многіе изъ нихъ по десяти лѣтъ на духу не бывали, и такое свое безпутство оправдывали тѣмъ, что маляръ среди людей все равно, что галка среди птицъ.

Ребята уважали меня и относились ко мнѣ съ почтеніемъ; имъ, очевидно, нравилось, что я не пью, не курю и веду тихую, степенную жизнь. Ихъ только непріятно шокировало, что я не участвую въ кражѣ олифы и вмѣстѣ съ ними не хожу къ заказчикамъ просить на чай. Кража хозяйской олифы и краски была у маляровъ въ обычаѣ и не считалась кражей, и замѣчательно, что даже такой справедливый человѣкъ, какъ Рѣдка, уходя съ работы, всякій разъ уносилъ съ собою немножко бѣлилъ и олифы. А просить на чай не стыдились даже почтенные старики, имѣвшіе въ Макарихѣ собственные дома, и было досадно и стыдно, когда ребята гурьбой поздравляли какое-нибудь ничтожество съ первоначатіемъ или окончаніемъ и, получивъ отъ него гривеникъ, униженно благодарили.

Съ заказчиками они держали себя, какъ лукавые царедворцы, и мнѣ почти каждый день вспоминался шекспировскій Полоній.

— А, должно-быть, дождь будетъ,—говорилъ заказчикъ, глядя на небо.

— Будетъ, безпремѣнно будетъ!—соглашались маляры.

— Впрочемъ, облака не дождевыя. Пожалуй, не будетъ дождя.

— Не будетъ, ваше высокородіе. Вѣрно, не будетъ.

Загазно они относились къ заказчикамъ вообще иронически, и, когда, напримѣръ, видѣли барина, сидящаго на балконѣ съ газетой, то замѣчали:

— Газету читаетъ, а ѣсть небось нечего.

Дома у своихъ я не бывалъ. Возвращаясь съ работы, я часто находилъ у себя записки, короткія и тревожныя, въ которыхъ сестра писала мнѣ объ отцѣ: то онъ былъ за обѣдомъ какъ-то особенно задумчивъ и ничего не ѣлъ, то

пошатнулся, то заперся у себя и долго не выходилъ. Такія извѣстія волновали меня, я не могъ спать и, случилось даже, ходилъ ночью по Большой Дворянской мимо нашего дома, вглядываясь въ темныя окна и стараясь угадать, все ли дома благополучно. По воскресеньямъ приходила ко мнѣ сестра, но украдкой, будто не ко мнѣ, а къ нянькѣ. И если входила ко мнѣ, то очень блѣдная, съ заплаканными глазами, и тотчасъ же начинала плакать:

— Нашъ отецъ не перенесетъ этого! — говорила она. — Если, не дай Богъ, съ нимъ случится что-нибудь, то тебя всю жизнь будетъ мучить совѣсть. Это ужасно, Мисаилъ! Именемъ нашей матери умоляю тебя: исправься!

— Сестра, дорогая моя, — говорилъ я: — какъ исправляться, если я убѣжденъ, что поступаю по совѣсти? Пойми!

— Я знаю, что по совѣсти, но, можетъ-быть, это можно какъ-нибудь иначе, чтобы никого не огорчать.

— Охъ, батюшки! — вздыхала за дверью старуха. — Пропала твоя головушка! — Быть бѣдѣ, родимые мои, быть бѣдѣ!

VI.

Въ одно изъ воскресеній ко мнѣ неожиданно явился докторъ Благово. Онъ былъ въ китель поверхъ шелковой рубахи и въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ.

— А я къ вамъ! — началъ онъ, крѣпко, по-студенчески пожимая мнѣ руку. — Каждый день слышу про васъ и все собираюсь къ вамъ потолковать, какъ говорится, по душамъ. Въ городѣ страшная скука, нѣтъ ни одной живой души, не съ кѣмъ слово сказать. Жарко, Мать Пречистая! — продолжать онъ, снимая китель и оставаясь въ одной шелковой рубахѣ. — Годубчикъ, позвольте съ вами поговорить!

Мнѣ самому было скучно и давно уже хотѣлось побыть въ обществѣ не маляровъ. Я искренно обрадовался ему.

— Начну съ того, — сказалъ онъ, садясь на мою постель: — что я вамъ сочувствую отъ всей души и глубоко уважаю эту вашу жизнь. Здѣсь въ городѣ васъ не понимаютъ, да и некому понимать, такъ какъ, сами знаете, здѣсь, за весьма малыми исключеніями, все гоголевскія свинья рыла. Но я тогда же на пикникъ сразу угадалъ васъ. Вы — благородная душа, честный, возвышенный человекъ! Уважаю васъ и считаю за великую честь пожать

вашу руку! — продолжалъ онъ восторженно. — Чтобы измѣнить такъ рѣзко и круто свою жизнь, какъ сдѣлали это вы, нужно было пережить сложный душевный процессъ, и, чтобы продолжать теперь эту жизнь и постоянно находиться на высотѣ своихъ убѣжденій, вы должны изо дня-въ-день напряженно работать и умомъ, и сердцемъ. Теперь, для начала нашей бесѣды, скажите, не находите ли вы, что если бы силу воли, это напряженіе, всю эту потенцію, вы затратили на что-нибудь другое, напримѣръ, на то, чтобы сдѣлаться со временемъ великимъ ученымъ или художникомъ, то ваша жизнь захватывала бы шире и глубже и была бы продуктивнѣе во всѣхъ отношеніяхъ?

Мы разговорились, и когда у насъ зашла рѣчь о физическомъ трудѣ, то я выразилъ такую мысль: нужно, чтобы сильные не поработали слабыхъ, чтобы меньшинство не было для большинства паразитомъ или насосомъ, высасывающимъ изъ него хронически лучшіе соки, то-есть, нужно, чтобы всѣ безъ исключенія—и сильные и слабые, богатые и бѣдные, равномерно участвовали въ борьбѣ за существованіе, каждый самъ за себя, а въ этомъ отношеніи нѣтъ лучшаго нивелирующаго средства, какъ физическій трудъ, въ качествѣ общей для всѣхъ обязательной повинности.

— Стало-быть, по-вашему, физическимъ трудомъ должны заниматься всѣ безъ исключенія?—спросилъ докторъ.

— Да.

— А не находите ли вы, что если всѣ, въ томъ числѣ и лучшіе люди, мыслители и великіе ученые, участвуя въ борьбѣ за существованіе каждый самъ за себя, станутъ тратить время на битіе щекня и окраску крышъ, то это можетъ угрожать прогрессу серьезною опасностью?

— Въ чемъ же опасность?—спросилъ я. — Въдѣ прогрессъ — въ дѣлахъ любви. въ исполненіи нравственнаго закона. Если вы никого не поработаете, никому не въ тягость, то какого вамъ нужно еще прогресса?

— Но, позвольте!—вдругъ всплылъ Благово, вставая. — Но, позвольте! Если улитка въ своей раковинѣ занимается личнымъ самосовершенствованіемъ и ~~ковырится~~ занимается въ нравственномъ законѣ, то вы это называете прогрессомъ?

— Почему же—ковырится?—обидѣлся я. —Если вы не заставляете своихъ ближнихъ кормить васъ, одѣвать, возить, защищать васъ отъ враговъ, то въ жизни, которая

вся построена на рабствѣ, развѣ это не прогрессъ? Помоему, это прогрессъ самый настоящій и, пожалуй, единственно возможный и нужный для человѣка.

— Предѣлы общечеловѣческаго, мірового прогресса въ безконечности, и говорить о какомъ-то «возможномъ» прогрессѣ, ограниченномъ нашими нуждами или временными воззрѣніями, это, извините, даже странно.

— Если предѣлы прогресса въ безконечности, какъ вы говорите, то, значить, цѣли его неопредѣленны, — сказать я.— Жить и не знать опредѣленно, для чего живешь!

— Пусть! Но это «не знать» не такъ скучно, какъ ваше «знать». Я иду по лѣстницѣ, которая называется прогрессомъ, цивилизаціей, культурой, иду и иду, не зная опредѣленно, куда иду, но, право, ради одной этой чудесной лѣстницы стоить жить; а вы знаете, ради чего живете, — ради того, чтобы одни не поработали другихъ, чтобы художникъ и тотъ, кто растираетъ для него краски, обѣдали одинаково. Но вѣдь это мѣщанская, кухонная, сѣрая сторона жизни, и для нея одной жить — неужели не противно? Если одни насѣкомья поработаютъ другихъ, то и чортъ съ ними, пусть съѣдаютъ другъ друга! Не о нихъ намъ надо думать, — вѣдь они все равно помрутъ и сгниютъ, какъ ни спасайте ихъ отъ рабства, — надо думать о томъ великомъ иксѣ, который ожидаетъ все человѣчество въ отдаленномъ будущемъ.

Благово спорить со мною горячо, но въ то же время было замѣтно, что его волнуетъ какая-то посторонняя мысль.

— Должно-быть, ваша сестра не придетъ, — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на часы. — Вчера она была у нашихъ и говорила, что будетъ у васъ. Вы все толкуете — рабство, рабство... — продолжалъ онъ. — Но вѣдь это вопросъ частный, и всѣ такіе вопросы рѣшаются человѣчествомъ постепенно, само собой.

Заговорили о постепенности. Я сказалъ, что вопросъ — дѣлать добро или зло, каждый рѣшаетъ самъ за себя, не дожидаясь, когда человѣчество подойдетъ къ рѣшенію этого вопроса путемъ постепеннаго развитія. Къ тому же постепенность — палка о двухъ концахъ. Рядомъ съ процессомъ постепеннаго развитія идей гуманныхъ наблюдается и постепенный ростъ идей иного рода. Крѣпостного права

нѣтъ, зато растетъ капитализмъ. И въ самый разгаръ освободительныхъ идей, такъ же, какъ во времена Батя, большинство кормить, одѣваетъ и защищаетъ меньшинство, оставаясь само голоднымъ, раздѣтымъ и беззащитнымъ. Такой порядокъ прекрасно уживается съ какими угодно вѣяніями и теченіями, потому что искусство порабощенія тоже культивируется постепенно. Мы уже не деремъ на конюшнѣ нашихъ лакеевъ, но мы придаемъ рабству утонченныя формы, по крайней мѣрѣ, умѣемъ находить для него оправданіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. У насъ идеи — идеями, но если бы теперь, въ концѣ XIX вѣка, можно было взвалить на рабочихъ еще также наши самыя непріятныя фізіологическія отправления, то мы взвалили бы, и потомъ, конечно, говорили бы въ свое оправданіе, что если, молъ, лучшіе люди, мыслители и великіе ученые станутъ тратить свое золотое время на эти отправления, то прогрессу можетъ угрожать серьезная опасность.

Но вотъ пришла и сестра. Увидѣвъ доктора, она засуетилась, встревожилась и тотчасъ же заговорила о томъ, что ей пора домой, къ отцу.

— Клеопатра Алексѣевна, — сказала Благово убѣдительно, прижимая обѣ руки къ сердцу: — что станетъ съ вашимъ батюшкой, если вы проведете со мною и братомъ какихъ-нибудь полчаса?

Онъ былъ простосердеченъ и умѣлъ сообщать свое оживленіе другимъ. Моя сестра, подумавъ минуту, размѣялась и повеселѣла вдругъ, внезапно, какъ тогда на пикникѣ. Мы пошли въ поле и, расположившись на травѣ, продолжали нашъ разговоръ и смотрѣли на городъ, гдѣ всѣ окна, обращенныя на западъ, казались ярко золотыми отъ того, что заходило солнце.

Послѣ этого, всякій разъ, когда приходила ко мнѣ сестра, являлся и Благово, и оба здоровались съ такимъ видомъ, какъ будто встрѣча ихъ у меня была нечаянной. Сестра слушала, какъ я и докторъ спорили, и въ это время выраженіе у нея было радостно восторженное, умиленное и пылливое, и мнѣ казалось, что передъ ея глазами открывался мало-по-малу иной міръ, какого она раньше не видала даже во снѣ и какой старалась угадать теперь. Безъ доктора она была тиха и грустна, и если теперь иногда

плакала, сидя на моей постели, то уже по причинам, о которых не говорила.

Въ августѣ Рѣдька приказалъ намъ собираться на линію. Дня за два передъ тѣмъ, какъ насъ «погнали» за городъ, ко мнѣ пришелъ отецъ. Онъ сѣлъ и не спѣша, не глядя на меня, вытеръ свое красное лицо, потомъ досталъ изъ кармана нашъ городской «Вѣстникъ» и медленно, съ удареніемъ на каждомъ словѣ, прочелъ о томъ, что мой сверстникъ, сынъ управляющаго конторою Государственнаго банка, назначенъ начальникомъ отдѣленія въ казенной палатѣ.

— А теперь взгляни на себя, — сказалъ онъ, складывая газету: — нищій, оборванецъ, негодяй! Даже мѣщане и крестьяне получаютъ образованіе, чтобы стать людьми, а ты, Полозневъ, имѣющій знатныхъ, благородныхъ предковъ, стремишься въ грязь! Но я пришелъ сюда не для того, чтобы разговаривать съ тобою; на тебя я уже махнулъ рукой, — продолжалъ онъ придушеннымъ голосомъ, вставая. — Я пришелъ затѣмъ, чтобы узнать: гдѣ твоя сестра, негодяй? Она ушла изъ дому послѣ обѣда, и вотъ уже восьмой часъ, а ея нѣтъ. Она стала часто уходить, не говоря мнѣ, она уже менѣе почтительна, — и я вижу тутъ твое злое, подлое вліяніе. Гдѣ она?

Въ рукахъ у него былъ знакомый мнѣ зонтикъ, и я уже растерялся и вытянулся, какъ школьникъ, ожидая, что отецъ начнетъ бить меня, но онъ замѣтилъ взглядъ мой, брошенный на зонтикъ, и, вѣроятно, это сдержало его.

— Живи, какъ хочешь! — сказалъ онъ. — Я лишаю тебя моего благословенія!

— Батюшки-свѣты! — бормотала за дверью нянька. — Вѣдая, несчастная твоя головушка! Охъ, чувствуетъ мое сердце, чувствуетъ!

Я работалъ на линіи. Весь августъ непрерывно шли дожди, было сыро и холодно; съ полей не свозили хлѣба, и въ большихъ хозяйствахъ, гдѣ косили машинами, пшеница лежала не въ копнахъ, а въ кучахъ, и я помню, какъ эти печальныя кучи съ каждымъ днемъ становились все темнѣе, и зерно прорастало въ нихъ. Работать было трудно; ливень портилъ все, что мы успѣвали сдѣлать. Жить и спать въ станціонныхъ зданіяхъ намъ не позволялось, и ютились мы въ грязныхъ, сырыхъ землянкахъ, гдѣ лѣтомъ

жила «чугунка», и по ночамъ я не могъ спать отъ холода и отъ того, что по лицу и по рукамъ ползали мокрицы. А когда работали около мостовъ, то по вечерамъ приходила къ намъ гурьбой «чугунка» только затѣмъ, чтобы бить маляровъ,—для нея это былъ родъ спорта. Насъ били, выкрадывали у насъ кисти и, чтобы раздражить насъ и вызвать на драку, портили нашу работу, напримѣръ, вымазывали будки зеленою краской. Въ довершеніе всѣхъ нашихъ бѣдъ, Рѣдка сталъ платить крайне неисправно. Всѣ малярныя работы на участкѣ были сданы подрядчику, этотъ сдалъ другому, и уже этотъ сдалъ Рѣдкѣ, выговоривъ себѣ процентовъ двадцать. Работа сама-по-себѣ была невыгодна, а тутъ еще дожди; время пропадало даромъ, мы не работали, а Рѣдка былъ обязанъ платить ребятамъ поденно. Голодные маляры едва не били его, обзывали жуликомъ, кровосійцей, Иудой-христопродавцемъ, а онъ, бѣдняга, вздыхалъ, въ отчаяніи воздвигалъ къ небу руки и то-и-дѣло ходилъ къ госпожѣ Чепраковой за деньгами.

VII.

Наступила дождливая, грязная, темная осень. Наступила безработица, и я дня по три сидѣлъ дома безъ дѣла, или же исполнялъ разныя не малярныя работы, напримѣръ, таскалъ землю для чернаго наката, получая за это по двугривенному въ день. Докторъ Благово уѣхалъ въ Петербургъ. Сестра не приходила ко мнѣ. Рѣдка лежалъ у себя дома больной, со дня на день ожидая смерти.

И настроеніе было осеннее. Быть-можетъ, отъ того, что, ставши рабочимъ, я уже видѣлъ нашу городскую жизнь только съ ея изнанки, почти каждый день мнѣ приходилось дѣлать открытія, приводившія меня просто въ отчаяніе. Тѣ мои сограждане, о которыхъ раньше я не былъ никакого мнѣнія, или которые съ вишней стороны представлялись вполне порядочными, теперь оказывались людьми низкими, жестокими, способными на всякую гадость. Насъ, простыхъ людей, обманывали, обсчитывали, заставляли по цѣлымъ часамъ дожидаться въ холодныхъ сѣняхъ или въ кухнѣ, насъ оскорбляли и обращались съ нами крайне грубо. Осенью въ нашемъ клубѣ я оклеивалъ обоями читальню и двѣ комнаты; мнѣ заплатили по семи копеекъ за кусокъ, но приказали расписаться—по двѣнадцати, и когда

я отказался исполнить это, то благообразный господинъ въ золотыхъ очкахъ, должно-быть, одинъ изъ старшинъ клуба, сказать мнѣ:

— Если ты, мерзавецъ, будешь еще много разговаривать, то я тебѣ всю морду побью.

И когда лакей шепнулъ ему, что я сынъ архитектора Полозиева, то онъ сконфузился, покраснѣлъ, но тотчасъ же оправился и сказалъ:

— А чортъ съ нимъ!

Въ лавкахъ намъ, рабочимъ, сбывали тухлое мясо, легкую муку и спитой чай; въ церкви насъ толкала полиція, въ больницахъ насъ обирали фельдшера и сидѣлки, и, если мы по бѣдности не давали имъ взятку, то насъ въ отместку кормили изъ грязной посуды; на почтѣ самый маленькій чиновникъ считалъ себя въ правѣ обращаться съ нами, какъ съ животными, и кричать грубо и нагло: «Обожди! Куда лѣзешь?» Даже дворовыя собаки—и тѣ относились къ намъ недружелюбно и бросались на насъ съ какою-то особенною злобой. Но главное, что больше всего поражало меня въ моемъ новомъ положеніи, это совершенное отсутствіе справедливости, именно то самое, что у народа опредѣляется словами: «Бога забыли». Рѣдкій день обходился безъ мошенничества. Мошенничали и купцы, продававшіе намъ олшфу, и подрядчики, и ребята, и сами заказчики. Само собою, ни о какихъ нашихъ правахъ не могло быть и рѣчи, и свои заработанныя деньги мы должны были всякій разъ выпрашивать какъ милостыню, стоя у черного крыльца безъ шанокъ.

И оклеивалъ въ клубѣ одну изъ комнатъ, смежныхъ съ читальней: вечеромъ, когда я уже собирался уходить, въ эту комнату вошла дочь инженера Должикова, съ начкой книгъ въ рукахъ.

И поклонился ей.

— А, здравствуйте! — сказала она, тотчасъ же узнавъ меня и протягивая руку.—Очень рада васъ видѣть.

Она улыбалась и осматривала съ любопытствомъ и съ недоумѣніемъ мою блузу, ведро съ клейстеромъ, обои, растянутые на полу: я смутился, и ей тоже стало неловко.

— Вы извините, что я на васъ смотрю такъ,—сказала она.—Мнѣ много говорили о васъ. Особенно докторъ Благотова,—онъ просто влюбленъ въ васъ. И съ сестрой вашей

я уже познакомилась; милая, симпатичная дѣвушка, но я никакъ не могла убѣдить ее, что въ вашемъ опрощеніи нѣтъ ничего ужаснаго. Напротивъ, вы теперь самый интеллигентный человѣкъ въ городѣ.

Она опять поглядѣла на ведро съ клейстеромъ, на обои и продолжала:

— Я просила доктора Благово познакомить меня съ вами поближе, но, очевидно, онъ забылъ или не успѣлъ. Какъ бы ни было, мы все-таки знакомы, и если бы вы пожаловали ко мнѣ какъ-нибудь запросто, то я была бы вамъ чрезвычайно обязана. Мнѣ такъ хочется поговорить! Я простой человѣкъ,—сказала она, протягивая мнѣ руку:—и надѣюсь, у меня вы будете безъ стѣсненія. Отца нѣтъ, онъ въ Петербургѣ.

Она ушла въ читальню, шурша платьемъ, а я, придя домой, долго не могъ уснуть.

Въ эту же невеселую осень какая-то добрая душа, очевидно, желая хотя немного облегчить мое существованіе, изрѣдка присылала мнѣ то чаю и лимоновъ, то печеній, то жареныхъ рябчиковъ. Карповна говорила, что приносила это всякій разъ солдатъ, а отъ кого—неизвѣстно; и солдатъ разспрашивала, здоровъ ли я, каждый ли день я обѣдаю и есть ли у меня теплое платье. Когда наступили морозы, мнѣ такимъ же образомъ, въ мое отсутствіе, съ солдатомъ прислали мягкій вязанный шарфъ, отъ котораго шелъ нѣжный, едва уловимый запахъ духовъ, и я угадала, кто была моя добрая фея. Отъ шарфа пахло ландышами, любимыми духами Анюты Благово.

Къ зимѣ набралось больше работы, стало веселѣй. Рѣдка опять ожилъ, и мы вмѣстѣ работали въ кладбищенской церкви, гдѣ шпательвали иконостасъ для позолоты. Это была работа чистая, покойная и, какъ говорили наши, спорая. Въ одинъ день можно было много сработать, и притомъ время бѣжало быстро, незамѣтно. Ни брани, ни смѣха, ни громкихъ разговоровъ. Само мѣсто обязывало къ тишинѣ и благочинію и располагало къ тихимъ, серьезнымъ мыслямъ. Погруженные въ работу, мы стояли или сидѣли неподвижно, какъ статуи; была тишина мертвая, какая подобаешь кладбищу, такъ что если падалъ инструментъ или трещалъ огонь въ лампадкѣ, то звуки эти раздавались гулко и рѣзко—и мы оглядывались. Послѣ долгой тишины слышалось гу-

дѣнье, точно летѣли пчелы: это у притвора, не торопясь, виолголоса, отиѣвали младенца; или живописецъ, писавшій на куполѣ голубя и вокругъ него звѣзды, начиналъ тихо поспристывать и, спохватившись, тотчасъ же умолкалъ; или Рѣдка, отвѣчая своимъ мыслямъ, говорить со вздохомъ: «Все можетъ быть! Все можетъ быть!»; или надъ нашими головами раздавался медленный заунывный звоиъ, и маляры замѣчали, что это, должно-быть, богатаго покойника несутъ...

Дни проводилъ я въ этой тишинѣ, въ церковныхъ сумеркахъ, а въ длинные вечера играть на бильярдѣ или ходить въ театръ на галерею, въ своей новой триковой парѣ, которую я купилъ себѣ на заработанныя деньги. У Ажогинныхъ уже начались спектакли и концерты; декорации писалъ теперь одинъ Рѣдка. Онъ рассказывалъ мнѣ содержаніе пьесъ и живыхъ картинъ, какія ему приходилось видѣть у Ажогинныхъ, и я слушалъ его съ завистью. Меня сильно тянуло на репетици, но идти къ Ажогиннымъ я не рѣшался.

За недѣлю до Рождества пріѣхалъ докторъ Благово. И опять мы спорили, и по вечерамъ играли на бильярдѣ. Играя, онъ снималъ сюртукъ и разстегивалъ на груди рубашку, и вообще старался почему-то придать себѣ видъ отчаяннаго кутилы. Пилъ онъ немного, но шумно, и ухитрялся оставлять въ такомъ плохомъ, дешевомъ трактирѣ, какъ «Волга», по двадцати рублей въ вечеръ.

Опять у меня стала бывать сестра; оба они, увидѣвъ другъ друга, всякій разъ удивлялись, но по радостному, виноватому лицу ея видно было, что встрѣчи эти были не случайныя. Какъ-то вечеромъ, когда мы играли на бильярдѣ, докторъ сказалъ мнѣ:

— Послушайте, отчего вы не бываете у Должиковой? Вы не знаете Маріи Викторовны, это умница, прелесть, простая, добрая душа.

Я рассказалъ ему, какъ весною принялъ меня инженеръ.

— Пустое! — разсмѣялся докторъ. — Инженеръ — самъ по себѣ, а она — сама по себѣ. Право, голубчикъ, не обижайте ея, сходите къ ней какъ-нибудь. Напримѣръ, дайте сходимъ къ ней завтра вечеромъ. Хотите?

Онъ уговорилъ меня. На другой день вечеромъ, надѣвши свою новую триковую пару и волнуясь, я отправился къ

Должниковой. Лакей уже не показался мнѣ такимъ надменнымъ и страшнымъ и мебель такую роскошною, какъ въ то утро, когда я являлся сюда просителемъ. Марія Викторовна ожидала меня и встрѣтила, какъ стараго знакомаго, и пожала руку крѣпко, дружески. Она была въ сѣромъ суконномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ прическѣ, которую у насъ въ городѣ, годъ спустя, когда она вошла въ моду, называли «собачьими ушами». Волосы съ висковъ были зачесаны на уши, и отъ этого лицо у Маріи Викторовны стало какъ будто шире, и она показалась мнѣ въ этотъ разъ очень похожей на своего отца, у котораго лицо было широкое, румяное и въ выраженіи было что-то ямницкое. Она была красива и изящна, но не молода, дѣтъ тридцати на видъ, хотя на самомъ дѣлѣ ей было двадцать пять, не больше.

— Милый докторъ, какъ я ему благодарна! — говорила она, сажая меня. — Если бы не онъ, то вы не пришли бы ко мнѣ. Мнѣ скучно до смерти! Отецъ уѣхалъ и оставилъ меня одну, и я не знаю, чтѣ мнѣ дѣлать въ этомъ городѣ.

Затѣмъ она стала спрашивать меня, гдѣ я теперь работаю, сколько получаю, гдѣ живу.

— Вы тратите на себя только то, что зарабатываете? — спросила она.

— Да.

— Счастливый человекъ! — вздохнула она. — Въ жизни все зло, мнѣ кажется, отъ праздности, отъ скуки, отъ душевной пустоты, а все это неизбежно, когда привыкаешь жить на счетъ другихъ. Не подумайте, что я рисуюсь, искренно вамъ говорю: неинтересно и непріятно быть богатымъ. Приобрѣтайте друзей богатствомъ неправеднымъ — такъ сказано, потому что вообще имѣть и не можетъ быть богатства праведнаго.

Она съ серьезнымъ, холоднымъ выраженіемъ оглядѣла мебель, точно хотѣла сосчитать ее, и продолжала:

— Комфортъ и удобства обладаютъ волшебною силой; они мало-по-малу затягиваютъ людей даже съ сильною волей. Когда-то отецъ и я жили небогато и просто, а теперь видите какъ. Слыханное ли дѣло, — сказала она, пожавъ плечами: — мы проживаемъ до двадцати тысячъ въ годъ! Въ провинціи!

— На комфортъ и удобства приходится смотрѣть, какъ

на неизбѣжную привилегію капитала и образованія,—сказалъ я:—и мнѣ кажется, что удобства жизни можно сочетать съ какимъ угодно, даже съ самымъ тяжелымъ и грязнымъ трудомъ. Вашъ отецъ богатъ, однакоже, какъ онъ говоритъ, ему пришлось побывать и въ машинистахъ, и въ простыхъ смазчикахъ.

Она улыбнулась и съ сомнѣніемъ покачала головой.

— Папа иногда ѣсть и твю съ квасомъ, — сказала она.—Забава, прихоть!

Въ это время послышался звонокъ и она встала.

—*Образованные и богатые должны работать, какъ всѣ,— продолжала она:—а если комфортъ, то одинаково для всѣхъ. Никакихъ привилегій не должно быть. Ну, Богъ съ нею, съ философией. Расскажите мнѣ что-нибудь веселенькое, Расскажите мнѣ про маляровъ. Какіе они? Смѣшные?

Пришелъ докторъ. Я сталъ рассказывать про маляровъ, но съ непривычки стѣснялся и рассказывалъ, какъ отнюграфъ, серьезно и вяло. Докторъ тоже рассказалъ нѣсколько анекдотовъ изъ жизни мастеровыхъ. Онъ пошатывался, плакалъ, становился на колѣни и даже, изображая пьянаго, ложился на полъ. Это была настоящая актерская игра, и Марія Викторовна, глядя на него, хохотала до слезъ. Потомъ онъ игралъ на роялѣ и пѣлъ своимъ приятнымъ женскимъ теноромъ, а Марія Викторовна стояла воалѣ и выбрала для него, что пѣть, и поправляла, когда онъ ошибался.

— Я слышалъ, вы тоже поете?—спросилъ я.

— Тоже! — ужаснулся докторъ. — Она—чудная пѣвица, артистка, а вы—тоже! Эка хватилъ!

— Я когда-то занималась серьезно, — отвѣтила она на мой вопросъ:—но теперь бросила.

Сидя на низкой скамеечкѣ, она рассказывала намъ про свою жизнь въ Петербургѣ и изображала въ лицахъ извѣстныхъ пѣвцовъ, передразнивая ихъ голоса и манеру пѣть; рисовала въ альбомѣ доктора, потомъ мени, рисовала плохо, но оба мы вышли похожи. Она смѣялась, шалила, мило гримасничала, и это большешло къ ней, чѣмъ разговоры о богатствѣ несправедномъ, и мнѣ казалось, что говорила она со мною давеча о богатствѣ и комфортѣ не серьезно, а подражая кому-то. Это была превосходная комическая актриса. Я мысленно ставилъ ее рядомъ съ на-

шими барышнями, и даже красивая, солидная Анюта Благово не выдерживала сравненія съ нею; разница была громадная, какъ между хорошей культурной розой и дикимъ шиповникомъ.

Мы втроемъ ужинали. Докторъ и Марія Викторовна пили красное вино, шампанское и кофе съ коньякомъ; они чокались и шли за дружбу, за умъ, за прогрессъ, за свободу и не пьянѣли, а только раскраснѣлись и часто хохотали безъ причины, до слезъ. Чтобы не показаться скучнымъ, и я тоже пилъ красное вино.

— Талантливая, богато одаренная натуры, — сказала Должикова: — знаютъ, какъ имъ жить, и идутъ своею дорогою; средніе же люди, какъ я, напримѣръ, ничего не знаютъ и ничего сами не могутъ; имъ ничего больше не остается, какъ подмѣтить какое-нибудь глубокое общественное теченіе и плыть, куда оно понесетъ.

— Развѣ можно подмѣтить то, чего нѣтъ? — спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, потому что мы не видимъ.

— Такъ ли? Общественныя теченія — это новая литература выдумала. Ихъ нѣтъ у насъ.

Начался споръ.

— Никакихъ глубокихъ общественныхъ теченій у насъ нѣтъ и не было, — говорилъ докторъ громко. — Мало ли чего не выдумала новая литература! Она выдумала еще какихъ-то интеллигентныхъ тружениковъ въ деревнѣ, а у насъ обыщите все деревни и найдете развѣ только Неуважай-Корыто въ пиджакѣ или въ черномъ сюртукѣ, дѣлающаго въ словѣ «еще» четыре ошибки. Культурная жизнь у насъ еще не начиналась. Та же дикость, то же сплошное хамство, то же ничтожество, что и пятьсотъ лѣтъ назадъ. Теченія, вѣянія, но вѣдь все это мелко, мизерабельно, притянуто къ пошлымъ, грошовымъ интересамъ — и неужели въ нихъ можно видѣть что-нибудь серьезное? Если вамъ покажется, что вы подмѣтили глубокое общественное теченіе и, слѣдуя за нимъ, вы посвятите вашу жизнь такимъ задачамъ въ современномъ вкусѣ, какъ освобожденіе насѣкомыхъ отъ рабства или воздержаніе отъ говяжьихъ котлетъ, то — поздравляю васъ, сударыня. Учиться намъ нужно, учиться и учиться, а съ глубокими общественными тече-

пѣями погодимъ: мы еще не доросли до нихъ и, по совѣсти, ничего въ нихъ не понимаемъ.

— Вы не понимаете, а я понимаю, — сказала Марія Викторовна. — Вы сегодня Богъ знаетъ какой скучный!

— Наше дѣло—учиться и учиться, стараться накоплять возможно больше знаній, потому что серьезныя общественныя теченія тамъ, гдѣ знанія, и счастье будущаго человѣчества только въ знаніи. Цѣю за науку!

— Одно несомнѣнно: надо устраивать себѣ жизнь какъ-нибудь по-иному, — сказала Марія Викторовна, помолчавъ и подумавъ: — а та жизнь, какая была до сихъ поръ, ничего не стѣбитъ. Не будемъ говорить о ней.

Когда мы вышли отъ нея, то въ соборѣ было уже два часа.

— Понравилась? — спросилъ докторъ. — Не правда ли, славная?

Въ первый день Рождества мы обѣдали у Маріи Викторовны, и потомъ, въ продолженіе всѣхъ праздниковъ, ходили къ ней почти каждый день. У нея никто не бывалъ, кромѣ насъ, и она была права, когда говорила, что, кромѣ меня и доктора, у нея въ городѣ нѣтъ никого знакомыхъ. Время мы проводили большею частью въ разговорахъ; иногда докторъ приносилъ съ собою какую-нибудь книгу или журналъ и читалъ намъ вслухъ. Въ сущности, это былъ первый образованный человѣкъ, какого я встрѣтилъ въ жизни. Не могу судить, много ли онъ зналъ, но онъ постоянно обнаруживалъ свои знанія, такъ какъ хотѣлъ, чтобы и другіе также знали. Когда онъ говорилъ о чемъ-нибудь относящемся къ медицинѣ, то не приходилъ ни на одного изъ нашихъ городскихъ докторовъ, а производилъ какое-то новое, особенное впечатлѣніе, и мнѣ казалось, что если бы онъ захотѣлъ, то могъ бы стать настоящимъ ученымъ. И это, пожалуй, былъ единственный человѣкъ, который въ то время имѣлъ серьезное вліяніе на меня. Видаюсь съ нимъ и прочитывая книги, какія онъ давалъ мнѣ, я сталъ мало-по-малу чувствовать потребность въ знаніяхъ, которыя одухотворяли бы мой невеселый трудъ. Мнѣ уже казалось страннымъ, что раньше я не зналъ, наиримѣръ, что весь міръ состоитъ изъ шестидесяти простыхъ тѣлъ, не зналъ, что такое олифа, что такое краски, и какъ-то могъ обходиться безъ этихъ знаній. Знакомство съ докторомъ подняло

меня и нравственно. Я часто спорилъ съ нимъ, и хотя обыкновенно оставался при своемъ мнѣніи, но все же, благодаря ему, я мало-по-малу сталъ замѣчать, что для самого меня не все было ясно, и я уже старался выработать въ себѣ возможно опредѣленные убѣжденія, чтобы указанія совѣсти были опредѣленны и не имѣли бы въ себѣ ничего смутнаго. Тѣмъ не менѣе все-таки этотъ самый образованный и лучший человѣкъ въ городѣ далеко еще не былъ совершенствомъ. Въ его манерахъ, въ привычкѣ всякій разговоръ сводить на споръ, въ его пріятномъ тенорѣ и даже въ его ласковости было что-то грубоватое, семинарское, и когда онъ снималъ скюртку и оставался въ одной шелковой рубахѣ или бросалъ въ трактирѣ лакею на чай, то мнѣ казалось всякій разъ, что культура — культурой, а татаринъ все еще бродитъ въ немъ.

На Крещеніе онъ опять уѣхалъ въ Петербургъ. Онъ уѣхалъ утромъ, а послѣ обѣда пришла ко мнѣ сестра. Не снимая шубы и шапки, она сидѣла молча, очень блѣдная, и смотрѣла въ одну точку. Ее познабливало, и видно было, что она перемогалась.

— Ты, должно-быть, простудилась,—сказалъ я.

Глаза у нея наполнились слезами, она встала и пошла къ Карповиѣ, не сказавъ мнѣ ни слова, точно я обидѣлъ ее. И немного погодя я слышалъ, какъ она говорила тономъ горькаго упрёка:

— Нянька, для чего я жила до сихъ поръ? Для чего? Ты скажи: развѣ я не погубила своей молодости? Въ лучшіе годы своей жизни только и знать, что записывать расходы, разливать чай, считать копейки, занимать гостей и думать, что выше этого ничего нѣтъ на свѣтѣ! Нянька, пойми, вѣдь и у меня есть человѣческіе запросы, и я хочу жить, а изъ меня сдѣлали какую-ту ключницу. Вѣдь это ужасно, ужасно!

Она швырнула ключи въ дверь, и они со звономъ упали въ моей комнатѣ. Это были ключи отъ буфета, отъ кухоннаго шкапа, отъ погреба и отъ чайной шкапулки,—тѣ самые ключи, которые когда-то еще носила моя мать.

— Ахъ, охъ, батюшки!—ужасалась старуха.—Святители-угодники!

Уходя домой, сестра зашла ко мнѣ, чтобы подобрать ключи, и сказала:

— Ты извини меня. Со мною въ послѣднее время дѣлается что-то странное.

VIII.

Какъ-то, вернувшись отъ Маріи Викторовны поздно вечеромъ, я засталъ у себя въ комнатѣ молодого околоточнаго въ новомъ мундирѣ; онъ сидѣлъ за моимъ столомъ и перелистывалъ книгу.

— Наконецъ-то! — сказалъ онъ, вставая и потягиваясь. — Я къ вамъ уже въ третій разъ прихожу. Губернаторъ приказалъ, чтобы вы пришли къ нему завтра ровно въ девять часовъ утра. Непремѣнно.

Онъ взялъ съ меня подписку, что я въ точности исполню приказъ его превосходительства, и ушелъ. Это позднее посѣщеніе околоточнаго и неожиданное приглашеніе къ губернатору подѣйствовали на меня самымъ угнетающимъ образомъ. У меня съ ранняго дѣтства остался страхъ передъ жандармами, полицейскими, судебскими, и теперь меня томилъ безпокойство, будто я въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ въ чемъ-то. И я никакъ не могъ уснуть. Нянька и Прокофій тоже были взволнованы и не спали. Къ тому же еще у няньки болѣло ухо, она стонала и нѣсколько разъ принималась плакать отъ боли. Услышавъ, что я не сплю, Прокофій осторожно вошелъ ко мнѣ съ лампочкой и сѣлъ у стола.

— Вамъ бы перцовки выпить... — сказалъ онъ, подумавъ. — Въ сей юдоли какъ выпьешь, оно и ничего. И ежели бы мамашѣ влить въ ухо перцовки, то большая польза.

Въ третьемъ часу онъ собрался въ бойню за мясомъ. Я зналъ, что мнѣ ужъ не уснуть до утра, и, чтобы какъ-нибудь скоротать время до девяти часовъ, я отправился въѣсть съ нимъ. Мы шли съ фонаремъ, а его мальчикъ Николка, лѣтъ тринадцати, съ синими пятнами на лицѣ отъ ознобовъ, но выраженію — совершенный разбойникъ, ѣхалъ за нами въ саняхъ, хриплымъ голосомъ понукая лошадь.

— Васъ у губернатора, должно, наказывать будутъ, — говорилъ мнѣ дорѣгой Прокофій. — Есть губернаторская наука, есть архимандритская наука, есть офицерская наука, есть докторская наука, и для каждаго званія есть своя

наука. А вы не держитесь своей науки, и этого вамъ нельзя дозволить.

Бойня находилась за кладбищемъ, и раньше я видѣлъ ее только издали. Это были три мрачныхъ сарая, окруженные сѣрымъ заборомъ, отъ которыхъ, когда дулъ съ ихъ стороны вѣтеръ, лѣтомъ въ жаркіе дни несло удушливою вонью. Теперь, войдя во дворъ, впотемкахъ я не видѣлъ сараевъ; мнѣ все попадались лошади и сани, пустые и уже нагруженные мясомъ; ходили люди съ фонарями и отвратительно бранились. Бранились и Прокофій, и Николка, такъ же гадко, и въ воздухѣ стоялъ непрерывный гулъ отъ брани, кашля и лошадиного ржанья.

Пахло трупами и навозомъ. Таяло, снѣгъ уже перемѣнился съ грязью, и мнѣ впотемкахъ казалось, что я хожу по лужамъ крови.

Набравши полныя сани мяса, мы отирались на рынокъ въ мясную лавку. Стало свѣтать. Пошли одна за другою кухарки съ корзинами и пожилыя дамы въ салопахъ. Прокофій съ топоромъ въ рукѣ, въ оѣломъ, обрызганномъ кровью, фартукѣ, страшно клялся, крестился на церковь, кричалъ громко на весь рынокъ, увѣряя, что онъ отдаетъ мясо по своей цѣнѣ и даже себѣ въ убытокъ. Онъ обвѣшивалъ, обсчитывалъ, кухарки видѣли это, но, оглушенные его крикомъ, не протестовали, а только обзывали его кѣтомъ. Поднимая и опуская свой страшный топоръ, онъ принималъ картинныя позы и всякій разъ со свирѣпымъ выраженіемъ издавалъ звукъ «гекъ!», и я боялся, какъ бы въ самомъ дѣлѣ онъ не отрубилъ кому-нибудь голову или руку.

Я пробылъ въ мясной лавкѣ все утро, и когда, наконецъ, пошелъ къ губернатору, то отъ моей шубы пахло мясомъ и кровью. Душевное состояніе у меня было такое, будто я, по чьему-то приказанію, шелъ съ рогатиной на медвѣдя. Я помню высокую лѣстницу съ полосатымъ ковромъ и молодого чиновника во фракѣ со свѣтлыми пуговицами, который, молча, двумя руками, указалъ мнѣ на дверь и побѣждалъ доложить. Я вошелъ въ залъ, въ которомъ обстановка была роскошна, но холодна и безвкусна, и особенно неприятно рѣзали глаза высокія и узкія зеркала въ простѣвкахъ и ярко-желтыя портьеры на окнахъ; видно было, что губернаторы мѣнялись, а обстановка оставалась

все та же. Молодой чиновникъ опять указалъ мнѣ двумя руками на дверь, и я направился къ большому зеленому, столу, за которымъ стоялъ военный генералъ съ Владиміромъ на шеѣ.

— Господинъ Полозневъ, я просилъ васъ явиться,— началъ онъ, держа въ рукѣ какое-то письмо и раскрывая ротъ широко и кругло, какъ буква о: — я просилъ васъ явиться, чтобы объявить вамъ слѣдующее. Вашъ уважаемый батюшка письменно и устно обращался къ губернскому предводителю дворянства, прося его вызвать васъ и поставить вамъ на видъ все несоотвѣтствіе поведенія вашего со званіемъ дворянина, которое вы имѣете честь носить. Его превосходительство Александръ Павловичъ, справедливо полагая, что поведеніе ваше можетъ служить соблазномъ, и находя, что тутъ одного убѣжденія съ его стороны было бы недостаточно, а необходимо серьезное административное вѣдѣтельство, представилъ мнѣ вотъ въ этомъ письмѣ свои соображенія относительно васъ, которыя я раздѣляю.

Онъ говорилъ это тихо, почтительно, стоя прямо, точно я былъ его начальникомъ, и глядя на меня совсѣмъ не строго. Лицо у него было дряблое, поношенное, все въ морщинахъ, подъ глазами отвисали мѣшки, волосы онъ красилъ, и вообще по наружности нельзя было опредѣлить сколько ему лѣтъ—сорокъ или шестьдесятъ.

— Надѣюсь,— продолжалъ онъ: — что вы оцѣните деликатность почтеннаго Александра Павловича, который обратился ко мнѣ не официально, а частнымъ образомъ. Я также пригласилъ васъ не официально, и говорю съ вами не какъ губернаторъ, а какъ искренній почитатель вашего родителя. Итакъ, прощу васъ—или измѣните ваше поведеніе и вернуться къ обязанностямъ, приличнымъ вашему званію, или же, во избѣжаніе соблазна, переселиться въ другое мѣсто, гдѣ васъ не знаютъ и гдѣ вы можете заниматься, чѣмъ вамъ угодно. Въ противномъ же случаѣ я долженъ буду принять крайнія мѣры.

Онъ съ полминуты простоялъ молча, съ открытымъ ртомъ, глядя на меня.

— Вы вегетаріанецъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я ѣмъ мясо.

Онъ сѣлъ и потянулъ къ себѣ какую-то бумагу; я поклонился и вышелъ.

До обѣда уже не стоило идти на работу. Я отправился домой спать, но не могъ уснуть отъ неприятнаго, болѣзненнаго чувства, навѣяннаго на меня бойней и разговоромъ съ губернаторомъ, и дождавшись вечера, разстроенный, мрачный, пошелъ къ Маріи Викторовнѣ. Я рассказывалъ ей о томъ, какъ я былъ у губернатора, а она смотрѣла на меня съ недоумѣніемъ, точно не вѣрила, и вдругъ захохотала весело, громко, задорно, какъ умѣютъ хохотать только добродушные, смѣшлвые люди.

— Если бы это рассказать въ Петербургѣ!—проговорила она, едва не падая отъ смѣха и склоняясь къ своему столу.— Если бы это рассказать въ Петербургѣ!

IX.

Теперь мы видѣлись уже часто, раза по два въ день. Она почти каждый день послѣ обѣда пріѣзжала на кладбище и, поджидая меня, читала надписи на крестахъ и памятникахъ; иногда входила въ церковь и, стоя возлѣ меня, смотрѣла, какъ я работаю. Тишина, наивная работа живописцевъ и позолотчиковъ, разсудительность Рѣдки, и то, что я наружно ничѣмъ не отличался отъ другихъ мастеровыхъ и работалъ, какъ они, въ одной жилеткѣ и въ опоркахъ, и что мнѣ говорили *ты*—это было ново для нея и трогало ее. Однажды при ней живописецъ, писавшій наверху голубя, крикнулъ мнѣ:

— Мисайль, дай-ка мнѣ бѣлилъ!

Я отнесъ ему бѣлилъ, и когда потомъ спускался внизъ по жидкимъ подмосткамъ, она смотрѣла на меня, растроганная до слезъ, и улыбалась.

— Какой вы милый!—сказала она.

У меня съ дѣтства осталось въ памяти, какъ у одного изъ нашихъ богачей вылетѣлъ изъ кѣтки зеленый попугай, и какъ потомъ эта красивая птица цѣлый мѣсяцъ бродила по городу, лѣниво перелетая изъ сада въ садъ, одинокая, безпріютная. И Марія Викторовна напоминала мнѣ эту птицу.

— Кромѣ кладбища, мнѣ теперь положительно негдѣ бывать,—говорила она мнѣ со смѣхомъ.— Городъ прискучилъ до отвращенія. У Ажогиныхъ читаютъ, поютъ, сюсю-

каютъ, я не переношу ихъ въ послѣднее время: ваша сестра—нелюдимка, m-me Благово за что-то ненавидитъ меня, театра я не люблю. Куда прикажете дѣваться.

Когда я бываю у нея, отъ меня пахло краской и скипидаромъ, руки мои были темны—и ей это нравилось; она хотѣла также, чтобы я приходилъ къ ней не иначе, какъ въ своемъ обыкновенномъ рабочемъ платьѣ; но въ гостинной это платье стѣсняло меня, я конфузился, точно былъ въ мундирѣ, и потому, собираясь къ ней, всякій разъ надѣвалъ свою новую триковую пару. И это ей не нравилось.

— А вы, сознайтесь, не вполне еще освоились съ вашей новою ролью,—сказала она мнѣ однажды.—Рабочій костюмъ стѣсняетъ васъ, вамъ неловко въ немъ. Скажите, не отъ того ли это, что въ васъ нѣтъ увѣренности и что вы не удовлетворены? Самый родъ труда, который вы избрали, эта ваша малярія — неужели она удовлетворяетъ васъ? — спросила она, смѣясь.—Я знаю, окраска дѣлаетъ предметы красивѣе и прочиѣ, но вѣдь эти предметы принадлежать горожанамъ, богачамъ, и, въ концѣ-концовъ, составляютъ роскошь. Къ тому же вы сами не разъ говорили, что каждый долженъ добывать себѣ хлѣбъ собственными руками, между тѣмъ вы добываете деньги, а не хлѣбъ. Почему бы не держаться буквального смысла вашихъ словъ? Нужно добывать именно хлѣбъ, то-есть нужно пахать, сѣять, косить, молотить или дѣлать что-нибудь такое, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ сельскому хозяйству, напримѣръ, пасти коровъ, копать землю, рубить избы...

Она открыла хорошенькій шкапъ, стоявшій около ея письменнаго стола, и сказала:

— Все это я вамъ къ тому говорю, что мнѣ хочется посвятить васъ въ свою тайну. Voilà! Это моя сельскохозяйственная библіотека. Тутъ и поле, и огородъ, и садъ, и скотный дворъ, и пасѣка. Я читаю съ жадностью и уже изучила въ теоріи все до капельки. Моя мечта, моя сладкая грѣза: какъ только наступитъ мартъ, уѣду въ напу Дубечню. Дивно тамъ, изумительно! Не правда ли? Въ первый годъ я буду приглядываться къ дѣлу и привыкать, а на другой годъ уже сама стану работать по-настоящему, не шадя, какъ говорится, живота. Отецъ обѣщаль подарить мнѣ Дубечню, и я буду дѣлать въ ней все, что захочу.

Раскраснѣвшись, волнуясь до слезъ и смѣясь, она мечтала вслухъ о томъ, какъ она будетъ жить въ Дубечнѣ, и какая это будетъ интересная жизнь. А я завидовалъ ей. Мартъ былъ уже близко, дни становились все больше и больше, и въ яркіе солнечные полдни капало съ крышъ и пахло весной; мнѣ самому хотѣлось въ деревню.

И когда она сказала, что переѣдетъ жить въ Дубечню, мнѣ живо представилось, какъ я останусь въ городѣ одинъ, и я почувствовалъ, что ревную ее къ шкапу съ книгами и къ сельскому хозяйству. Я не зналъ и не любилъ сельского хозяйства и хотѣлъ-было сказать ей, что сельское хозяйство есть рабское занятіе, но вспомнилъ, что нѣчто подобное было уже не разъ говорено моимъ отцомъ, и промолчалъ.

Наступилъ Великій постъ. Приѣхалъ изъ Петербурга инженеръ Викторъ Ивановичъ, о существованіи котораго я уже сталъ забывать. Приѣхалъ онъ неожиданно, не предупредивъ даже телеграммой. Когда я пришелъ, по обыкновенію, вечеромъ, онъ умытый, подстриженный, помолодѣвшій лѣтъ на десять, ходилъ по гостиной и что-то рассказывалъ; дочь его, стоя на колѣняхъ, вынимала изъ чемодановъ коробки, флаконы, книги и подавала все это лакею Павлу. Увидавъ инженера, я невольно сдѣлалъ шагъ назадъ, а онъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки и сказалъ, улыбаясь, показывая свои бѣлые, крѣпкіе, ямщицкіе зубы:

— Вотъ и онъ, вотъ и онъ! Очень радъ видѣть васъ, господинъ маляръ! Маша все рассказала, она тутъ спѣла вамъ цѣлый панегирикъ. Выполнѣ васъ понимаю и одобряю!— продолжалъ онъ, беря меня подъ руку.— Быть порядочнымъ рабочимъ куда умнѣе и честнѣе, чѣмъ изводить казенную бумагу и носить на лбу кокарду. Я самъ работалъ въ Бельгій, вотъ этими руками, потомъ ходилъ два года машинистомъ...

Онъ былъ въ короткомъ пиджакѣ и по-домашнему въ туфляхъ, ходилъ, какъ подагрикъ, слетка переваливаясь и потирая руки. Что-то напѣвая, онъ тихо мурлыкалъ и все пожимался отъ удовольствія, что, наконецъ, вернулся домой и принялъ свой любимый душъ.

— Спора нѣтъ,—говорилъ онъ мнѣ за ужиномъ:— спора нѣтъ, всѣ вы милые, симпатичные люди, но почему-то, госнода, какъ только вы беретесь за физическій трудъ или

начинаете спасать мужика, то все это у васъ въ концѣ-концовъ сводится къ сектантству. Развѣ вы не сектантъ? Вотъ вы не пьете водки. Что же это, какъ не сектантство?

Чтобы доставить ему удовольствіе, я выпилъ водки. Выпилъ и вина. Мы пробовали сыры, колбасы, паштеты, пикузи и всевозможныя закуски, которыя привезъ съ собою инженеръ, и вина, полученныя въ его отсутствіе изъ-за границы. Вина были превосходны. Почему-то вина и сигары инженеръ получалъ изъ-за границы безошливно; мѣру и балыки кто-то присылалъ ему даромъ, за квартиру онъ не платилъ, такъ какъ хозяинъ дома ноставлялъ на линію керосинъ; и вообще на меня онъ и его дочь производили такое впечатлѣніе, будто все лучшее въ мірѣ было къ ихъ услугамъ и получалось ими совершенно даромъ.

Я продолжалъ бывать у нихъ, но уже не такъ охотно. Инженеръ стѣснялъ меня, и въ его присутствіи я чувствовалъ себя связаннымъ. Я не выносилъ его ясныхъ, невинныхъ глазъ, разсужденія его томилъ меня, были мнѣ противны; томило и воспоминаніе о томъ, что еще такъ недавно я былъ подчиненъ этому сытому, румяному челювѣку, и что онъ былъ со мною немилосердно грубъ. Правда, онъ бралъ меня за талію, ласково хлопалъ по плечу, одобрялъ мою жизнь, но я чувствовалъ, что онъ попрежнему презираетъ мое ничтожество и терпитъ меня только въ угоду своей дочери; и я уже не могъ смѣяться и говорить, что хочу, и держался нелюдимомъ, и все ждалъ, что, того и гляди, онъ обзоветъ меня Пантелеемъ, какъ своего лакея Павла. Какъ возмущалась моя провинціальная, мѣщанская гордость! Я, пролетарій, маляръ, каждый день хожу къ людямъ богатымъ, чуждымъ мнѣ, на которыхъ весь городъ смотритъ, какъ на иностранцевъ, и каждый день нью у нихъ дорогія вина и фѣмъ необыкновенное — съ этимъ не хотѣла мириться моя совѣсть! Идя къ нимъ, я угрюмо избѣгалъ встрѣчныхъ и глядѣлъ исподлобья, точно въ самомъ дѣлѣ былъ сектантомъ, а когда уходилъ отъ инженера домой, то стыдился своей сытости.

А главное, я боялся увлечься. Шелъ ли я по улицѣ, работалъ ли, говорилъ ли съ ребятами, я все время думалъ только о томъ, какъ вечеромъ пойду къ Маріи Викторовнѣ, и воображалъ себѣ ея голосъ, смѣхъ, походку. Собираясь къ ней, я всякій разъ долго стоялъ у няньки передъ кри-

вымъ зеркаломъ, завязывая себѣ галстукъ, моя триковая пара казалась мнѣ отвратительною, и я страдалъ, и въ то же время презиралъ себя за то, что я такъ мелоченъ. Когда она кричала мнѣ изъ другой комнаты, что она не одѣта, и просила подождать, я слышалъ, какъ она одѣвалась; это волновало меня, я чувствовалъ, будто подо мною опускается полъ. А когда я видѣлъ на улицѣ, хотя бы издали, женскую фигуру, то непременно сравнивалъ; мнѣ казалось тогда, что всѣ наши женщины и дѣвушки вульгарны, нелѣпо одѣты, не умѣютъ держать себя; и эти сравненія возбуждали во мнѣ чувство гордости: Марія Викторна лучше всѣхъ! А по ночамъ я видѣлъ ее и себя во снѣ.

Какъ-то за ужиномъ мы вмѣстѣ съ инженеромъ съѣли цѣлаго омара. Возвращаясь потомъ домой, я вспомнилъ, что инженеръ за ужиномъ два раза сказалъ мнѣ «любезнѣйшій», и я разсудилъ, что въ этомъ домѣ ласкаютъ меня, какъ большого несчастнаго пса, отбившагося отъ своего хозяина, что мною забавляются и, когда я надобно, меня прогоняютъ, какъ пса. Мнѣ стало стыдно и больно, больно до слезъ, точно меня оскорбили, и я, глядя на небо, даль клятву положить всему этому конецъ.

На другой день я не пошелъ къ Должиковымъ. Поздно вечеромъ, когда было совсѣмъ темно и лилъ дождь, я прошелся по Большой Дворянской, глядя на окна. У Ажогиныхъ уже спали, и только въ одномъ изъ крайнихъ оконъ свѣтился огонь; это у себя въ комнатѣ старуха Ажогина вышивала при трехъ свѣчахъ, воображая, что борется съ предрасудками. У нашихъ было темно, а въ домѣ напротивъ, у Должиковыхъ, окна свѣтились, но ничего нельзя было разглядѣть сквозь цвѣты и занавѣски. Я все ходилъ по улицѣ; холодный мартовскій дождь поливалъ меня. Я слышалъ, какъ мой отецъ вернулся изъ клуба; онъ постучалъ въ ворота, черезъ минуту въ окнѣ показался огонь, и я увидѣлъ сестру, которая шла торопливо съ лампой и на ходу одною рукой поправляла свои густые волосы. Потомъ отецъ ходилъ въ гостиной изъ угла въ уголъ и говорилъ о чемъ-то, потирая руки, а сестра сидѣла въ креслѣ неподвижно, о чемъ-то думая, не слушая его.

Но вотъ они ушли, огонь погасъ... Я оглянулся на домъ инженера — и тутъ уже было темно. Въ темнотѣ, подѣ

дѣломъ, я почувствовалъ себя безнадежно одинокимъ, брошеннымъ на произволъ судьбы, почувствовалъ, какъ въ сравненіи съ этимъ моимъ одиночествомъ, въ сравненіи со страданіемъ, настоящимъ и съ тѣмъ, которое мнѣ еще предстояло въ жизни, мелки всѣ мои дѣла, желанія и все то, что я до сихъ поръ думалъ, говорилъ. Увы, дѣла и мысли живыхъ существъ далеко не такъ значительны, какъ ихъ скорби! И не отдавая себѣ ясно отчета въ томъ, что я дѣлаю, я изо всей силы дернулъ за звонокъ у воротъ Должикова, порвалъ его и побѣжалъ по улицѣ, какъ мальчишка, испытывая страхъ и думая, что сейчасъ непременно выйдутъ и узнаютъ меня. Когда я остановился въ концѣ улицы, чтобы перевести духъ, слышно было только, какъ шумѣлъ дождь, да какъ гдѣ-то далеко по чугунной доскѣ стучалъ сторожъ.

Я цѣлую недѣлю не ходилъ къ Должиковымъ. Триковая пара была продана. Малярной работы не было, я опять жилъ впроголодь, добывая себѣ по 10—20 копеекъ въ день, гдѣ придется, тяжелою непріятною работой. Болтаясь по колѣна въ холодной грязи, надсаживая грудь, я хотѣлъ заглушить воспоминанія и точно мстилъ себѣ за всѣ тѣ сыры и консервы, которыми меня угощали у инженера; но все же, едва я ложился въ постель, голодный и мокрый, какъ мое грѣшное воображеніе тотчасъ же начинало рисовать мнѣ чудныя, обольстительныя картины, и я съ изумленіемъ сознавался себѣ, что я люблю, страстно люблю, и засыпалъ крѣпко и здорово, чувствуя, что отъ этой каторжной жизни мое тѣло становится только сильнѣе и моложе.

Въ одинъ изъ вечеровъ некстати пошелъ снѣгъ и подулъ съ сѣвера, точно опять наступала зима. Вернувшись съ работы въ этотъ вечеръ, я засталъ въ своей комнатѣ Марію Викторовну. Она сидѣла въ шубкѣ, держа обѣ руки въ муфтѣ.

— Отчего вы не бываете у меня?—спросила она, поднимая свои умные, ясные глаза, а я сильно смутился отъ радости и стоялъ передъ ней на-вытяжку, какъ передъ отцомъ, когда тотъ собирался бить меня; она смотрѣла мнѣ въ лицо и по глазамъ ея было видно, что она понимаетъ, почему я смущенъ.

— Отчего вы не бываете у меня? — повторила она. — Если вы не хотите бывать, то вотъ я сама пришла.

Она встала и близко подошла ко мнѣ.

— Не покидайте меня,—сказала она, и глаза ея наполнились слезами.—Я одна, я совершенно одна.

Она заплакала и проговорила, закрывая лицо муфтой:

— Одна! Миѣ тяжело жить, очень тяжело, и на всемъ свѣтѣ нѣтъ у меня никого, кромѣ васъ. Не покидайте меня!

Ища платка, чтобы утереть слезы, она улыбнулась; мы молчали нѣкоторое время, потомъ я обнялъ ее и поцѣловалъ, при этомъ оцарапалъ себѣ щеку до крови булавкой, которою была приколота ея шапка.

И мы стали говорить такъ, какъ будто были близки другъ другу уже давно-давно...

X.

Дня черезъ два она послала меня въ Дубечню, и я былъ несказанно радъ этому. Когда я шелъ на вокзалъ и потомъ сидѣлъ въ вагонѣ, то смѣялся безъ причины, и на меня смотрѣли, какъ на пьянаго. Шелъ снѣгъ и былъ морозъ по утрамъ, но дороги уже потемнѣли, и надъ ними, каркая, носились грачи.

Сначала я предполагалъ устроить помѣщеніе для насъ обоихъ, для меня и Маши, въ боковомъ флигелѣ, противъ флигеля госпожи Чепраковой, но въ немъ, какъ оказалось, издавна жили голуби и утки и очистить его было невозможно безъ того, чтобы не разрушить множества гнѣздъ. Пришлось волей-неволей отправляться въ неуютныя комнаты большого дома съ жалюзи. Мужики называли этотъ домъ палатами; въ немъ было больше двадцати комнатъ, а мебели только одно фортепіано да дѣтское креслице, лежавшее на чердакѣ, и если бы Маша привезла изъ города всю свою мебель, то и тогда все-таки намъ не удалось бы устранить этого впечатлѣнія угрюмой пустоты и холода. Я выбралъ три небольшихъ комнаты съ окнами въ садъ и съ ранняго утра до ночи убиралъ ихъ, вставляя новыя стекла, оклеивая обоями, задѣлывая въ полу щели и дыры. Это былъ легкій, пріятный трудъ. То и дѣло я бѣгалъ къ рѣкѣ взглянуть, не идетъ ли ледъ; все мнѣ чудилось, что прилетѣли скворцы. А ночью, думая о Маши, я съ невыразимо сладкимъ чувствомъ, съ захватывающею радостью прислушивался къ тому, какъ шумѣли крысы и какъ надъ потолкомъ гудѣлъ и стучалъ вѣтеръ; казалось, что на чердакѣ капляла старшій домовый.

Снѣгъ былъ глубокой; его много еще подвалило въ концѣ марта, но онъ растаялъ быстро, какъ по волшебству, вешнія воды прошли буйно, такъ что въ началѣ апрѣля уже шумѣли скворцы и летали въ саду желтыя бабочки. Была чудесная погода. И каждый день передъ вечеромъ ходилъ къ городу встрѣчать Машу, и что это было за наслаждение ступать босыми ногами по просыхающей, еще мягкой дорогѣ! На полпути я садился и смотрѣлъ на городъ, не рѣшаясь подойти къ нему близко. Видѣ его смущала меня. Я все думалъ: какъ отнесутся ко мнѣ мои знакомые, узнавъ о моей любви? Что скажетъ отецъ? Особенно же смущала меня мысль, что жизнь моя осложнилась, и что я совсѣмъ потерялъ способность управлять ею, и она, точно воздушный шаръ, уносила меня Богъ знаетъ куда. Я уже не думалъ о томъ, какъ мнѣ добыть себѣ пропитаніе, какъ жить, а думалъ — право, не помню о чемъ.

Маша пріѣзжала въ коляскѣ; я садился къ ней, и мы ѣхали вмѣстѣ въ Дубечню, веселые, свободные. Или, дождавшись захода солнца, я возвращался домой недовольный, скучный, недоумѣвая, отчего не пріѣхала Маша, а у воротъ усадьбы или въ саду меня встрѣчало неожиданно милое привидѣніе — она! Оказывалось, что она пріѣхала по желѣзной дорогѣ и со станціи пришла пѣшкомъ. Какое это было торжество! Въ простенькомъ шерстяномъ платьѣ, въ косыночкѣ, со скромнымъ зонтикомъ, но затянута, стройная, въ дорогихъ заграничныхъ ботинкахъ—это была талантливая актриса, игравшая мѣщаночку. Мы осматривали наше хозяйство и рѣшали, гдѣ будетъ чья комната, гдѣ у насъ будутъ аллея, огородъ, пасѣка. У насъ уже были куры, утки и гуси, которыхъ мы любили за то, что они были наши. У насъ уже были приготовлены для поѣвѣ овесъ, клеверъ, тимонка, греча и огородныя сѣмена, и мы всякій разъ осматривали все это и обсуждали подолгу, какой можетъ быть урожай, и все, что говорила мнѣ Маша, казалось мнѣ необыкновенно умнымъ и прекраснымъ. Это было самое счастливое время моей жизни.

Вскорѣ послѣ Ѣоминой недѣли мы вѣнчались въ нашей приходской церкви, въ селѣ Куриловкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Дубечни. Маша хотѣла, чтобы все устроилось скромно; по ея желанію, шаферами у насъ были крестьянскіе парни, пѣлъ одинъ дьячокъ, и возвращались мы изъ церкви на неболь-

шомъ тряскомъ тарантасѣ, и она сама правила. Изъ городскихъ гостей у насъ была только моя сестра Клеопатра, которой дня за три до свадьбы Маша послала записку. Сестра была въ бѣломъ платьѣ и въ перчаткахъ. Во время вѣнчанія она тихо плакала отъ умиленія и радости, выраженіе лица у нея было материнское, безконечно доброе. Она опьянѣла отъ нашего счастья и улыбалась, будто вдыхала въ себя сладкій чадъ, и, глядя на нее во время нашего вѣнчанія, я понялъ, что для нея на свѣтѣ нѣтъ ничего выше любви, земной любви, и что она мечтаетъ о ней тайно, робко, но постоянно и страстно. Она обнимала и цѣловала Машу и, не зная, какъ выразить свой восторгъ, говорила ей про меня:

— Онъ добрый! Онъ очень добрый!

Передъ тѣмъ, какъ уѣхать отъ насъ, она переодѣлась въ свое обыкновенное платье и повела меня въ садъ, чтобы поговорить со мною наединѣ.

— Отецъ очень огорченъ, что ты ничего не написалъ ему,—сказала она:— нужно было попросить у него благословенія. Но, въ сущности, онъ очень доволенъ. Онъ говоритъ, что эта женитьба подниметъ тебя въ глазахъ всего общества, и что подъ вліяніемъ Маріи Викторовны ты станешь серьезнѣе относиться къ жизни. Мы по вечерамъ теперь говоримъ только о тебѣ, и вчера онъ даже выразился такъ: «нашъ Мисаилъ». Это меня порадовало. Повидимому, онъ что-то задумалъ, и мнѣ кажется, онъ хочетъ показать тебѣ примѣръ великодушія и первый заговорить о примиреніи. Очень возможно, что на-дняхъ онъ пріѣдетъ сюда къ вамъ.

Она нѣсколько разъ торопливо перекрестила меня и сказала:

— Ну, Богъ съ тобою, будь счастливъ. Анюта Благово очень умная дѣвушка, она говоритъ про твою женитьбу, что это Богъ посылаетъ тебѣ новое испытаніе. Что жъ? Въ семейной жизни не однѣ радости, но и страданія. Безъ этого нельзя.

Провожая ее, я и Маша прошли пѣшкомъ версты три; потомъ, возвращаясь, мы шли тихо и молча, точно отдыхали. Маша держала меня за руку, на душѣ было легко и уже не хотѣлось говорить о любви; послѣ вѣнчанія мы стали другъ другу еще ближе и роднѣй, и намъ казалось, что уже ничто не можетъ разлучить насъ.

— Твоя сестра — симпатичное существо, — сказала Мапа: — но похоже, будто ее долго мучили. Должно-быть, твой отец ужасный человекъ.

Я сталъ рассказывать ей какъ воспитывали меня и сестру, и какъ, въ самомъ дѣлѣ, было мучительно и безтолково наше дѣтство. Узнавъ, что еще такъ недавно меня билъ отецъ, она вздрогнула и прижалась ко мнѣ.

— Не рассказывай больше, — проговорила она. — Это страшно.

Теперь уже она не разставалась со мною. Мы жили въ большомъ домѣ, въ трехъ комнатахъ, и по вечерамъ крѣпко запирали дверь, которая вела въ пустую часть дома, точно тамъ жилъ кто-то, кого мы не знали и боялись. Я вставалъ рано, съ разсвѣтомъ, и тотчасъ же принимался за какую-нибудь работу. Я починялъ телеги, проводилъ въ саду дорожки, копалъ гряды, красилъ крышу на домѣ. Когда пришло время сѣять овесъ, я пробовалъ двоить, скородить, сѣять, и дѣлалъ все это добросовѣстно, не отставая отъ работника; я утомлялся, отъ дождя, и отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра у меня подолгу горѣли лицо и ноги, по ночамъ снилась мнѣ вспаханная земля. Но полевая работа не привлекала меня. Я не зналъ сельскаго хозяйства и не любилъ его; это, быть-можетъ, оттого, что предки мои не были земледѣльцами и въ жилахъ моихъ текла чисто городская кровь. Природу я любилъ нѣжно, любилъ и поле, и луга, и огороды, но мужикъ, поднимающій сохою землю, понукающій свою жалкую лошадь, оборванный, мокрый, съ вытянутою пшеей, былъ для меня выраженіемъ грубой, дикой, некрасивой силы, и, глядя на его неуклюжія движенія, я всякій разъ невольно начиналъ думать о давно прошедшей, легендарной жизни, когда люди не знали еще употребленія огня. Суровый быкъ, ходившій съ крестьянскимъ стадомъ, и лошади, когда онѣ, стуча копытами, носились по деревнѣ, наводили на меня страхъ, и все мало-мальски крупное, сильное и сердитое, былъ ли то баранъ съ рогами, гусакъ или цѣпная собака, представлялось мнѣ выраженіемъ все той же грубой, дикой силы. Это предубѣжденіе особенно сильно говорило во мнѣ въ дурную погоду, когда надъ чернымъ вспаханымъ полемъ нависали тяжелыя облака. Главное же, когда я пахалъ или сѣялъ, а двое-трое стояли и смотрѣли, какъ я это дѣлаю, то у меня не было сознанія

неизбѣжности и обязательности этого труда, и мнѣ казалось, что я забавляюсь. И я предпочиталъ дѣлать что-нибудь во дворѣ, и ничто мнѣ такъ не нравилось, какъ красить крышу.

Я ходилъ черезъ садъ и черезъ лугъ на нашу мельницу. Ее арендовалъ Степанъ, куриловскій мужикъ, красивый, смуглый, съ густою черною бородой, на видъ—силачъ. Мельничнаго дѣла онъ не любилъ и считалъ его скучнымъ и невыгоднымъ, а жилъ на мельницѣ только для того, чтобы не жить дома. Онъ былъ шорникъ, и около него всегда пріятно пахло смолой и кожей. Разговаривать онъ не любилъ, былъ вялъ, неподвиженъ и все напѣвалъ «у-лю-лю-лю», сидя на берегу или на порогѣ. Къ нему приходили иногда изъ Куриловки его жена и теща, обѣ бѣлолицыя, томныя, кроткія; онѣ низко кланялись ему и называли его «вы, Степанъ Петровичъ». А онъ, не отвѣтивъ на ихъ поклонъ ни движеніемъ, ни словомъ, садился въ сторонѣ на берегу и напѣвалъ тихо: «у-лю-лю-лю». Проходилъ въ молчаніи часть-другой. Теща и жена, пошептавшись, вставали и нѣкоторое время глядѣли на него, ожидая, что онъ оглянется. потомъ низко кланялись и говорили сладкими, пѣвучими голосами:

— Прощайте, Степанъ Петровичъ!

И уходили. Послѣ того, убирая оставленный ими узелъ съ баранками или рубаху, Степанъ вздыхалъ и говорилъ, мигнувъ въ ихъ сторону:

— Женскій полъ!

Мельница въ два постава работала днемъ и ночью. Я помогалъ Степану, это мнѣ нравилось, и когда онъ уходилъ куда-нибудь, я охотно оставался вмѣсто него.

XI.

Послѣ теплой, ясной погоды наступила распутица; весь май шли дожди, было холодно. Шумъ мельничныхъ колесъ и дождя располагалъ къ лѣни и ко сну. Дрожалъ полъ, пахло мукой и это тоже нагоняло дремоту. Жена въ короткомъ полушубкѣ, въ высокихъ, мужскихъ калошахъ, показывалась раза два въ день и говорила всегда одно и то же:

— И это называется лѣтомъ! Хуже, чѣмъ въ октябрѣ!

Вмѣстѣ мы пили чай, варили кашу, или по цѣлымъ часамъ сидѣли молча, ожидая, не утихнетъ ли дождь. Разъ, когда Степанъ ушелъ куда-то на ярмарку, Маша пробыла

на мельницѣ всю ночь. Когда мы встали, то нельзя было понять, который часъ, такъ какъ дождевыя облака заволкли все небо; только пѣли сонныя пѣтухи въ Дубчинѣ и кричали дергачи на лугу; было еще очень, очень рано... Мы съ женой спустились къ плесу и вытащили вершу, которую накапунѣ при насъ забросилъ Степанъ. Въ ней бился одинъ большой окунь и, вадирая вверхъ клешию, топорщился ракъ.

— Выпусти ихъ,—сказала Маша.—Пусть и они будутъ счастливы.

Оттого, что мы встали очень рано и, потомъ ничего не дѣлали, этотъ день казался очень длиннымъ, самымъ длиннымъ въ моей жизни. Передъ вечеромъ вернулся Степанъ, и я пошелъ домой, въ усадьбу.

— Сегодня прѣзжалъ твой отецъ,—сказала мнѣ Маша.

— Гдѣ же онъ?—спросилъ я.

— Уѣхалъ. Я его не приняла.

Видя, что я стою и молчу, что мнѣ жаль моего отца, она сказала:

— Надо быть послѣдовательнымъ. Я не приняла и не вѣла передать ему, чтобы онъ уже больше не беспокоился и не прѣзжалъ къ намъ.

Черезъ минуту я уже былъ за воротами и шелъ въ городъ, чтобы объясниться съ отцомъ. Было грязно, скользко, холодно. Въ первый разъ послѣ свадьбы мнѣ стало вдругъ грустно, и въ мозгу моемъ, утомленномъ этимъ длиннымъ сѣрымъ днемъ, промелькнула мысль, что, быть-можетъ, я живу не такъ, какъ надо. Я утомился, мало-по-малу мною овладѣли слабодушіе, лѣнь, не хотѣлось двигаться, соображать, я, пройдя не много, я махнулъ рукой и вернулся назадъ.

Среди двора стоялъ инженеръ въ кожаномъ пальто съ капюшономъ и говорилъ громко:

— Гдѣ мебель? Была прекрасная мебель въ стилѣ empire, были картины, были вазы, а теперь хоть шаромъ покати! Я покупалъ имѣніе съ мебелью, чортъ бы ее дралъ!

Около него стоялъ и мялъ въ рукахъ свою шапку генеральшинъ работникъ Моисей, парень лѣтъ 25-ти, худой, рябоватый, съ маленькими наглыми глазами; одна щека у него была больше другой, точно онъ отлежалъ ее.

— Вы, ваше высокоблагородіе, изволили покупать безъ мебели,—нерѣшительно проговорилъ онъ.—Я помню-съ.

— Замолчать! — крикнулъ инженеръ, побагровѣлъ, за-трясся, и эхо въ саду громко повторило его крикъ.

XII.

Когда я дѣлалъ что-нибудь въ саду или на дворѣ, то Моисей стоялъ возлѣ и, заложивъ руки назадъ, лѣниво и нагло глядѣлъ на меня своими маленькими глазками. И это до такой степени раздражало меня, что я бросалъ работу и уходилъ.

Отъ Степана мы узнали, что этотъ Моисей былъ любовникомъ у генеральши. Я замѣтилъ, что когда къ ней приходили за деньгами, то сначала обращались къ Моисею, и разъ я видѣлъ, какъ какой-то мужикъ, весь черный, должно-быть, угольщикъ, кланялся ему въ ноги; иногда, пошептавшись, онъ выдавалъ деньги самъ, не докладывая барыни, изъ чего я заключилъ, что при случаѣ онъ оперировалъ самостоятельно, за свой счетъ.

Онъ стрѣлялъ у насъ въ саду подъ окнами, таскалъ изъ нашего погреба свѣтное, бралъ, не спросясь, лошадей, а мы возмущались, переставали вѣрить, что Дубечья наша, и Маша говорила блѣднѣя:

— Неужели мы должны жить съ этими гадами еще полтора года?

Сынъ генеральши, Иванъ Чепраковъ, служилъ кондукторомъ на нашей дорогѣ. За зиму онъ сильно похудѣлъ и ослабѣлъ, такъ что уже пьянѣлъ съ одной рюмки и зябнулъ въ тѣни. Кондукторское платье онъ носилъ съ отвращеніемъ и стыдился его, но свое мѣсто считалъ выгоднымъ, такъ какъ могъ красть свѣчи и продавать ихъ. Мое новое положеніе возбуждало въ немъ смѣшанное чувство удивленія, зависти и смутной надежды, что и съ нимъ можетъ случиться что-нибудь подобное. Онъ провожалъ Машу восхищенными глазами, спрашивалъ, что я теперь ѣмъ за обѣдомъ, и на его тощемъ, некрасивомъ лицѣ появлялось грустное и сладкое выраженіе, и онъ шевелилъ пальцами, точно осязалъ мое счастье.

— Послушай, маленькая польза,—говорилъ онъ суетливо, каждую минуту закуривая; тамъ, гдѣ онъ стоялъ, было всегда насорено, такъ какъ на одну папиросу онъ тратилъ десятки спичекъ. — Послушай, жизнь у меня теперь под-

лѣйшая. Главное, всякій прапорщикъ можетъ кричать: «ты, кондукторъ! ты!» Понаслушался я, братъ, въ вагонахъ всякой всячины и, знаешь, понялъ: скверная жизнь! Погубила меня мать! Миѣ въ вагонѣ одинъ докторъ сказалъ: если родители развратные, то дѣти у нихъ выходятъ пьяницы или преступники. Вотъ оно что!

Разъ онъ пришелъ во дворъ, шатаясь. Глаза у него бессмысленно блуждали, дыханіе было тяжелое; онъ смѣялся, плакалъ и говорилъ что-то, какъ въ горячечномъ бреду, и въ его спутанной рѣчи были понятны для меня только слова: «Моя мать! Гдѣ моя мать?», которая произносилъ онъ съ плачемъ, какъ ребенокъ, потерявшій въ толпѣ свою мать. Я увелъ его къ себѣ въ садъ и уложилъ тамъ подъ деревомъ, и потомъ весь день и всю ночь я и Маша по очереди сидѣли возлѣ него. Ему было не хорошо, а Маша съ омерзѣніемъ глядѣла въ его блѣдное, мокрое лицо и говорила:

— Неужели эти гады проживуть въ нашемъ дворѣ еще полтора года? Это ужасно! Это ужасно!

А сколько огорченій причинили намъ крестьяне! Сколько тяжелыхъ разочарованій на первыхъ же порахъ, въ весенніе мѣсяцы, когда такъ хотѣлось быть счастливыми! Моя жена строила школу. Я начертилъ планъ школы на шестьдесятъ мальчиковъ, и земская управа одобрила его, но посоветовала строить школу въ Куриловкѣ, въ большомъ селѣ, которое было всего въ трехъ верстахъ отъ насъ; кстати же куриловская школа, въ которой учились дѣти изъ четырехъ деревень, въ томъ числѣ изъ нашей Дубелни, была стара и тѣсна, и по гнилому полу уже ходили съ опаской. Въ концѣ марта Машу, по ея желанію, назначили попечительницей куриловской школы, а въ началѣ апрѣля мы три раза собирали сходъ и убѣждали крестьянъ, что ихъ школа тѣсна и стара, и что необходимо строить новую. Пріѣзжали членъ земской управы и инспекторъ народныхъ училищъ и тоже убѣждали. Послѣ каждого схода, насъ окружали и просили на ведро водки; намъ было жарко въ толпѣ, мы скоро утомлялись и возвращались домой недовольные и немного сконфуженные. Въ концѣ-концовъ, мужики отвели подъ школу землю и обязались доставить изъ города на своихъ лошадяхъ весь строительный матеріалъ. И какъ только управились съ яровыми, въ первое

же воскресенье изъ Куриловки и Дубечни пошли подводы за кирпичомъ для фундамента. Выѣхали чуть свѣтъ на зарѣ, а возвратились поздно вечеромъ; мужики были пьяны и говорили, что замучились.

Какъ нарочно, дожди и холодъ продолжались весь май. Дорога испортилась, стало грязно. Подводы, возвращаясь изъ города, заѣзжали обыкновенно къ намъ во дворъ — и какой это былъ ужасъ! Вотъ въ воротахъ показывается лошадь, разставивъ переднія ноги, пузатая; она, прежде чѣмъ вѣѣхать во дворъ, кланяется; вползаетъ на роспускахъ двѣнадцати-аршинное бревно, мокрое, осклизлое на видъ; возлѣ него, запахнувшись отъ дождя, не глядя подъ ноги, не обходя лужъ, шагаетъ мужикъ съ полою, заткнутою за поясъ. Показывается другая подвода — съ тѣсомъ, потомъ третья — съ бревномъ, четвертая... и мѣсто передъ домомъ мало-по-малу запруживается лошадьми, бревнами, досками. Мужики и бабы съ окутанными головами и съ подтыканными платьями, озлобленно глядя на наши окна, шумятъ, требуютъ, чтобы къ нимъ вышла барыня; слышны грубые ругательства. А въ сторонѣ стоитъ Моисей, и намъ кажется, что онъ наслаждается нашимъ позоромъ.

— Не станемъ больше возить! — кричатъ мужики. — Замучились! Пошла бы сама и возила!

Мама, блѣдная, оторопѣвъ, думая, что сейчасъ къ ней ворвутся въ домъ, высылаетъ на полведра; послѣ этого шумъ стихаетъ, и длинныя бревна одно за другимъ ползуть обратно со двора.

Когда я собирался на постройку, жена волновалась и говорила:

— Мужики злятся. Какъ бы они тебѣ не сдѣлали чего-нибудь. Иѣтъ, погоди, и я съ тобой поѣду.

Мы уѣзжали въ Куриловку вмѣстѣ, и тамъ плотники просили у насъ на чай. Срубъ уже былъ готовъ, пора уже было класть фундаментъ, но не приходили каменщики; происходила задержка, и плотники роптали. А когда наконецъ пришли каменщики, то оказалось, что нѣтъ песку: какъ-то упустили изъ виду, что онъ нуженъ. Пользуясь нашимъ безвыходнымъ положеніемъ, мужики запросили по тридцати копеекъ за возъ, хотя отъ постройки до рѣки, гдѣ брали песокъ, не было и четверти версты, а всѣхъ возовъ понадобилось болѣе пятисотъ. Конца не было недо-

разумѣніямъ, брани и попрошайству, жена возмущалась, а подрядчикъ - каменщикъ, Тить Петровъ, семидесятилѣтній старикъ, бралъ ее за руку и говорилъ:

— Гляди ты сюда! Гляди ты сюда! Привези ты мнѣ только песку, пригоню тебѣ сразу десять человекъ, и въ два дня будетъ готово! Гляди ты сюда!

Но привезли песокъ, прошло и два, и четыре дня, и недѣля, а на мѣстѣ будущаго фундамента все еще зяла канава.

— Этакъ съ ума сойдешь!—волновалась жена.—Что за народъ! Что за народъ!

Во время этихъ неурядицъ къ намъ пріѣзжалъ инженеръ Викторъ Иванычъ. Онъ привозилъ съ собою кульки съ винами и закусками, долго ѣлъ, и потомъ ложился спать на террасѣ и храпѣлъ, такъ-что работники покачивали головами и говорили:

— Одиаче!

Маша бывала не рада его пріѣзду, не вѣрила ему и въ то же время совѣтовалась съ нимъ; когда онъ, выспавшись послѣ обѣда и вставши не въ духѣ, дурно отзывался о нашемъ хозяйствѣ или выражалъ сожалѣніе, что купилъ Дубечню, которая принесла ему уже столько убытковъ, то на лицѣ у бѣдной Маши выражалась тоска; она жаловалась ему, онъ зѣвалъ и говорилъ, что мужиковъ надо драть.

Нашу женитьбу и нашу жизнь онъ называлъ комедіей, говорилъ, что это капризъ, баловство.

— Съ нею уже бывало иѣчто подобное, — рассказывалъ онъ мнѣ про Машу. — Она разъ вообразила себя оперною пѣвицей и ушла отъ меня; я искалъ ее два мѣсяца и, любезнѣйшій, на однѣ телеграммы истратилъ тысячу рублей.

Онъ уже не называлъ меня ни сектантомъ, ни господиномъ маляромъ, и не относился съ одобреніемъ къ моей рабочей жизни, какъ раньше, а говорилъ:

— Вы—странный человекъ! Вы — ненормальный человекъ! Не смѣю предсказывать, но вы дурно кончите-сь!

А Маша плохо спала по ночамъ и все думала о чемъ-то, сидя у окна нашей спальни. Не было уже смѣха за ужиномъ, ни милыхъ гримасъ. Я страдалъ, и когда шелъ дождь, то каждая капля его врѣзывалась въ мое сердце, какъ дробь, и я готовъ былъ пасть передъ Машей на колѣни и извиняться за погоду. Когда во дворѣ шумѣли мужики, то

я тоже чувствовал себя виноватымъ. По цѣлымъ часамъ я просиживалъ на одномъ мѣстѣ, думая только о томъ, какой великолѣпный человекъ Маша, какой это чудесный человекъ. Я страстно любилъ ее, и меня восхищало все, что она дѣлала, все, что говорила. У нея была склонность къ тихимъ кабинетнымъ занятіямъ, она любила читать подолгу, изучать что-нибудь; она, знавшая хозяйство только по книгамъ, удивляла всѣхъ насъ своими познаніями, и совѣты, какіе она давала, всѣ пригодились, и ни одинъ изъ нихъ не пропалъ въ хозяйствѣ даромъ. И при всемъ томъ, сколько благородства, вкуса и благодушія, того самаго благодушія, какое бываетъ только у прекрасно воспитанныхъ людей!

Для этой женщины со здоровымъ, положительнымъ умомъ беспорядочная обстановка съ мелкими заботами и дрязгами, въ которой мы теперь жили, была мучительна; я это видѣлъ и самъ не могъ спать по ночамъ, голюва моя работала и слезы подступали къ горлу. Я метался, не зная, что дѣлать.

Я скакалъ въ городъ и привозилъ Машѣ книги, газеты, конфеты, цвѣты, я вмѣстѣ со Степаномъ ловилъ рыбу, по цѣлымъ часамъ бродя по шею въ холодной водѣ подъ дождемъ, чтобы поймать налима и разнообразить нашъ столъ; я униженно просилъ мужиковъ не шумѣть, поилъ ихъ водкой, подкупалъ, давалъ имъ разныя обѣщанія. И сколько я еще дѣлалъ глупостей!

Дожди, наконецъ, перестали, земля высохла. Устанешь утромъ, часа въ четыре, выйдешь въ садъ,—роса блеститъ на цвѣтахъ, шумятъ птицы и насѣкомья, на небѣ ни одного облачка; и садъ, и лугъ, и рѣка такъ прекрасны, но воспоминанія о мужикахъ, о подводахъ, объ инженерахъ! Я и Маша вмѣстѣ уѣзжали на бѣговыхъ дрожкахъ въ поле, взглянуть на овесъ. Она правила, я сидѣлъ сзади; плечи у нея были приподняты и вѣтеръ игралъ ея волосами.

— Права держи!—кричала она встрѣчнымъ.

— Ты похожа на ямщика,—сказалъ я ей какъ-то.

— А можетъ-быть! Вѣдь мой дѣдъ, отецъ инженера, былъ ямщикъ. Ты не знаешь этого? — спросила она, обернувшись ко мнѣ, и тотчасъ же представила, какъ кричать и какъ лаютъ ямщики.

«И слава Богу!—думалъ я, слушая ее.—Слава Богу!»

И опять воспоминанія о мужикахъ, о подводахъ, объ инженерѣ...

XIII.

Пріѣхалъ на велосипедѣ докторъ Благово. Стала часто бывать сестра. Опять разговоры о физическомъ трудѣ, о прогрессѣ, о таинственномъ искѣ, ожидающемъ человѣчество въ отдаленномъ будущемъ. Докторъ не любилъ нашего хозяйства, потому что оно мѣшало намъ спорить, и говорилъ, что пахать, косить, пасти телятъ недостойно свободного человѣка, и что всѣ эти грубые виды борьбы за существованіе люди со временемъ возложатъ на животныхъ и на машины, а сами будутъ заниматься исключительно научными изслѣдованіями. А сестра все просила отпустить ее пораньше домой, и если оставалась до поздняго вечера или ночевать, то волненіямъ не было конца.

— Боже мой, какой вы еще ребенокъ! — говорила съ упрекомъ Мама. — Это даже смѣшно, наконецъ.

— Да, смѣшно, — соглашалась сестра: — я сознаю, что это смѣшно; но что дѣлать, если я не въ силахъ побороть себя? Миѣ все кажется, что я поступаю дурно.

Во время сѣнокоса у меня съ непривычки болѣло все тѣло; сиди вечеромъ на террасѣ со своимъ и разговаривая, я вдругъ засыпалъ, и надо мною громко смѣялись. Меня будили и усаживали за столъ ужинать, меня одолѣвала дремота, и я, какъ въ забытьи, видѣлъ огни, лица, тарелки, слышалъ голоса и не понималъ ихъ. А вставши рано утромъ, тотчасъ же брался за косу или уходилъ на постройку и работать весь день.

Оставаясь въ праздники дома, я замѣчалъ, что жена и сестра скрываютъ отъ меня что-то и даже какъ будто избѣгаютъ меня. Жена была нѣжна со мною попрежнему, но были у нея какія-то свои мысли, которыхъ она не сообщала мнѣ. Было несомнѣнно, что раздраженіе ея противъ крестьянъ росло, жизнь для нея становилась все тяжелѣе, а между тѣмъ она уже не жаловалась мнѣ. Съ докторомъ теперь она говорила охотнѣе, чѣмъ со мною, и я не понималъ, отчего это такъ.

Въ нашей губернии былъ обычай: во время сѣнокоса и уборки хлѣба по вечерамъ на барскій дворъ приходили рабочіе и ихъ угощали водкой, даже молодыя дѣвушки вы-

пивали по стакану. Мы не держались этого; косари и бабы стояли у насъ на дворѣ до поздняго вечера, ожидая водки, и потомъ уходили съ бранью. А Маша въ это время сурово хмурилась и молчала, или же говорила доктору съ раздраженіемъ, вполголоса:

— Дикари! Печепѣги!

Въ деревнѣ новичковъ встрѣчаютъ непривѣтливо, почти враждебно, какъ въ школѣ. Такъ встрѣгили и насъ. Въ первое время на насъ смотрѣли, какъ на людей глухихъ и простоватыхъ, которые купили себѣ имѣніе только потому, что некуда дѣвать денегъ. Надъ нами смѣялись. Въ нашемъ лѣсу и даже въ саду мужики пасли свой скотъ, угоняли къ себѣ въ деревню нашихъ коровъ и лошадей и потомъ приходили требовать за потраву. Приходили цѣлыми обществами къ намъ во дворъ и шумно заявляли, будто мы, когда косили, захватили край какой-нибудь не принадлежащей намъ Бышеевки или Семенихи; а такъ какъ мы еще не знали точно границъ нашей земли, то вѣрили наслово и платили штрафъ; потомъ же оказывалось, что косили мы правильно. Въ нашемъ лѣсу драли липки. Одинъ дубеченскій мужикъ, кулакъ, торговавшій водкой безъ патента, подкупалъ нашихъ работниковъ и вмѣстѣ съ ними обманывалъ насъ самымъ предательскимъ образомъ: новые колеса на телѣгахъ замѣнялъ старыми, бралъ наши пахотные хомуты и продавалъ ихъ намъ же и т. п. Но обидѣе всего было то, что происходило въ Куриловкѣ на постройкѣ; тамъ бабы по ночамъ крали тесъ, кирпичъ, изразцы, желѣзо; староста съ понятыми дѣлалъ у нихъ обыскъ, сходилъ штрафовать каждую на два рубля, и потомъ эти штрафныя деньги пропивались всѣмъ міромъ.

Когда Маша узнавала объ этомъ, то съ негодованіемъ говорила доктору или моей сестрѣ:

— Какія животныя! Это ужасъ! ужасъ!

И я слышалъ не разъ, какъ она выражала сожалѣніе, что затѣяла строить школу.

— Поймите, — убѣждалъ ее докторъ: — поймите, что если вы строите эту школу и вообще дѣлаете добро, то не для мужиковъ, а во имя культуры, во имя будущаго. И чѣмъ эти мужики хуже, тѣмъ больше поводовъ строить школу. Поймите!

Въ голосѣ его, однако, слышалась неувѣренность, и мнѣ

казалось, что онъ вмѣстѣ съ Машей ненавидѣлъ мужиковъ.

Маша часто уходила на мельницу и брала съ собою сестру, и обѣ, смѣясь, говорили, что онѣ идутъ посмотрѣть на Степана, какой онъ красивый. Степанъ, какъ оказалось, былъ медлителенъ и не разговорчивъ только съ мужчинами, въ женскомъ же обществѣ держалъ себя развязно и говорилъ безъ умолку. Разъ, придя на рѣку купаться, я невольно подслушалъ разговоръ. Маша и Клеопатра, обѣ въ бѣлыхъ платьяхъ, сидѣли на берегу подъ ивой, въ широкой тѣни, а Степанъ стоялъ возлѣ, заложивъ руки назадъ, и говорилъ:

— Нешто мужики—люди? Не люди, а, извините, звѣрье, шарлатаны. Какая у мужика жизнь? Только ѣсть да пить, харчи бы подешевле, да въ трактирѣ горло драть безъ ума; и ни тебѣ разговоровъ хорошихъ, ни обращенія, ни формальности, а такъ—невѣжа! И самъ въ грязи, и жена въ грязи, и дѣти въ грязи, въ чемъ былъ, въ томъ и легъ, картошку изъ щей тащить прямо пальцами, квасъ пьеть съ тараканомъ,—хоть бы подулъ!

— Бѣдность вѣдь!—вступилась сестра.

— Какая бѣдность! Оно точно, нужда, да вѣдь пужда нуждѣ рознь, сударыня. Вотъ ежели человѣкъ въ острогѣ сидитъ, или скажемъ, слѣпой, или безъ ногъ, то это, дѣйствительно, не дай Богъ никому, а ежели онъ на волѣ, при своемъ умѣ, глаза и руки у него есть, сила есть, Богъ есть, то чего ему еще? Баловство, сударыня, невѣжество, а не бѣдность. Ежели вотъ вы, положимъ, хорошие господа, по образованію вашему, изъ милости пожелаете оказать ему способіе, то онъ ваши деньги проньетъ по своей подлости, или, того хуже, самъ откроетъ питейное заведеніе и на ваши деньги начнетъ народъ грабить. Вы изволите говорить — бѣдность. А развѣ богатый мужикъ живетъ лучше? Тоже, извините, какъ свинья. Грубіяищъ, горланъ, дубина, идетъ поперекъ себя толще, морда пухлая, красная—такъ бы, кажется, размахнулся и ляпнулъ его, подлца. Вотъ Ларіонъ дубеченскій тоже богатый, а, небось, лубки въ вашемъ лѣсу деретъ не хуже бѣднаго; и самъ ругатель, и дѣти ругатели, а какъ выпьетъ лишнее, чкнется носомъ въ лужу и спитъ. Всѣ они, сударыня, не стоящіе. Поживешь съ ними въ деревнѣ, такъ словно въ аду. Навязла она у

меня въ зубахъ, деревня-то эта, и благодарю Господа, Царя Небеснаго, и сытъ я, и одѣтъ, отслужилъ въ драгунахъ свой срокъ, отходилъ старостой три года, и вольный я казакъ теперь: гдѣ хочу, тамъ и живу. Въ деревнѣ жить не желаю, и никто не имѣеть права меня заставить. Говорять, жена. Ты, говорятъ, обязанъ въ избѣ съ женой жить. А почему такое? Я къ ней не нанимался.

— Скажите, Степанъ, вы женились по любви?—спросила Маша.

— Какая у насъ въ деревнѣ любовь? — отвѣтилъ Степанъ и усмѣхнулся. — Собственно, сударыня, ежели вамъ угодно знать, я женатъ во второй разъ. Я самъ не куриловскій, а изъ Залегоща, а въ Куриловку меня потомъ въ зятя взяли. Значить, родитель не пожелалъ дѣлить насъ промежду себѣ—насъ всѣхъ пять братьевъ, я поклонился и былъ таковъ, пошелъ въ чужую деревню, въ зятя. А первая моя жена померла въ молодыхъ лѣтахъ.

— Отчего?

— Отъ глуности. Плачетъ, бывало, все плачетъ и плачетъ безъ толку, да такъ и зачахла. Какія-то все травы пила, чтобы покрасивѣть, да, должно, повредила внутренность. А вторая моя жена, куриловская—что въ ней? Деревенская баба, мужичка, и больше ничего. Когда ее за меня сватали, мнѣ поманилось; думаю, молодая, бѣлая изъ себя, чисто живутъ. Мать у ней словно бы хлыстовка и кофей пить, а главное, значить, чисто живутъ. Стало-быть, женился, а на другой день сѣли обѣдать, приказалъ я тещѣ ложку подать, а она подастъ ложку и, гляжу, пальцемъ ее вытерла. Вотъ тебѣ на, думаю, хороша у васъ чистота. Пожилъ съ ними годъ и ушелъ. Мнѣ, можетъ, на городской бы жениться, —продолжалъ онъ, помолчавъ.—Говорять, жена мужу помощница. Для чего мнѣ помощница, я и самъ себѣ помогу, а ты лучше со мной поговори, да не такъ, чтобы все те-те-те-те, а обстоятельно, чувствительно. Безъ хорошаго разговора—что за жизнь!

Степанъ вдругъ замолчалъ, и тотчасъ же послышалось его скучное, монотонное «у-лю-лю-лю». Это значило, что онъ увидѣлъ меня.

Маша бывала часто на мельницѣ и въ бесѣдахъ со Степаномъ, очевидно, находила удовольствіе; Степанъ такъ искренно и убѣжденно бранилъ мужиковъ — и ее тянуло

къ нему. Когда она возвращалась съ мельницы, то всякій разъ мужикъ-дурачокъ, который стерегъ садъ, кричалъ на нее:

— Дѣвка Палашка! Здорово, дѣвка Палашка!—И лаялъ на нее по-собачьи:— Гавъ! гавъ!

А она останавливалась и смотрѣла на него со вниманіемъ, точно въ лапъ этого дурачка находила отвѣтъ на свои мысли, и, вѣроятно, онъ притягивалъ ее такъ же, какъ браня Степана. А дома ожидало ее какое-нибудь извѣстіе, въ родѣ того, напимѣръ, что деревенскіе гуси потолкли у насъ на огородѣ капусту, или что Маріонъ вожжи укралъ, и она говорила, пожавъ плечами, съ усмѣшкой:

— Чтò же вы хотите отъ этихъ людей!

Она негодовала, на душѣ у нея собиралась накипь, а я, между тѣмъ, привыкалъ къ мужикамъ и меня все больше тянуло къ нимъ. Въ большинствѣ это были нервные, раздраженные, оскорбленные люди; это были люди съ подавленнымъ воображеніемъ, невѣжественные, съ бѣднымъ, тусклымъ кругозоромъ, все съ однѣми и тѣми же мыслями о сѣрой землѣ, о сѣрыхъ дняхъ, о черномъ хлѣбѣ, люди, которые хитрили, но, какъ птицы, прятали за дерево только одну голову,—которые не умѣли считать. Они не шли къ вамъ на сѣнокосъ за двадцать рублей, но шли за полведра водки, хотя за двадцать рублей могли бы купить четыре ведра. Въ самомъ дѣлѣ, были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при всемъ томъ, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая, въ общемъ, держится на какомъ-то крѣпкомъ, здоровомъ стержнѣ. Какимъ бы неуклюжимъ звѣремъ ни казался мужикъ, идя за своею сохой, и какъ бы онъ ни дурманилъ себя водкой, все же, приглядываясь къ нему поближе, чувствуешь, что въ немъ есть то нужное и очень важное, чего нѣтъ, напимѣръ, въ Маши и въ докторѣ, а именно, онъ вѣрить, что главное на землѣ—правда, и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, и потому больше всего на свѣтѣ онъ любитъ справедливость. Я говорилъ женѣ, что она видитъ пятна на стеклѣ, но не видитъ самага стекла; въ отвѣтъ она молчала, или же напѣвала, какъ Степанъ: «у-лю-лю-лю»... Когда эта добрая, умная женщина блѣднѣла отъ негодованія и съ дрожью въ голосѣ говорила съ докторомъ о пьянствѣ и обманахъ, то меня приводила въ недоумѣніе и поражала ея забывчивость. Какъ могла

она забыть, что ея отецъ, инженеръ, тоже пилъ, много пилъ, и что деньги, на которыя была куплена Дубечня, были пріобрѣтены путемъ цѣлаго ряда наглыхъ, безсовѣстныхъ обмановъ? Какъ могла она забыть?

XIV.

И сестра тоже жила своею особою жизнью, которую тщательно скрывала отъ меня. Она часто шепталась съ Машей. Когда я подходилъ къ ней, она вся сжималась, и взглядъ ея становился виноватымъ, умоляющимъ; очевидно, въ ея душѣ происходило что-то такое, чего она боялась или стыдилась. Чтобы какъ-нибудь не встрѣтиться въ саду или не остаться со мною вдвоемъ, она все время держалась около Маши, и мнѣ приходилось говорить съ нею рѣдко, только за обѣдомъ.

Какъ-то вечеромъ я тихо шелъ садомъ, возвращаясь съ постройки. Уже начинало темнѣть. Не замѣчая меня, не слыша моихъ шаговъ, сестра ходила около старой, широкой яблони, совершенно безшумно, точно привидѣніе. Она была въ черномъ и ходила быстро, все по одной линіи, взадъ и впередъ, глядя въ землю. Упало съ дерева яблоко, она вздрогнула отъ шума, остановилась и прижала руки къ вискамъ. Въ это самое время я подошелъ къ ней.

Въ порывѣ нѣжной любви, которая вдругъ прилила къ моему сердцу, со слезами, вспоминая почему-то нашу мать, наше дѣтство, я обнялъ ее за плечи и поцѣловалъ.

— Что съ тобою?—спросилъ я.—Ты страдаешь, я давно это вижу. Скажи, что съ тобою?

— Мнѣ страшно...—проговорила она, дрожа.

— Что же съ тобой?—допытывался я.—Ради Бога, будь откровенна!

— Я буду, буду откровенна, я скажу тебѣ всю правду. Скрывать отъ тебя — это такъ тяжело, такъ мучительно! Мисаилъ, я люблю...—продолжала она шепотомъ.—Я люблю, я люблю... Я счастлива, но почему мнѣ такъ страшно!

Послышались шаги, показался между деревьями докторъ Благово въ шелковой рубахѣ, въ высокихъ сапогахъ. Очевидно, здѣсь около яблони у нихъ было назначено свиданіе. Увидѣвъ его, она бросилась къ нему порывисто, съ болѣзненнымъ крикомъ, точно его отнимали у нея:

— Владиміръ! Владиміръ!

Она прижималась къ нему и съ жадностью глядѣла ему въ лицо, и только теперь я замѣтила, какъ похудѣла и поблѣднѣла она въ последнее время. Особенно это было замѣтно по ея кружевному воротничку, который я давно знала и который теперь свободнѣе, чѣмъ когда-либо, облегалъ ея шею, тонкую и длинную. Докторъ смутился, но тотчасъ же оправился и сказалъ, приглаживая ея волосы:

— Ну, полно, полно... Зачѣмъ такъ нервничать? Видишь, я прѣхаль.

Мы молчали, застѣнчиво поглядывая другъ на друга. Потомъ мы шли втроемъ, и я слышала, какъ докторъ говорилъ мнѣ:

— Культурная жизнь у насъ еще не начиналась. Старики утѣшаютъ себя, что если теперь нѣтъ ничего, то было что-то въ сороковыхъ или шестидесятыхъ годахъ; это — старики, мы же съ вами молоды, нашихъ мозговъ еще не тронулъ *marasmus senilis*, мы не можемъ утѣшать себя такими иллюзіями. Начало Руси было въ 862 году, а начала культурной Руси, я такъ понимаю, еще не было.

Но я не вникала въ эти соображенія. Какъ-то было странно, не хотѣлось вѣрить, что сестра влюблена, что она вотъ идетъ и держитъ за руку чужого и нѣжно смотритъ на него. Моя сестра, это нервное, запуганное, забитое, не свободное существо, любитъ человѣка, который уже женатъ и имѣетъ дѣтей! Чего-то мнѣ стало жаль, а чего именно, — не знаю; присутствіе доктора почему-то было уже непріятно, и я никакъ не могъ понять, что можетъ выйти изъ этой ихъ любви.

XV.

Я и Маша ѣхали въ Куриловку на освященіе школы.

— Осень, осень, осень... — тихо говорила Маша, глядя по сторонамъ. — Прошло лѣто. Птицъ нѣтъ, и зелены одиѣ только вербы.

Да, уже прошло лѣто. Стоять ясные, теплые дни, но по утрамъ свѣжо, пастухи выходятъ уже въ тулунахъ, а въ нашемъ саду на астрахъ роса не высыхаетъ въ теченіе всего дня. Все слышатся жалобные звуки, и не разберешь, ставня ли это ноетъ на своихъ ржавыхъ петляхъ, или летятъ журавли — и становится хорошо на душѣ и такъ хочется жить!

— Прошло лѣто...—говорила Маша.—Теперь мы съ тобою можемъ подвести итоги. Мы много работали, много думали, мы стали лучше отъ этого,—честь намъ и слава,—мы преуспѣли въ личномъ совершенствѣ; но эти наши успѣхи имѣли ли замѣтное вліяніе на окружающую жизнь, принесли ли пользу, хотя кому-нибудь? Нѣтъ. Невѣжество, физическая грязь, пьянство, поразительно высокая дѣтская смертность,—все осталось, какъ и было, и оттого, что ты пахалъ и сѣялъ, а я тратила деньги и читала книжки, никому не стало лучше. Очевидно, мы работали только для себя и широко мыслили только для себя.

Подобныя разсужденія сбивали меня, и я не зналъ, что думать.

— Мы отъ начала до конца были искренни, — сказали я:—а кто искрененъ, тотъ и правъ.

— Кто спорить? Мы были правы, но мы неправильно осуществляли то, въ чемъ мы правы. Прежде всего, самые наши виѣшніе приемы—развѣ они не ошибочны? Ты хочешь быть полезенъ людямъ, но ужъ однимъ тѣмъ, что ты покупаешь имѣніе, ты съ самаго начала преграждаешь себѣ всякую возможность сдѣлать для нихъ что-нибудь полезное. Затѣмъ, если ты работаешь, одѣваешься и ѣшь, какъ мужикъ, то ты своимъ авторитетомъ какъ бы узаконяешь эту ихъ тяжелую, неуклюжую одежду, ужасныя избы, эти ихъ глуныя бороды... Съ другой стороны, допустимъ, что ты работаешь долго, очень долго, всю жизнь, что, въ концѣ-концовъ, получаютъ кое-какіе практическіе результаты, но что они, эти твои результаты, что они могутъ противъ такихъ стихійныхъ силъ, какъ гуртовое невѣжество, голодъ, холодъ, вырожденіе? Капля въ морѣ! Тутъ нужны другіе способы борьбы, сильныя, смѣлыя, скорыя! Если въ самомъ дѣлѣ хочешь быть полезенъ, то выходи изъ тѣснаго круга обычной дѣятельности и старайся дѣйствовать сразу на массу! Нужна прежде всего шумная, энергическая проповѣдь. Почему искусство, напримѣръ, музыка, такъ живуче, такъ популярно и такъ сильно на самомъ дѣлѣ? А потому, что музыкантъ или пѣвецъ дѣйствуетъ сразу на тысячи. Милое, милое искусство! — продолжала она, мечтательно глядя на небо. — Искусство даетъ крылья и уноситъ далеко-далеко! Кому надоѣла грязь, мелкіе грошовые интересы, кто возмущенъ, оскорбленъ и негодуетъ, тотъ мо-

жетъ найти покой и удовлетвореніе только въ прекрасномъ.

Когда мы подъѣзжали къ Куриловкѣ, погода была ясная, радостная. Кое-гдѣ во дворахъ молотили, пахло ржаною соломой. За плетнями ярко-краснѣла рябина, и деревья кругомъ, куда ни взглянешь, были все золотыя или красныя. На колокольнѣ звонили, несли къ школѣ образа, и было слышно, какъ пѣли: «Заступница усердная». А какой прозрачный воздухъ, какъ высоко летали голуби!

Служили въ классной молебень. Потомъ куриловскіе крестьяне поднесли Машѣ икону, а дубеченскіе — большой крендель и позолоченную солонку. И Маша разрыдалась.

— А ежели что было сказано лишнее или какія неудобствія, то простите, — сказалъ одинъ старикъ и поклонился ей и мнѣ.

Когда мы ѣхали домой, Маша оглядывалась на школу; зеленая крыша, выкрашенная мною и теперь блестящая на солнцѣ, долго была видна намъ. И я чувствовалъ, что взгляды, которые бросала теперь Маша, были прощальныя.

XVI.

Вечеромъ она собралась въ городъ.

Въ послѣднее время она часто уѣзжала въ городъ и тамъ ночевала. Въ ея отсутствіе я не могъ работать, руки у меня опускались и слабѣли; нашъ большой дворъ казался скучнымъ, отвратительнымъ пустыремъ, садъ шумѣлъ сердито, и безъ нея домъ, деревья, лошади для меня уже не были «наши».

И никуда не выходилъ изъ дому, а все сидѣлъ за ея столомъ, около ея шкапа съ сельско-хозяйственными книгами, этими бывшими фаворитами, теперь уже ненужными, смотрѣвшими на меня такъ сконфуженно. По цѣлымъ часамъ, пока было семь, восемь, девять, пока за окнами наступала осенняя ночь, черная, какъ сажа, я осматривалъ ея старую перчатку, или перо, которымъ она всегда писала, или ея маленькія ножницы; я ничего не дѣлалъ и ясно сознавалъ, что если раньше дѣлалъ что-нибудь, если пахалъ, косилъ, рубилъ, то потому только, что этого хотѣла она. И если бы она послала меня чистить глубокой колодець, гдѣ бы я стоялъ по поясъ въ водѣ, то я полѣзъ бы

и въ колодець, не разбирая, нужно это или нѣтъ. А теперь, когда ея не было возлѣ, Дубечня съ ея развалинами, неубраиствомъ, съ хлопающими ставнями, съ ворами, ночными и дневными, представлялась мнѣ уже хаосомъ, въ которомъ всякая работа была бы бесполезна. Да и для чего мнѣ было тутъ работать, для чего заботы и мысли о будущемъ, если я чувствовалъ, что изъ-подъ меня уходитъ почва, что роль моя здѣсь, въ Дубечнѣ, уже сыграна, что меня, однимъ словомъ, ожидаетъ та же участь, которая постигла книги по сельскому хозяйству? О, какая это была тоска ночью, въ часы одиночества, когда я каждую минуту прислушивался съ тревогой, точно ждать, что вотъ-вотъ кто-нибудь крикнетъ, что мнѣ пора уходить. Мнѣ не было жаль Дубечни, мнѣ было жаль своей любви, для которой, очевидно, тоже наступила уже своя осень. Какое это огромное счастье любить и быть любимымъ, и какой ужасъ чувствовать, что начинаешь сваливаться съ этой высокой башни!

Маша вернулась изъ города на другой день къ вечеру. Она была недовольна чѣмъ-то, но скрывала это и только сказала, зачѣмъ это вставлены всѣ зимнія рамы, — этакъ задохнуться можно. Я выставилъ двѣ рамы. Намъ вѣсть не хотѣлось, но мы сѣли и поужинали.

— Поди, вымой руки, — сказала жена. — Отъ тебя пахнетъ замазкой.

Она привезла изъ города новые иллюстрированные журналы, и мы вмѣстѣ разсматривали ихъ послѣ ужина. Попадались приложенія съ модными картинками и выкройками. Маша оглядывала ихъ мелькомъ и откладывала въ сторону, чтобы потомъ рассмотреть особо, какъ слѣдуетъ: но одно платье съ широкою, какъ колоколь, гладкою юбкой и съ большими рукавами заинтересовало ее, и она минуту смотрѣла на него серьезно и внимательно.

— Это не дурно, — сказала она.

— Да, это платье тебѣ очень пойдетъ, — сказалъ я. — Очень!

И глядя съ умилениемъ на платье, любуясь этимъ сѣрымъ пятномъ только потому, что оно ей понравилось, я продолжалъ нѣжно:

— Чудное, прелестное платье! Прекрасная, великолѣпная Маша! Дорогая моя Маша!

И слезы закапали на картинку.

— Великолѣбная Маша...—бормоталъ я.—Милая, дорогая Маша...

Она пошла и легла, а я еще съ часъ сидѣлъ и разсматривалъ иллюстраціи.

— Напрасно ты выставилъ рамы, — сказала она изъ спальни. — Боюсь, какъ бы не было холодно. Ишь вѣдь, какъ задуваетъ!

Я прочелъ кое-что изъ «смѣси»—о приготовленіи дешевыхъ чернилъ и о самомъ большомъ брильянтѣ на свѣтѣ. Мнѣ опять попалась модная картинка съ платьемъ, которое ей понравилось, и я вообразилъ себя ее на балу съ вѣромъ, съ голыми плечами, блестящую, роскошную, знающую толкъ и въ музыкѣ, и въ живописи, и въ литературѣ, и какую маленькою, короткою показала мнѣ моя роль!

Наша встрѣча, это наше супружество были лишь эпизодомъ, какихъ будетъ еще не мало въ жизни этой живой, богато-одаренной женщины. Все лучшее въ мірѣ, какъ я уже сказалъ, было къ ея услугамъ и получалось ею совершенно даромъ, и даже идеи и модное умственное движеніе служили ей для наслажденія, разнообразя ей жизнь, и я былъ лишь извозчикомъ, который довезъ ее отъ одного увлеченія къ другому. Теперь ужъ я ненуженъ ей, она выпорхнетъ, и я останусь одинъ.

И какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли на дворѣ раздался отчаянный крикъ:

— Ка-ра-у-ль!

Это былъ тонкій бабій голосъ, и, точно желая передразнить его, въ трубѣ загудѣлъ вѣтеръ тоже тонкимъ голосомъ. Прошло съ полминуты, и опять послышалось сквозь шумъ вѣтра, но уже какъ будто съ другого конца двора:

— Ка-ра-у-ль!

— Мисаилъ, ты слышишь?—спросила тихо жена. — Ты слышишь?

Она вышла ко мнѣ изъ спальни въ одной сорочкѣ, съ распущенными волосами, и прислушалась, глядя на темное окно.

— Кого-то душатъ! — проговорила она. — Этого еще не доставало.

Я взялъ ружье и вышелъ. На дворѣ было очень темно,

дулъ сильный вѣтеръ, такъ что трудно было стоять. Я пошелъ къ воротамъ, прислушался: шумять деревья, свистить вѣтеръ и въ саду, должно-быть, у мужика-дурачка лѣниво подвываетъ собака. За воротами тьма кромѣшная, на линіи ни одного огонька. И около того флигеля, гдѣ въ прошломъ году была контора, вдругъ раздался придушенный крикъ:

— Ка-ра-у-ль!

— Кто тамъ? — окликнулъ я.

Боролись два человѣка. Одинъ выталкивалъ, а другой упирался, и оба тяжело дышали.

— Пусти! — говорилъ одинъ, и я узналъ Ивана Чепракова; онъ-то и кричалъ тонкимъ бабьимъ голосомъ. — Пусти, проклятый, а то я тебѣ всѣ руки искусаю!

Въ другомъ я узналъ Моисея. Я рознялъ ихъ и при этомъ не удержался и ударилъ Моисея по лицу два раза. Онъ упалъ, потомъ поднялся, и я ударилъ его еще разъ.

— Они хотѣли меня убить, — бормоталъ онъ. — Къ мамашинному комоду подбирались... Ихъ я желаю запереть во флигелѣ для безопасности-съ.

А Чепраковъ былъ пьянъ, не узнавалъ меня и все глубоко вздыхалъ, какъ бы набирая воздуха, чтобы опять крикнуть караулъ.

Я оставилъ ихъ и вернулся въ домъ; жена лежала въ постели, уже одѣтая. Я рассказалъ ей о томъ, что происходило на дворѣ, и не скрылъ даже, что билъ Моисея.

— Страшно жить въ деревнѣ, — проговорила она. — И такая это длинная ночь, Богъ съ ней.

— Ка-ра-у-ль! — послышалось опять, немного погодя.

— Я пойду уйму ихъ, — сказалъ я.

— Нѣтъ, пусть они себѣ тамъ перегрызутъ горла, — проговорила она съ безразличнымъ выраженіемъ.

Она глядѣла въ потолокъ и прислушивалась, а я сидѣлъ возлѣ, не смѣя заговорить съ нею, съ такимъ чувствомъ, какъ будто я былъ виноватъ, что на дворѣ кричали «караулъ» и что ночь была такая длинная.

Мы молчали, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда въ окнахъ забрезжитъ свѣтъ. А Маша все время глядѣла такъ, будто очнулась отъ забытья и теперь удивлялась, какъ это она, такая умная, воспитанная, такая опрятная, могла попасть въ этотъ жалкій провинціальный пустырь,

въ шапку мелкихъ ничтожныхъ людей, и какъ это она могла забытья до такой степени, что даже увлеклась однимъ изъ этихъ людей и больше полугода была его женой. Мнѣ казалось, что для нея было уже все равно, что я, что Моисей, что Чепраковъ; все для нея слилось въ этомъ пьяномъ, дикомъ «караулъ»—и я, и нашъ бракъ, и наше хозяйство, и осенняя распутица; и когда она вздыхала или двигалась, чтобы лечь поудобнѣе, то я читалъ на ея лицѣ: «О, поскорѣ бы утро!»

Утромъ она уѣхала.

Я прожилъ въ Дубчинѣ еще три дня, ожидая ее, потомъ сложилъ все наши вещи въ одну комнату, заперъ и пошелъ въ городъ. Когда я позвонился къ инженеру, то былъ уже вечеръ, и на нашей Большой Дворянской горѣли фонари. Павелъ сказалъ мнѣ, что никого нѣтъ дома: Викторъ Ивановичъ уѣхалъ въ Петербургъ, а Марія Викторовна, должно-быть, у Ажогиныхъ на репетици. Помню, съ какимъ волненіемъ я шелъ потомъ къ Ажогинымъ, какъ стучало и замирало мое сердце, когда я поднимался по лѣстницѣ и долго стоялъ вверху на площадкѣ, не смѣя войти въ этотъ храмъ музъ! Въ залѣ на столикѣ, на роялѣ, на сценѣ горѣли свѣчи, вездѣ по три, и первый спектакль былъ назначенъ на тринадцатое число, и теперь первая репетиція была въ понедѣльникъ — тяжелый день. Борьба съ предразсудками! Все любители сценическаго искусства были уже въ сборѣ; старшая, средняя и младшая ходили по сценѣ, читая свои роли по тетрадкамъ. Въ сторонѣ ото всѣхъ неподвижно стоялъ Рѣдка, прислонившись вискомъ къ стѣнѣ, и съ обожаніемъ смотрѣлъ на сцену, ожидая начала репетици. Все какъ было!

Я направился къ хозяйкѣ, — надо было поздороваться, но вдругъ все зашикали, замахали мнѣ, чтобы я не стучалъ ногами. Стало тихо. Подняли крышку у рояля, сѣла какая-то дама, шуря свои близорукіе глаза на ноты, и къ роялю подошла моя Маша, разодѣтая, красивая, но красивая-какъ-то особенно, по-новому, совсѣмъ не похожая на ту Машу, которая весной приходила ко мнѣ на мельницу; она зашла:

Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?

За все время нашего знакомства это въ первый разъ я слышалъ, какъ она пѣла. У нея былъ хорошій, сочный,

сильный голосъ, и, пока она пѣла, мнѣ казалось, что я ѣмъ спѣлую, сладкую, душистую дыню. Вотъ она кончила, ей аплодировали, и она улыбалась, очень довольная, игралъ глазами, перелистывая ноты, поправляя на себѣ платье, точно птица, которая вырвалась, наконецъ, изъ клѣтки и на свободѣ оправляетъ свои крылья. Волосы у нея были зачесаны на уши, и на лицѣ было нехорошее, задорное выраженіе, точно она хотѣла сдѣлать всѣмъ намъ вызовъ, или крикнуть на насъ, какъ на лошадей: «Эй, вы, милые!»

И, должно-быть, въ это время она была очень похожа на своего дѣда ямщика.

— И ты здѣсь?—спросила она, подавая мнѣ руку.—Ты слышалъ, какъ я пѣла? Ну, какъ ты находишь?—и не дожидаясь моего отвѣта, она продолжала: — Очень кстати, что ты здѣсь. Сегодня ночью я уѣзжаю ненадолго въ Петербургъ. Ты меня отпустишь?

Въ полночь я провожалъ ее на вокзалъ. Она нѣжно обняла меня, вѣроятно, въ благодарность за то, что я не задавалъ ненужныхъ вопросовъ, и обѣщала писать мнѣ, а я долго сжималъ ея руки и цѣловалъ ихъ, едва сдерживая слезы, не говоря ей ни слова.

А когда она уѣхала, я стоялъ, смотрѣлъ на удалявшіеся огни, ласкалъ ее въ своемъ воображеніи и тихо говорилъ:

— Милая моя Маша, великолѣпная Маша...

Ночевалъ я въ Макарихѣ у Карповны, а утромъ уже вмѣстѣ съ Рѣдькой обивалъ мебель у одного богатаго кулца, выдававшего свою дочь за доктора.

XVII.

Въ воскресенье послѣ обѣда приходила ко мнѣ сестра и пила со мною чай.

— Теперь я очень много читаю,— говорила она, показывая мнѣ книги, которыя она, идя ко мнѣ, взяла изъ городской библіотеки. — Спасибо твоей женѣ и Владиміру, они возбудили во мнѣ самосознаніе. Они спасли меня, сдѣлали то, что я теперь чувствую себя человѣкомъ. Прежде, бывало, я не спала по ночамъ отъ разныхъ заботъ: «ахъ, за недѣлю у насъ сошло много сахара! ахъ, какъ бы не пересолить огурцы!» И теперь я тоже не сплю, но у меня уже другія мысли. Я мучаюсь, что такъ глухо,

малодушно прошла у меня половина жизни. Свое прошлое я презираю, стыжусь его, а на отца я смотрю теперь, какъ на своего врага. О, какъ я благодарна твоей женѣ! А Владиміръ? Это такой чудный человѣкъ! Они открыли мнѣ глаза.

— Это не хорошо, что ты не спишь по ночамъ, — сказала я.

— Ты думаешь, — я больна? Нисколько. Владиміръ выслушалъ меня и говорилъ, что я совершенно здорова. Но дѣло не въ здоровьѣ, оно не такъ важно... Ты мнѣ скажи: я права?

Она нуждалась въ нравственной поддержкѣ — это было очевидно. Маша уѣхала, докторъ Благово былъ въ Петербургѣ, и въ городѣ не оставалось никого, кромѣ меня, кто бы могъ сказать ей, что она права. Она пристально вглядывалась мнѣ въ лицо, стараясь прочесть мои тайныя мысли, и если я при ней задумывался и молчалъ, то она это принимала на свой счетъ и становилась печальна. Приходилось все время быть насторожѣ, и когда она спрашивала меня, права ли она, то я спѣшилъ отвѣтить ей, что она права и что я глубоко ее уважаю.

— Ты знаешь? Мнѣ у Ажогиныхъ дали роль, — продолжала она. — Хочу играть на сценѣ. Хочу жить, однимъ словомъ, хочу пить изъ полной чаши. Таланта у меня нѣтъ никакого, и роль всего въ десять строкъ, но все же это неизмѣримо выше и благороднѣе, чѣмъ разливать чай по пяти разъ на день и подглядывать, не стѣла ли кухарка лишняго куска. А главное, пусть наконецъ отецъ увидитъ, что и я способна на протестъ.

Послѣ чаю она легла на мою постель и полежала нѣкоторое время съ закрытыми глазами, очень блѣдная.

— Какая слабосты! — проговорила она, поднимаясь. — Владиміръ говорилъ, что всѣ городскія женщины и дѣвушки малокровны отъ бездѣлья. Какой умный человѣкъ Владиміръ! Онъ правъ, безконечно правъ. Надо работать!

Черезъ два дня она пришла къ Ажогинымъ на репетицію, съ тетрадкой. Она была въ черномъ платьѣ, съ коралловою ниткой на шеѣ, съ брошью, похожею издали на слоеный пирожокъ, и въ ушахъ были большія серьги, въ которыхъ блестяло по брильянту. Когда я взглянулъ на нее, то мнѣ стало неловко: меня поразила безвкусица.

Что она некстати надѣла серьги и брильянты и была странно одѣта, замѣтили и другіе; я видѣлъ на лицахъ улыбки и слышалъ, какъ кто-то проговорилъ, смѣясь:

— Клеопатра Египетская.

Она старалась быть свѣтскою, непринужденной, покойной и оттого казалась манерною и странной. Простота и милость покинули ее.

— Сейчасъ я объявила отцу, что ухожу на репетицію,—начала она, подходя ко мнѣ: — и онъ крикнулъ, что лишаетъ меня благословенія, и даже едва не ударилъ меня. Представь, я не знаю своей роли,—сказала она, заглядывая въ тетрадку.—Я непременно собьюсь. Итакъ, жребій брошенъ,—продолжала она въ сильномъ волненіи.—Жребій брошенъ...

Ей казалось, что всѣ смотрятъ на нее и всѣ изумлены тѣмъ важнымъ шагомъ, на который она рѣшилась, что всѣ ждуть отъ нея чего-то особеннаго, и убѣдить ее, что на такихъ маленькихъ и неинтересныхъ людей, какъ я и она, никто не обращаетъ вниманія, было невозможно.

До третьяго акта ей нечего было дѣлать, и ея роль гостыи, провинціальной кумушки, заключалась лишь въ томъ, что она должна была постоять у двери, какъ бы подслушивая, и потомъ сказать короткій монологъ. До своего выхода, по крайней мѣрѣ, часа полтора, пока на сценѣ ходили, читали, пили чай, спорили, она не отходила отъ меня и все время бормотала свою роль и нервно мяла тетрадку; и воображая, что всѣ смотрятъ на нее и ждуть ея выхода, она дрожащею рукой поправляла волосы и говорила мнѣ:

— Я непременно собьюсь... Какъ тяжело у меня на душѣ, если бъ ты зналъ! У меня такой страхъ, будто меня поведутъ сейчасъ на смертную казнь.

Наконецъ, настала ея очередь.

— Клеопатра Алексѣевна,—вамъ!—сказалъ режиссеръ.

Она вышла на середину сцены съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, некрасивая, угловатая, и съ полминуты простояла, какъ въ столбнякѣ, совершенно неподвижно, и только однѣ большія сережки качались подъ ушами.

— Въ первый разъ можно по тетрадкѣ, — сказалъ кто-то.

Мнѣ было ясно, что она дрожить и отъ дрожи не мо-

жетъ говорить и развернуть тетрадку, и что ей вовсе не до роли, и я уже хотѣлъ пойти къ ней и сказать ей что-нибудь, какъ она вдругъ опустилась на колѣни среди сцены и громко зарыдала.

Все двигалось, все шумѣло вокругъ, одинъ я стоялъ, прислонившись къ кулисъ, пораженный тѣмъ, что произошло, не понимая, не зная, что мнѣ дѣлать. Я видѣлъ, какъ ее подняли и увели. Я видѣлъ, какъ ко мнѣ подошла Анюта Благово; раньше я не видѣлъ ея въ залѣ, и теперь она точно изъ земли выросла. Она была въ шляпѣ, подъ вуалью, и, какъ всегда, имѣла такой видъ, будто зашла только на минуту.

— Я говорила ей, чтобы она не играла, — сказала она сердито, отрывисто выговаривая каждое слово и краснѣя. — Это — безуміе! Вы должны были удержать ее!

Быстро подошла Ажогина-мать въ короткой кофточкѣ съ короткими рукавами, съ табачнымъ пепломъ на груди, худая и плоская.

— Другъ мой, это ужасно, — проговорила она, ломая руки и, по обыкновенію, пристально всматриваясь мнѣ въ лицо. — Это ужасно! Ваша сестра въ положеніи... она беременна! Уведите ее, прошу васъ...

Она тяжело дышала отъ волненія. А въ сторонѣ стояли три дочери, такія же, какъ она, худыя и плоскія, и дугливо жались другъ къ другу. Онѣ были встревожены, ошеломлены, точно въ ихъ домѣ только-что поймали каторжника. Какой позоръ, какъ страшно! А вѣдь это почтенное семейство всю свою жизнь боролось съ предразсудками; очевидно, оно полагало, что всѣ предразсудки и заблужденія человѣчества только въ трехъ свѣчахъ, въ тринадцатомъ числѣ, въ тяжеломъ днѣ — понедѣльникѣ!

— Прошу васъ... прошу... — повторяла госпожа Ажогина, складывая губы сердечкомъ на слогъ «шу» и выговаривая его, какъ «шю». — Прошу, уведите ее домой.

XVIII.

Немного погодя, я и сестра шли по улицѣ. Я прикрывалъ ее полой своего пальто; мы торопились, выбирая переулки, гдѣ не было фонарей, прячась отъ встрѣчныхъ, и это было похоже на бѣгство. Она уже не плакала, а глядѣла на меня сухими глазами. До Макарихи, куда я велъ

ее, было ходьбы всего минутъ двадцать, и, странное дѣло, за такое короткое время мы успѣли припомнить всю нашу жизнь, мы обо всемъ переговорили, обдумали наше положеніе, сообразили...

Мы рѣшили, что намъ уже нельзя больше оставаться въ этомъ городѣ, и что когда я добуду немного денегъ, то мы переѣдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто. Въ однихъ домахъ уже спали, въ другихъ играли въ карты; мы ненавидѣли эти дома, боялись ихъ и говорили объ изувѣрствѣ, сердечной грубости, ничтожествѣ этихъ почтенныхъ семействъ, этихъ любителей драматическаго искусства, которыхъ мы такъ испугали, и я спрашивалъ, чѣмъ же эти глуше, жестокіе, лѣнивые, нечестные люди лучше пьяныхъ и суевѣрныхъ куриловскихъ мужиковъ, или чѣмъ лучше они животныхъ, которыя тоже приходятъ въ смятеніе, когда какая-нибудь случайность нарушаетъ однообразіе ихъ жизни, ограниченной инстинктами. Что было бы теперь съ сестрой, если бы она осталась жить дома? Какія нравственныя мученія испытывала бы она, разговаривая съ общимъ, встрѣчаясь каждый день со знакомыми? Я воображалъ себѣ это, и тутъ же мнѣ приходили на память люди, все знакомые люди, которыхъ медленно сживали со свѣта ихъ близкіе и родные, припомнились замученныя собаки, сходящія съ ума, живые воробьи, ошципанные мальчишками до-гола и брошенные въ воду—и длинный, длинный рядъ глухихъ медлительныхъ страданій, которыя я наблюдалъ въ этомъ городѣ непрерывно съ самаго дѣтства; и мнѣ было непонятно, чѣмъ живутъ эти шестьдесятъ тысячъ жителей, для чего они читають евангеліе, для чего молятся, для чего читають книги и журналы. Какую пользу принесло имъ все то, что до сихъ поръ писалось и говорилось, если у нихъ все та же душевная темнота и то же отвращеніе къ свободѣ, что было и сто, и триста лѣтъ назадъ? Подрядчикъ-плотникъ всю свою жизнь строитъ въ городѣ дома и все же до самой смерти вмѣсто «галлерей» говоритъ «галдарей», такъ и эти шестьдесятъ тысячъ жителей поколѣніями читають и слышатъ о правдѣ, о милосердіи и свободѣ, и все же до самой смерти згутъ отъ утра до вечера, мучають другъ друга, а свободы боятся и ненавидятъ ее, какъ врага.

— Итакъ, судьба моя рѣшена, — сказала сестра, когда

мы пришли домой. — Послѣ того, что случилось, я уже не могу возвратиться *туда*. Господи, какъ это хорошо! У меня стало легко на душѣ.

Она тотчасъ легла въ постель. На рѣсницахъ у нея блестяли слезы, но выраженіе было счастливое, спала она крѣпко и сладко, и видно было, что, въ самомъ дѣлѣ, у нея легко на душѣ и что она отдыхаетъ. Давно-давно уже она не спала такъ!

И вотъ мы начали жить вмѣстѣ. Она все пѣла и говорила, что ей очень хорошо, и книги, которыя мы брали въ библіотекѣ, я уносилъ обратно не читанными, такъ какъ она уже не могла читать; ей хотѣлось только мечтать и говорить о будущемъ. Починяя мое бѣлье или помогая Карповнѣ около печки, она то напѣвала, то говорила о своемъ Владимірѣ, объ его умѣ, прекрасныхъ манерахъ, добротѣ, объ его необыкновенной учености, и я соглашался съ нею, хотя уже не любилъ ея доктора. Ей хотѣлось работать, жить самостоятельно, на свой счетъ, и она говорила, что пойдетъ въ учительницы или въ фельдшерницы, какъ только позволить здоровье, и будетъ сама мыть полы, стирать бѣлье. Она уже страстно любила своего маленькаго; его еще не было на свѣтѣ, но она уже знала, какіе у него глаза, какія руки и какъ онъ смѣется. Она любила поговорить о воспитаніи, а такъ какъ лучшимъ человѣкомъ на свѣтѣ былъ Владиміръ, то и всѣ разсужденія ея о воспитаніи сводились къ тому только, чтобы мальчикъ былъ такъ же очарователемъ, какъ его отецъ. Конца не было разговорамъ, и все, что она говорила, возбуждало въ ней живую радость. Иногда радовался и я, самъ не зная чему.

Должно-быть, она заразила меня своею мечтательностью. Я тоже ничего не читалъ и только мечталъ; по вечерамъ, несмотря на утомленіе, я ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки въ карманы, и говорилъ о Машѣ.

— Какъ ты думаешь, — спрашивалъ я сестру: — когда она вернется? Миѣ кажется, она вернется къ Рождеству, не позже. Что ей тамъ дѣлать?

— Если она тебѣ не пишетъ, то, очевидно, вернется очень скоро.

— Это правда, — соглашался я, хотя отлично зналъ, что Машѣ уже не зачѣмъ возвращаться въ нашъ городъ.

Я сильно соскучился по ней и уже не могъ не обманы-

вать себя и старался, чтобы меня обманывали другіе. Сестра ожидала своего доктора, а я — Машу, и оба мы непрерывно говорили, смѣялись и не замѣчали, что мѣшаемъ спать Карповиѣ, которая лежала у себя на печкѣ и все бормотала:

— Самоваръ-то гудѣлъ поутру, гудѣ-ѣлъ! Охъ, не къ добру, сердечные, не къ добру.

У насъ никто не бывалъ, кромѣ почталъона, приносящаго сестрѣ письма отъ доктора, да Прокофія, который иногда вечеромъ заходилъ къ намъ и, молча поглядѣвъ на сестру, уходилъ и ужъ у себя въ кухнѣ говорилъ:

— Всякое званіе должно свою науку помнить, а кто не желаетъ этого понимать по своей гордости, тому юдоль.

Онъ любилъ слово «юдоль». Какъ-то — это было уже на святкахъ, — когда я проходилъ базаромъ, онъ зазвалъ меня къ себѣ въ мясную лавку и, не подавая мнѣ руки, заявилъ, что ему нужно поговорить со мною о какомъ-то очень важномъ дѣлѣ. Онъ былъ красенъ отъ мороза и отъ водки; возлѣ него за прилавкомъ стоялъ Никола съ разбойничьимъ лицомъ, держа въ рукѣ окровавленный ножъ.

— Я желаю выразить вамъ мои слова, — началъ Прокофія. — Это событіе не можетъ существовать, потому что сами понимаете, за такую юдоль люди не похвалятъ ни насъ, ни васъ. Мамаша, конечно, изъ жалости не можетъ говорить вамъ неприятели, чтобы ваша сестрица перебралась на другую квартиру по причинѣ своего положенія, а я больше не желаю, потому что ихняго поведенія не могу одобрить.

Я понялъ его и вышелъ изъ лавки. Въ тотъ же день я и сестра перебрались къ Рѣдькѣ. У насъ не было денегъ на извозчика, и мы шли пѣшкомъ; я несъ на спинѣ узелъ съ нашими вещами, у сестры же ничего не было въ рукахъ, но она задыхалась, кашляла и все спрашивала, скоро ли мы дойдемъ.

XIX.

Наконецъ, пришло письмо отъ Маши.

«Милый, хорошій М. А., — писала она: — добрый, кроткій «ангелъ вы нашъ», какъ называетъ васъ старый маляръ, прощайте, я уѣзжаю съ отцомъ въ Америку на выставку.

Через нѣсколько дней я увижу океанъ—такъ далеко отъ Дубечни, страшно подумать! Это далеко и необъятно, какъ небо, и мнѣ хочется туда, на волю, я торжествую, я безумствую, и вы видите, какъ нескладно мое письмо. Милый, добрый, дайте мнѣ свободу, скорѣе порвите нить, которая еще держится, связывая меня и васъ. То, что я встрѣтила и узнала васъ, было небеснымъ лучомъ, озарившимъ мое существованіе; но то, что я стала вашею женой, было ошибкой, вы понимаете это, и меня теперь тяготитъ сознаніе ошибки, и я на колѣняхъ умоляю васъ, мой великодушный другъ, скорѣе-скорѣе до отъѣзда моего въ океанъ, телеграфируйте, что вы согласны исправить нашу общую ошибку, снять этотъ единственный камень съ моихъ крыльевъ, и мой отецъ, который приметъ на себя всѣ хлопоты, общается мнѣ не слишкомъ отягощать васъ формальностями. Итакъ, вольная на всѣ четыре стороны? Да?

«Будьте счастливы, да благословить васъ Богъ, простите меня грѣшную.

«Жива, здорова. Сорю деньгами, дѣлаю много глупостей и каждую минуту благодарю Бога, что у такой дурной женщины, какъ я, нѣтъ дѣтей. Я пою и имѣю успѣхъ, но это не увлеченіе, нѣтъ, это—моя пристань, моя келія, куда я теперь ухожу на покой. У царя Давида было кольцо съ надписью: «все проходитъ». Когда грустно, то отъ этихъ словъ становится весело, а когда весело, то становится грустно. И я завела себѣ такое кольцо съ европейскими буквами, и этотъ талисманъ удержитъ меня отъ увлеченій. Все проходитъ, пройдетъ и жизнь, значить ничего не нужно. Или нужно одно лишь сознаніе свободы, потому что, когда человѣкъ свободенъ, то ему ничего, ничего, ничего не нужно. Порвите же нитку. Васъ и сестру крѣпко обнимаю. Простите и забудьте вашу М.»

Сестра лежала въ одной комнатѣ, Рѣдка, который опять былъ боленъ и уже выздоравливалъ,—въ другой. Какъ разъ въ то время, когда я получилъ это письмо, сестра тихо прошла къ маляру, съела возлѣ и стала читать. Она каждый день читала ему Островскаго или Гоголя, и онъ слушалъ, глядя въ одну точку, не смѣясь, покачивая головой, и изрѣдка бормоталъ про себя:

— Все можетъ быть! Все можетъ быть!

Если въ щесѣ изображалось что-нибудь некрасивое,

безобразное, то онъ говорилъ какъ бы съ злорадствомъ, тыча въ книгу пальцемъ:

— Вотъ она, лжа-то! Вотъ она что дѣлаетъ лжа-то!

Пьесы привлекали его и содержаніемъ, и моралью, и своею сложною искусною постройкой, и онъ удивлялся *ему*, никогда не называя *его* по фамиліи:

— Какъ это онъ ловко все пригналъ къ мѣсту!

Теперь сестра тихо прочла только одну страницу и не могла больше: не хватало голоса. Рѣдка взяла ее за руку и, пошевеливъ высохшими губами, сказалъ едва слышно, сильнымъ голосомъ:

— Душа у праведнаго бѣлая и гладкая, какъ мѣлъ, а у грѣшнаго, какъ немза. Душа у праведнаго—олифа свѣтлая, а у грѣшнаго—смола газовая. Трудиться надо, скорбѣть надо, болѣзновать надо,—продолжалъ онъ:—а который человекъ не трудится и не скорбитъ, тому не будетъ царства небеснаго. Горе, горе сытымъ, горе сильнымъ, горе богатымъ, горе заимодавцамъ! Не видать имъ царствія небеснаго. Тля ѣсть траву, ржа—желѣзо...

— А лжа—душу,—продолжила сестра и размѣялась.

Я еще разъ прочелъ письмо. Въ это время въ кухню пришелъ солдатъ, приносившій намъ раза два въ недѣлю, неизвѣстно отъ кого, чай, французскія булки и рябчиковъ, отъ которыхъ пахло духами. Работы у меня не было, приходилось сидѣть дома по цѣлымъ днямъ, и, вѣроятно, тотъ, кто присылалъ намъ эти булки, зналъ, что мы нуждаемся.

Я слышалъ, какъ сестра разговаривала съ солдатомъ и весело смѣялась. Потомъ она, лежа, ѣла булку и говорила мнѣ:

— Когда ты не захотѣлъ служить и ушелъ въ маляры, я и Анята Благово съ самаго начала знали, что ты правъ, но намъ было страшно высказать это вслухъ. Скажи, какая это сила мѣшаетъ сознаваться въ томъ, что думаешь? Взять вотъ хотя бы Аняту Благово. Она тебя любитъ, обожаетъ, она знаетъ, что ты правъ; она и меня любитъ, какъ сестру, и знаетъ, что я права, и небось въ душѣ завидуетъ мнѣ, но какая-то сила мѣшаетъ ей придти къ намъ, она избѣгаетъ насъ, боится.

Сестра сложила на груди руки и сказала съ увлеченіемъ:

— Какъ она тебя любитъ, если бъ ты зналъ! Въ этой любви она признавалась только мнѣ одной, и то поти-

хоньку, впотемкахъ. Бывало, въ саду заведеть въ темную аллею и начнетъ шептать, какъ ты ей дорогъ. Увидишь, она никогда не поидеть замужъ, потому что любитъ тебя. Тебѣ жаль ее?

— Да.

— Это она прислала булки. Смѣшная, право, къ чему скриваться? Я тоже была смѣшной и глупой, а вотъ ушла оттуда и уже никого не боюсь, думаю и говорю вслухъ, что хочу—и стала счастливой. Когда жила дома и понятія не имѣла о счастьѣ, а теперь я не помѣнялась бы съ королевой.

Пришелъ докторъ Благово. Онъ получилъ докторскую степень и теперь жилъ въ нашемъ городѣ, у отца, отдыхалъ и говорилъ, что скоро опять уѣдетъ въ Петербургъ. Ему хотѣлось заняться прививками тифа и, кажется, холеры; хотѣлось поѣхать за границу, чтобы усовершенствоваться и потомъ занять кафедру. Онъ уже оставилъ военную службу и носилъ престорные шевіотовые пиджаки, очень широкіе брюки и превосходные галстуки. Сестра была въ восторгѣ отъ его булавокъ, запонокъ и отъ краснаго шелковаго платочка, который онъ, вѣроятно, изъ кокетства держалъ въ переднемъ карманѣ пиджака. Однажды, отъ нечего дѣлать, мы съ нею ринялись считать на память всѣ его костюмы и рѣшили, что у него ихъ, по крайней мѣрѣ, штукъ десять. Было ясно, что онъ попрежнему любитъ мою сестру, но онъ ни разу даже въ шутку не сказалъ, что возьметъ ее съ собою въ Петербургъ или за границу, и я не могъ себѣ ясно представить, что будетъ съ нею, если она останется жива, что будетъ съ ея ребенкомъ. А она только безъ конца мечтала и не думала серьезно о будущемъ, она говорила, что пусть онъ ѣдетъ, куда хочетъ, и пусть даже броситъ ее, лишь бы самъ былъ счастливъ, а съ нея довольно и того, что было.

Обыкновенно, придя къ намъ, онъ выслушивалъ ее очень внимательно и требовалъ, чтобы она при немъ пила молоко съ каплями. И въ этотъ разъ было то же самое. Онъ выслушалъ ее и заставилъ выпить стаканъ молока, и послѣ этого въ нашихъ комнатахъ запахло креозотомъ.

— Вотъ умница,—сказалъ онъ, принимая отъ нея стаканъ.—Тебѣ нельзя много говорить, а въ послѣднее время ты болтаешь, какъ сорока. Пожалуйста, молчи.

Она засмѣялась. Потомъ онъ вошелъ въ комнату Рѣдки, гдѣ я сидѣлъ, и ласково похлопалъ меня по плечу.

— Ну, чтѣ, старикъ? — спросилъ онъ, наклоняясь къ больному.

— Ваше высокоблагородіе...—проговорилъ Рѣдка, тихо пошевеливъ губами:—ваше высокоблагородіе, осмѣлюсь доложить... всѣ подь Богомъ ходимъ, всѣмъ помирать надо... Дозвольте правду сказать... Ваше высокоблагородіе, не будетъ вамъ царства небеснаго!

— Что же дѣлать,—пошутили докторъ:—надо быть кому-нибудь и въ аду.

И вдругъ что-то сдѣлалось съ моимъ сознаниемъ; точно мнѣ приснилось, будто зимой, ночью, я стою въ бойнѣ на дворѣ, а рядомъ со мною Прокофій, отъ котораго пахнетъ перцовкой; я сдѣлать надъ собою усиліе и протеръ глаза, и тотчасъ же мнѣ представилось, будто я иду къ губернатору для объясненій. Ничего подобнаго не было со мной ни раньше, ни потомъ, и эти странныя воспоминанія, похожія на сонъ, я объясняю переутомленіемъ нервовъ. Я переживалъ и бойню, и объясненіе съ губернаторомъ и въ то же время смутно сознавалъ, что этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Когда я очнулся, то увидѣлъ, что я уже не дома, а на улицѣ, и вмѣстѣ съ докторомъ стою около фонаря.

— Грустно, грустно, — говорилъ онъ, и слезы текли у него по щекамъ.—Она весела, постоянно смѣется, надѣется, а положеніе ея безнадежно, голубчикъ. Вашъ Рѣдка ненавидитъ меня и все хочетъ дать понять, что я поступилъ съ нею дурно. Онъ по-своему правъ, но у меня тоже своя точка зрѣнія, и я нисколько не раскаиваюсь въ томъ, что произошло. Надо любить, мы всѣ должны любить — не правда ли?—безъ любви не было бы жизни; кто боится и избѣгаетъ любви, тотъ не свободенъ.

Мало-по-малу онъ перешелъ на другія темы, заговорилъ о наукѣ, о своей диссертациі, которая понравилась въ Петербургѣ; онъ говорилъ съ увлеченіемъ и уже не помнилъ ни о моей сестрѣ, ни о своемъ горѣ, ни обо мнѣ. Жизнь увлекала его. У той—Америка и кольцо съ надписью, думалъ я, а у этого—докторская степень и ученая карьера, и только я и сестра остались при старомъ.

Простившись съ нимъ, я подошелъ къ фонарю и еще

разъ прочелъ письмо. И я вспомнилъ, живо вспомнилъ, какъ весной, утромъ, она пришла ко мнѣ на мельницу, легла и укрылась полушубочкомъ — ей хотѣлось походить на простую бабу. А когда, въ другой разъ, — это было тоже утромъ, — мы доставали изъ воды вершу, то на насъ съ прибрежныхъ ивъ сыпались крупныя капли дождя, и мы смѣялись..

Въ нашемъ домѣ на Большой Дворянской было темно. Я перелѣзъ черезъ заборъ и, какъ дѣлалъ это въ прежнее время, прошелъ чернымъ ходомъ въ кухню, чтобы взять тамъ лампочку. Въ кухнѣ никого не было; около печи шипѣлъ самоваръ, поджидая моего отца. «Кто-то теперь, — подумалъ я: — разливаетъ отцу чай?» Взявши лампочку, я пошелъ въ хибарку и тутъ примостилъ себѣ постель изъ старыхъ газетъ и легъ. Костыли на стѣнахъ сурово глядѣли попржему, и тѣни ихъ мигали. Было холодно. Мнѣ представилось, что сейчасъ должна придти сестра и принести мнѣ ужинъ, но тотчасъ же я вспомнилъ, что она больна и лежитъ въ домѣ Рѣдки, и мнѣ показалось страннымъ, что я перелѣзъ черезъ заборъ и лежу въ нетопленной хибаркѣ. Сознанье мое путалось, и я видѣлъ всякій вздоръ.

Звонокъ. Съ дѣтства знакомые звуки: сначала проволока шуршитъ по стѣнѣ, потомъ въ кухнѣ раздается короткій, жалобный звонъ. Это изъ клуба вернулся отецъ. Я всталъ и отправился въ кухню. Кухарка Аксинья, увидѣвъ меня, всилеснула руками и почему-то заплакала.

— Родной мой! — заговорила она тихо. — Дорогой! О, Господи!

И отъ волненія стала мять въ рукахъ свой фартукъ. На окнѣ стояли четвертныя бутылки съ ягодами и водкой. Я налилъ себѣ чайную чашку и съ жадностью выпилъ, потому что мнѣ сильно хотѣлось пить. Аксинья только недавно вымыла столъ и скамьи, и въ кухнѣ былъ запахъ, какой бываетъ въ свѣтлыхъ, уютныхъ кухняхъ у опрятныхъ кухарокъ. И этотъ запахъ, и крикъ сверчка когда-то въ дѣтствѣ манили насъ, дѣтей, сюда въ кухню и располагали къ сказкамъ, къ игрѣ въ короли..

— А Клеопатра гдѣ? — спрашивала Аксинья тихо, торопясь, сдерживая дыханіе. — А шапка твоя гдѣ, батюшка? А жена, сказываютъ, въ Питерь уѣхала?

Она служила еще при нашей матери и купала когда-то меня и Клеопатру въ корытѣ, и теперь для нея мы все еще были дѣти, которыхъ нужно было наставлять. Въ какія-нибудь четверть часа она выложила передо мною всѣ свои соображенія, какія съ разсудительностью старой слуги скапливала въ тиши этой кухни все время, пока мы не видѣлись. Она сказала, что доктора можно заставить жениться на Клеопатрѣ, — стѣбитъ только припутнуть его, и если хорошо написать прошеніе, то архіерей расторгнетъ его первый бракъ; что хорошо бы потихоньку отъ жены Дубечню продать, а деньги положить въ банкъ на мое имя; что если бы я и сестра поклонились отцу въ ноги и попросили хорошенько, то, быть-можетъ, онъ простилъ бы насъ; что надо бы отслужить молебень Царицѣ Небесной...

— Ну, иди, батюшка, поговори съ нимъ,—сказала она, когда послышался кашель отца.—Ступай, поговори, поклонись, голова не отвалится.

Я пошелъ. Отецъ уже сидѣлъ за столомъ и чертилъ планъ дачи съ готическими окнами и съ толстою башней, похожею на пожарную каланчу—нѣчто необыкновенно упрямое и бездарное. Я, войдя въ кабинетъ, остановился такъ, что мнѣ былъ виденъ этотъ чертежъ. Я не зналъ, зачѣмъ я пришелъ къ отцу, но помню, когда я увидѣлъ его тощее лицо, красную шею, сто тѣнь на стѣнѣ, то мнѣ захотѣлось броситься къ нему на шею и, какъ учила Аксинья, поклониться ему въ ноги; но видъ дачи съ готическими окнами и съ толстою башней удержалъ меня.

— Добрый вечеръ,—сказалъ я.

Онъ взглянулъ на меня и тотчасъ же опустилъ глаза на свой чертежъ.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ онъ, немного погодя.

— Я пришелъ вамъ сказать,—сестра очень больна. Она скоро умретъ,—добавилъ я глухо.

— Что жъ?—вздыхнулъ отецъ, снимая очки и кладя ихъ на столъ. — Что поѣешь, то и пожнешь. Что поѣешь, — повторилъ онъ, вставая изъ-за стола: — то и пожнешь. Я прошу тебя вспомнить, какъ два года назадъ ты пришелъ ко мнѣ, и вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ я просилъ тебя, умолялъ сставить свои заблужденія, напоминалъ тебѣ с долгѣ, чести и о твоихъ обязанностяхъ по отношенію къ предкамъ, традиціи которыхъ мы должны свято хранить.

Послушалъ ли ты меня? Ты пренебрегъ моими совѣтами и съ упорствомъ продолжалъ держаться своихъ ложныхъ взглядовъ; мало того, въ свои заблужденія ты вовлекъ также сестру и заставилъ ее потерять нравственность и стыдъ. Теперь вамъ обоимъ приходится нехорошо. Что жъ? Что посѣешь, то и пожнешь!

Онъ говорилъ это и ходилъ по кабинету. Вѣроятно, онъ думалъ, что я пришелъ къ нему съ повинною, и, вѣроятно, онъ ждалъ, что я начну просить за себя и сестру. Минъ было холодно, я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и говорилъ съ трудомъ, хриплымъ голосомъ.

— И я тоже прошу вспомнить,—сказалъ я:—на этомъ самомъ мѣстѣ я умолялъ васъ понять меня, вдуматься, вмѣстѣ рѣшить, какъ и для чего намъ жить, а вы въ отвѣтъ заговорили о предкахъ, о дѣдушкѣ, который писалъ стихи. Вамъ говорить теперь о томъ, что ваша единственная дочь безнадежна, а вы опять о предкахъ; о традиціяхъ!.. И такое легкомысліе въ старости, когда смерть не за горами, когда осталось жить какихъ-нибудь пять, десять лѣтъ!

— Ты зачѣмъ пришелъ сюда?—строго спросилъ отецъ, очевидно оскорбленный тѣмъ, что я попрекнулъ его легкомысліемъ.

— Не знаю. Я люблю васъ, мнѣ невыразимо жаль, что мы такъ далеки другъ отъ друга,—вотъ я и пришелъ. Я еще люблю васъ, но сестра уже окончательно порвала съ вами. Она не прощаетъ и уже никогда не проститъ. Ваше одно имя возбуждаетъ въ ней отвращеніе къ прошлому, къ жизни.

— А кто виновать?—крикнулъ отецъ. —Ты же и виновать, негодяй!

— Да, пусть я виновать,—сказалъ я.—Сознаю, я виновать во многомъ, но зачѣмъ же эта ваша жизнь, которую вы считаете обязательною и для насъ,—зачѣмъ она такъ скучна, такъ бездарна, зачѣмъ ни въ одномъ изъ этихъ домовъ, которые вы строите вотъ уже тридцать лѣтъ, нѣтъ людей, у которыхъ я могъ бы поучиться, какъ жить, чтобы не быть виноватымъ? Во всемъ городѣ ни одного честнаго человѣка! Эти ваши дома—проклятія гнѣзда, въ которыхъ сживаются со свѣта матерей, дочерей, мучаютъ дѣтей... Бѣдная моя мать! —продолжалъ я въ отчаяніи. —Бѣдная

сестра! Нужно одурять себя водкой, картами, сплетнями, надо подличать, ханжить, или десятки лѣтъ чертить и чертить, чтобы не замѣчать всего ужаса, который прячется въ этихъ домахъ. Городъ нашъ существуетъ уже сотни лѣтъ и за все время онъ не далъ родинѣ ни одного полезнаго человѣка — ни одного! Вы душили въ зародышѣ все мало-мальски живое и яркое! Городъ лавочниковъ, трактирщиковъ, канцеляристовъ, ханжей, ненужный, бесполезный городъ, о которомъ не пожалѣла бы ни одна душа, если бы онъ вдругъ провалился сквозь землю.

— Я не желаю слушать тебя, негодяй!—сказалъ отецъ и взялъ со стола линейку. — Ты пьянъ! Ты не смѣешь являться въ такомъ видѣ къ отцу! Говорю тебѣ въ послѣдній разъ, и передай это своей безнравственной сестрѣ, что вы отъ меня ничего не получите. Непокорныхъ дѣтей я вырвалъ изъ своего сердца, и если они страдаютъ отъ непокорности и упорства, то я не жалѣю ихъ. Можешь уходить откуда пришелъ! Богу угодно было наказать меня вами, но я со смиреніемъ переношу это испытаніе, и, какъ Іовъ, нахожу утѣшеніе въ страданіяхъ и постоянномъ трудѣ. Ты не долженъ переступать моего порога, пока не исправишься. Я справедливъ, все, что я говорю, это полезно, и если ты хочешь себѣ добра, то ты долженъ всю свою жизнь помнить то, что я говорилъ тебѣ и говорю.

Я махнулъ рукой и вышелъ. Затѣмъ не помню, что было ночью и на другой день.

Говорятъ, что я ходилъ по улицамъ безъ шапки, шатаясь, и громко пѣлъ, а за мною толпами ходили мальчишки и кричали!

— Маленькая польза! Маленькая польза!

XX.

Если бы у меня была охота заказать себѣ кольцо, то я выбралъ бы такую надпись: «ничто не проходитъ». Я вѣрю, что ничто не проходитъ безслѣдно, и что каждый малѣйшій шагъ нашъ имѣетъ значеніе для настоящей и будущей жизни.

То, что я пережилъ, не прошло даромъ. Мои большія несчастья, мое терпѣніе тронули сердца обывателей, и теперь меня уже не зовутъ маленькой пользой, не смѣются надо мною, и, когда я прохожу торговыми рядами, меня

уже не обливаютъ водой. Къ тому, что я сталъ рабочимъ, уже привыкли и не видятъ ничего страннаго въ томъ, что я, дворянинъ, ношу ведра съ краской и вставляю стекла; напротивъ, мнѣ охотно даютъ заказы, и я считаюсь уже хорошимъ мастеромъ и лучшимъ подрядчикомъ, послѣ Рѣдки, который хотя и выздоровѣлъ и хотя попрежнему красить безъ подмостковъ купола на колокольняхъ, но уже не въ силахъ управляться съ ребятами; вмѣсто него я теперь бѣгаю по городу и ищу заказовъ, я нанимаю и рассчитываю ребятъ, я беру деньги взаймы подъ большіе проценты. И теперь, ставши подрядчикомъ, я понимаю, какъ это изъ-за грошоваго заказа можно дня по три бѣгать по городу и искать кровельщиковъ. Со мною вѣжливы, говорятъ мнѣ *вы*, и въ домахъ, гдѣ я работаю, меня угощаютъ чаемъ и присылаютъ спросить, не хочу ли я обѣдать. Дѣти и дѣвушки часто приходятъ и съ любопытствомъ и съ грустью смотрятъ на меня.

Какъ-то я работалъ въ губернаторскомъ саду, красилъ тамъ бесѣдку подъ мраморъ. Губернаторъ, гуляя, зашелъ въ бесѣдку и, отъ нечего дѣлать, заговорилъ со мною, и я напомнилъ ему, какъ онъ когда-то приглашалъ меня къ себѣ для объясненій. Онъ минуту вглядывался мнѣ въ лицо, потомъ сдѣлалъ ротъ, какъ о, развелъ руками и сказалъ:

— Не помню!

Я постарѣлъ, сталъ молчаливъ, суровъ, строгъ, рѣдко смѣюсь, и говорятъ, что я сталъ похожъ на Рѣдку и, какъ онъ, нагоняю на ребятъ скуку своими бесполезными наставленіями.

Марія Викторовна, бывшая жена моя, живетъ теперь за границей, а ея отецъ, инженеръ, гдѣ-то въ восточныхъ губерніяхъ строить дорогу и покупаетъ тамъ имѣнія. Докторъ Благово тоже за границей. Дубечня перешла опять къ госпожѣ Чепраковой, которая купила ее, выторговавъ у инженера двадцать процентовъ уступки. Моисей ходитъ уже въ шляпѣ котелкомъ; онъ часто пріѣзжаетъ въ городъ на бѣговыхъ дрожкахъ по какимъ-то дѣламъ и останавливается около банка. Говорятъ, что онъ уже купилъ себѣ имѣніе съ переводомъ долга и постоянно справляется въ банкѣ насчетъ Дубечни, которую тоже собирается купить. Бѣдный Иванъ Чепраковъ долго шатался по городу, ничего не дѣ-

лая и пьянствуя. Я попытался - было пристроить его къ нашему дѣлу, и одно время онъ вмѣстѣ съ нами красилъ крыши и вставлялъ стекла, и даже вошелъ во вкусъ, и, какъ настоящій маляръ, кралъ олифу, просилъ на чай, пьянствовалъ. Но скоро дѣло надоѣло ему, онъ заскучалъ и вернулся въ Дубечню, и потомъ ребята признавались мнѣ, что онъ подговаривалъ ихъ какъ-нибудь ночью вмѣстѣ съ нимъ убить Моисея и ограбить генеральшу.

Отецъ сильно постарѣлъ, сторбился и по вечерамъ гуляетъ около своего дома. Я у него не бываю.

Прокофій во время холеры лѣчилъ лавочниковъ перцовкой и дегтемъ и бралъ за это деньги, и, какъ я узналъ изъ нашей газеты, его наказывали розгами за то, что онъ, сидя въ своей мясной лавкѣ, дурно отзывался о докторахъ. Его приказчикъ Николка умеръ отъ холеры. Карповна еще жива и попрежнему любитъ и боится своего Прокофія. Увидѣвъ меня, она всякій разъ печально качаетъ головой и говорить со вздохомъ:

— Пропала твоя головушка!

Въ будни я бываю занятъ съ ранняго утра до вечера. А по праздникамъ, въ хорошую погоду, я беру на руки свою крошечную племянницу (сестра ожидала мальчика, но родилась у нея дѣвочка) и иду, не слѣша, на кладбище. Тамъ я стою или сижу, и подолгу смотрю на дорогую мнѣ могилу и говорю дѣвочкѣ, что тутъ лежитъ ея мама.

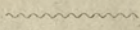
Иногда у могилы я застаю Анюту Благово. Мы здороваемся и стоимъ молча, или говоримъ о Клеопатрѣ, объ ея дѣвочкѣ, о томъ, какъ грустно жить на этомъ свѣтѣ. Потомъ, выйдя изъ кладбища, мы идемъ молча, и она замедляетъ шагъ — нарочно, чтобы подольше идти со мной рядомъ. Дѣвочка, радостная, счастливая, жмурясь отъ яркаго дневнаго свѣта, смѣясь, протягиваетъ къ ней ручки, и мы останавливаемся и вмѣстѣ ласкаемъ эту милую дѣвочку.

А когда входимъ въ городъ, Анята Благово, волнуясь и краснѣя, прощается со мною и продолжаетъ идти одна, солидная, суровая... И уже, никто изъ встрѣчныхъ, глядя на нее, не могъ бы подумать, что она только-что шла рядомъ со мною и даже ласкала ребенка.

Оглавленіе

ХІ ТОМА.

	СТР.		СТР.
Супруга.	3	Новая дача	64
Анна на шеѣ.	10	На подводѣ	78
Домъ съ мезониномъ	23	Мужики	87
Въ родномъ углу	42	Моя жизнь	118
Печенѣгъ	54		

LIBRARY

OF THE

UNIVERSITY OF CHICAGO
CHICAGO, ILLINOIS
1900

Copyright, 1900, by the University of Chicago

F

24. 113 /
11-12